

Л.А. Юшкова

ДИНАМИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ
С НАРЕЧНЫМИ ЧАСТИЦАМИ
В РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКЕ
СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
(СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Ижевск
2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт языка и литературы

Л.А. Юшкова

**Динамика глагольных единиц с наречными
частицами в разговорной лексике современного
немецкого языка (словообразовательный аспект)**

Монография

Ижевск

2025

УДК 811.11'1

ББК 81.43-00

Ю963

Рецензенты: д-р филол. наук, профессор, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» **В.А. Собянина**,
д-р филол. наук, профессор, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
Э.Л. Шубина.

Юшкова Л.А.

Ю963 Динамика глагольных единиц с наречными частицами в разговорной лексике современного немецкого языка (словообразовательный аспект): монография / Л.А. Юшкова. – Ижевск: Удмуртский университет, 2025. – 183 с.

ISBN 978-5-4312-1269-7

DOI 10.35634/978-5-4312-1269-7-2025-1-183

Монография посвящена анализу тенденций в сфере глагольного словообразования немецкой разговорной лексики и ориентирована на специалистов в области теории языка, лексикологии, словообразования, лексикографии и стилистики современного немецкого языка. Материал представляет интерес для преподавателей иностранных языков в вузах, аспирантов и студентов факультетов и институтов иностранных языков, а также для широкого круга читателей, интересующихся современным немецким языком.

УДК 811.11'1

ББК 81.43-00

ISBN 978-5-4312-1269-7

DOI 10.35634/978-5-4312-1269-7-2025-1-183

© Юшкова Л.А., 2025

© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2025

*Посвящается моему папе –
Старикову Анатолию Васильевичу*

ВВЕДЕНИЕ

Данная монография дает представление об актуальном состоянии, потенциале и тенденциях развития системы словообразования немецкой разговорной глагольной лексики, образованной с участием превербальных компонентов наречного характера. Она представляет собой продолжение предыдущей книги [Юшкова, 2016], также посвященной комплексу проблем, связанных с глагольным словообразованием в разговорной лексике немецкого языка. В фокусе внимания находятся лексемы особого рода – глагольные единицы, которые структурно представляют собой сочетания мотивирующей основы и отделяемого приглагольного компонента-частицы. Термин «частица» в традиции немецкого словообразования понимается в широком смысле, как «общее понятие для всех классов так называемых «служебных», «формальных» или «частичных» слов, <...> которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений» [Виноградов, 1986].

Выбор данного пласта немецкой лексики, а именно глагольных единиц с приглагольными частицами, в качестве объекта изучения был изначально обусловлен, во-первых, его спецификой, структурно-семантическим своеобразием, сближающим глагольные единицы как со сложными словами, так и с префиксальными глаголами. В соответствии с классификацией синкретических явлений в глагольном словообразовании немецкого языка, которая была представлена в предыдущей монографии, они трактуются нами как единицы, чьи первые компоненты имеют формальное совпадение с основой самостоятельного слова – предложной или наречной частицей [Юшкова, 2016: 54–55].

Данный способ словообразования отличается значительной продуктивностью в словообразовании разговорной лексики немец-

кого языка и, вследствие этого, нуждается в постоянном внимании и подробном описании. Его «гибридный» характер является причиной семантического и структурного многообразия созданных по таким моделям глагольных единиц и ставит перед исследователем целый комплекс сложных вопросов, требующих объяснения и решения с учетом разных аспектов.

Другая причина заключается в том, что усиление языковой динамики, в том числе, словообразовательных тенденций, наиболее сильно ощущается на уровне разговорной лексики. Система словообразования немецкой разговорной лексики подвергается активному воздействию как собственно лингвистических, так и внешних, нелингвистических факторов. Поскольку разговорный язык оперативно реагирует на подобные изменения и обладает способностью оказывать влияние на общелитературный стандарт, его изучение необходимо для понимания актуальных особенностей и потенциала развития системы немецкого словообразования в целом.

Сказанное в полной мере относится и к области образования разговорных глагольных единиц с превербами-частицами. Его своеобразие проявляется на всех уровнях словообразовательной системы.

На уровне семантики и структуры новых лексем и элементов их словообразовательной структуры своеобразие глагольных единиц обусловлено:

1) спецификой семантических структур приглагольных наречных и предложных частиц, применительно к словообразованию разговорной лексики;

2) спецификой значений словообразовательных моделей с участием приглагольных наречных и предложных частиц применительно к словообразованию разговорной лексики, что выражается, в частности, в существовании словообразовательных моделей со значением, нехарактерным для общелитературной лексики; например, образование лексем по моделям с аугментативным значением, указывающим на количественное изменение признака;

3) фактами частой реализации словообразовательных моделей, малопродуктивных в словообразовании общелитературной лексики.

На уровне взаимодействия словообразовательных элементов и производящих основ друг с другом своеобразие исследуемых единиц определяется особенностями внутрисловной сочетаемости компонентов глагольных единиц, отклонениями от правил внутрисловной валентности: примером служит создание гибридных моделей или моделей с участием основ, относящихся к «неподходящему» лексико-семантическому классу или понятию.

На уровне мотивационных значений специфика разговорных глагольных единиц характеризуется:

1) многообразием типов мотивационных отношений и варьированием степеней мотивированности от полной ясности до значительной идиоматизации;

2) сложностью мотивационных отношений большинства единиц в связи с затемнением, а в ряде случаев – утратой мотивационных связей, что вызвано семантическим преобразованием мотивирующей основы в процессе словообразования.

На уровне функционирования словообразовательных элементов, а также словообразовательных моделей и их вариантов своеобразие разговорных глагольных единиц выражается в предпочтительном использовании определенных приглагольных компонентов и словообразовательных моделей.

В данной книге будут затронуты только некоторые из множества проблемных вопросов, обусловленных спецификой данного способа глагольного словообразования в разговорной немецкой лексике.

В первой главе монографии «Немецкий разговорный язык как особая разновидность языка» рассматриваются подходы к определению понятия «немецкий обиходно-разговорный язык», существующие в немецкой лингвистической традиции. В центре внимания находится проблема статуса немецкого разговорного языка, который анализируется как с точки зрения традиционного подхода (как «посредник» между литературным языком и диалектами), так и с позиции его погружения в пространство нескольких характеризующих измерений: прежде всего диатопического, диастратического, диафазического. Также затрагивается проблема дифференциации термина

«разговорный язык» и смежных с ним понятий, уточняется позиция, которую разговорный язык занимает по отношению к литературному стандарту. Разговорный язык рассматривается с одной стороны, как часть диасистемы современного немецкого языка, и, с другой стороны, как самостоятельная сложная многомерная система.

Во второй главе монографии «Структурно-семантический анализ немецких разговорных глагольных единиц с приглагольными наречными частицами» содержится подробное описание словообразовательных моделей, которые были выявлены в результате структурно-семантического анализа разговорных глагольных единиц с наречными частицами, и их семантических вариантов. Здесь же представлены результаты анализа количественной и качественной продуктивности моделей образования немецких разговорных глагольных лексем с наречными частицами, систематизируются лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на степень продуктивности и условия реализации словообразовательных моделей. Особое внимание уделяется анализу правил внутренней валентности, влияющих на сочетаемость компонентов исследуемых лексем, и выявлению фактов нарушения этих правил в процессе образования немецких разговорных глагольных единиц.

В третьей главе «Динамика словообразования глагольной лексики в контексте глобальных кризисных явлений современности» ставится задача проанализировать способы влияния глобальных кризисных явлений на словообразование. Исследование проводилось на примере процессов, активизировавшихся в словообразовании немецкой лексики под влиянием событий, связанных с распространением инфекции COVID-19 (с октября 2019 по июнь 2022 года). Явления такого масштаба приводят к изменениям во всех сферах социальной жизни и неизбежно становятся глубинными стимулами изменений в языке, усиливая действие как лингвистических, так и нелингвистических факторов языковой динамики. На уровне словообразования такое влияние выражается в избирательной активизации конкретных словообразовательных моделей, которые отвечают определенным требованиям. Во-первых, они должны быть удобны и соответствовать принципу языковой экономии, позволяя

передать максимум содержания при минимуме средств выражения. Во-вторых, они должны давать возможность эмоционально-экспрессивного выражения, отчасти поэтому в кризисные и значимые для общества периоды наблюдается подъем активности периферийных, нестандартных моделей и их вариантов, способных создавать оригинальные, эмоционально окрашенные и привлекающие внимание номинации.

В четвертой главе «Эврисемия немецких разговорных глагольных единиц с приглагольными наречными частицами» рассматривается особая группа немецких разговорных глагольных единиц, образованных от основ широкозначных глаголов. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить типичные недостатки лексикографического описания таких единиц и предложить методы разграничения и систематизации их узуальных употреблений. Для проведения контекстуального анализа, который позволил выявить нюансы в структурах значений конкретных реализаций широкозначных глагольных лексем, использовались тексты современных публицистических изданий, включенные в электронный текстовый корпус Берлинско-Бранденбургской академии наук (DWDS-Corpus) и корпус Лейпцигского университета (Das Wortschatz-Portal), разработанный Институтом информатики Лейпцигского университета (Leipzig Corpora Collection (LCC)).

В заключении подводятся итоги исследования.

Библиография к Введению

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов [Электронный ресурс] / В.В. Виноградов. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5306> (дата обращения: 2.07.2016).
2. Юшкова Л.А. Тенденции в словообразовании разговорной глагольной лексики современного немецкого языка: образование глагольных единиц с частицами предложного характера: Монография. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2016. – 240 с.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НЕМЕЦКИЙ РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК КАК ОСОБАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ЯЗЫКА

Приступая к анализу словообразовательного аспекта немецких разговорных глагольных единиц, необходимо сделать обзор основных существующих в немецкой лингвистике представлений о его природе и месте в диасистеме¹ немецкого языка², а также уточнить рамки данного термина с позиций концепции полицентричности немецкого языка.

1.1. „Umgangssprache“ vs. „gesprochene Sprache“

В некоторых исследованиях понятие „Umgangssprache“ максимально сближается с понятием „gesprochene Sprache“ («устная речь») [Bausinger, 1965/66: 295], иногда вплоть до синонимичного употребления терминов. Это происходит в том случае, когда внимание акцентируется на их общих основных характеристиках, к которым относят существование исключительно или преимущественно в устной форме коммуникации, неподготовленность, неофициальность, отсутствие какой бы то ни было художественной обработки, диалогичность, использование невербальных средств [Schwitalla, 2012; Sprangenberg, 1998: 174–176]. Однако в традиции немецкой германистики обиходно-разговорный язык представляет собой разновидность национального языка, существующую в устной форме, которая не только обладает перечисленными выше свойствами, но,

¹ Термин «диасистема» обозначает набор разновидностей одного языка, которые имеют разного рода совмещения и пересечения [Lehmann, 2016: 4].

² Несмотря на значительные усилия и успехи в описании природы немецкого разговорного языка, до сих пор существует проблема его отграничения от смежных понятий. В разных работах под «разговорным языком» понимается «местный диалект» [Gehl, 1997: 28–29], «урбанолект» [Römer, Matzke, 2010: 93] или «региолект» [Dittmar, 1997: 253].

в первую очередь, рассматривается с позиций ее территориальной и социальной модификации, то есть с учетом регионального влияния, а также влияния социального положения, уровня образования и индивидуальных характеристик говорящего [Schmidt, 1972: 30].

Несмотря на то, что «устная речь» является довольно распространенным термином в немецкой лингвистике, ее статус как лингвистической категории нуждается в более подробном рассмотрении и уточнении. К проблемным моментам относится слишком высокая степень абстрактности термина, отражающая тенденцию к «гомогенизации» устной речи, отсутствие стимула к ее изучению с учетом внутренней дифференциации. Еще один серьезный недостаток термина – его неоднозначность.

Эта проблема рассматривалась в рамках проектного исследования, цель которого заключалась в уточнении специфики устной речи. Результаты исследования представлены в монографии руководителя проекта Р. Филера „Eigenschaften gesprochener Sprache” [Fieler, 2012]. Описывая сущностные характеристики феномена «устная речь», он указывает на некоторые проблемные моменты, связанные с использованием данного термина.

Как замечает Р. Филер, по сути, термин «устная речь» используется в том же значении, что и термин «устная коммуникация», когда возможно множество вариантов «базовых структур» и их комбинаций, в результате чего сообщение в конкретном акте коммуникации (Gespräch) представляет собой оригинальное и уникальное речевое произведение [Ibid.: 21].

С другой стороны, семантически термин «устная речь» (так же, как синонимичный ему термин «устная коммуникация») не охватывает весь процесс «неписменной» коммуникации, фокусируя внимание исключительно на вербальном компоненте, поэтому авторы проекта прибегают к еще более широкому толкованию понятия «устная речь», рассматривая ее как мультимодальный и интерактивный процесс.

Довольно широко звучит определение устной речи, данное Г. Шанком и Г. Шёнеталь, как «свободно формулируемой, спонтанной речи

в естественной коммуникативной ситуации» [Schank, Schoenethal, 1983: 7]. Как поясняют авторы, это «язык в смысле его функционирования, а не в смысле языковой системы» [Ibid.].

Таким образом, термин „gesprochene Sprache“ относится именно к речи, живой коммуникации, тогда как “Umgangssprache“ – форма существования языка, для которой характерно наличие системно организованных особенностей. Речь, конечно же, идет не о полнотой самостоятельном, отдельном от общелитературного строя языке, но о системности специфических языковых средств разговорности. Как замечает Л.Б. Копчук, «<...> обиходно-разговорный язык содержит большее или меньшее количество структур и элементов, которые не принадлежат ни соответствующему диалекту, ни соответствующему литературному стандарту, а создают собственную норму» [Копчук, 2002: 103]. В связи со сказанным, уместно привести высказывание В.Д. Девкина об отсутствии полной «самодостаточности» и автономности системы разговорного языка: «она <разговорность> не автономна и, несмотря на системность своих специфических средств, не представляет собой особой самостоятельной, «самодостаточной» системы» [Девкин, 1972: 12]. Разговорная речь – естественная, объективная и узнаваемая форма языка, но существует она в пределах единой языковой системы, используя основной арсенал общезыковых средств, в том числе, словообразование разговорных лексем базируется на общезыковых моделях с использованием, главным образом, общезыковых словообразовательных морфем. Для обеспечения основной функции разговорного языка – установление неформальных, непринужденных отношений между участниками общения – регулярно и взаимосвязано используются специфические языковые средства, что позволяет говорить о разговорном языке, как об образовании с признаками системности, то есть о форме языка, а о словообразовании разговорных глагольных единиц как об отдельной области разговорного словообразования. В более поздних работах В.Д. Девкин четко формулирует мнение о том, что разговорная речь, с одной стороны, имеет собственную норму, менее строгую, чем норма литературная,

а с другой стороны, разговорная норма обнаруживает много общего с литературным стандартом, поскольку «как бы стихийны, анархичны, спонтанны ни были разговорные явления, они все же нормированы» [Девкин, 2005: 105].

1.2. Разговорный язык как адаптивный вариант между литературным языком и диалектами

В немецкой германистике уже в рамках регионального направления было широко представлено мнение о разговорном языке, как о форме языка, занимающей промежуточное положение между литературным языком и диалектом. Эта концепция была предложена Х. Мозером, который поместил обиходно-разговорный язык (Umgangssprache) между уровнем диалекта (Volkssprache) и уровнем литературного языка (Hochsprache) [Moser, 1961: 198–204]. В дальнейшем она получила активное развитие в трудах немецких германистов [Kretschmer, 1969; Schmidt, 1972; Dittmar, 1997; Berend, 2005, Engel, 2006 и другие]. В частности, П. Визингер, например, рассматривает разговорный язык в пространственной плоскости как центральное звено в триаде базилект – мезолект – акролект и отграничивает его от понятия „Alltagssprache“ («обиходный язык»):

„Unter Umgangssprache wird daher im folgenden trotz ihrer Uneinheitlichkeit eine bestimmte Sprachform verstanden. Obwohl sich der Terminus aus ‚Sprache des täglichen Gebrauchs‘ entwickelt hat und teilweise auch so gebraucht wird, sei in diesem Sinn die Bezeichnung Alltagssprache verwendet, die je nach Gesprächspartner und Gesprächssituation Dialekt, Umgangssprache oder Standardsprache sein kann“ [Wiesinger, 1997: 11]. / «Под разговорным языком в дальнейшем понимается, несмотря на его гетерогенность, определенная форма языка. Несмотря на то, что этот термин развился из определения «язык повседневной коммуникации» и частично используется в таком понимании до сих пор, в этом смысле следует употреблять обозначение обиходный язык (Alltagssprache), в качестве которого, в зависимости от собеседника или коммуникативной ситуации, может

быть выбран диалект, разговорный язык или литературный язык» (здесь и далее перевод автора – Л.Ю.).

По мнению немецких германистов, разговорный язык представляет собой результат структурного «выравнивания» („Ausgleich“), взаимного согласования диалекта и литературного языка. В ходе этого процесса сложные структуры, свойственные региональным вариантам, уподобляются более простым структурам литературного языка, что и объясняет надрегиональный характер функционирования разговорного языка³ [Цит. по: Dittmar, 2004: 250–262]. Это мнение отражено в определении, которое Х. Мунске дает разговорному языку:

„Mit diesem Sammelbegriff [werden] die zahlreichen regionalen Varianten gesprochener Sprache bezeichnet, die nicht mehr Dialekt und noch nicht Hochsprache sind: Sprachformen mit weitgehend überregionaler Verstehbarkeit, doch zugleich erkennbar regionalem Charakter“ [Munske, 1983: 1002]. / «Это общее определение охватывает множество региональных вариантов, существующих в устной форме, которые уже не являются диалектами, но еще не относятся к литературному языку: это формы языка, которые известны далеко за пределами региона, но то же время имеют заметный региональный характер».

У. Энгель в работе, посвященной описанию языковых форм на территории современной Швабии, поясняет, что обиходно-разговорный язык, находящийся между письменным языком (Schriftsprache) и местным диалектом (Mundart), имеет тенденцию к междиалектному «выравниванию», то есть унификации структурных различий между функционирующими на данной территории диалектами (у Энгеля – „gemeinschwäbischer Ausgleich“). Он используется в качестве средства коммуникации в данной местности и практически

³ Х. Кюппер подчеркивает, что разговорный язык имеет с диалектами много общего: это в первую очередь ситуативная зависимость и субъективность. При этом границы между этими формами языка являются относительными, нечеткими. В отличие от диалекта, разговорная речь имеет общенемецкий статус, что сближает ее с литературным немецким языком. Разница заключается также в том, что разговорная речь «богаче эмоционально-экспрессивными выражениями» [Цит. по: Küppers Nokixel // Spiegel, 1955].

не имеет локальных отличий на всей территории своего функционирования [Engel, 2006: 23]. Таким образом, для характеристики общедно-разговорного языка существенным является вертикальное деление на социально значимые уровни или «пласты», в отличие от диалектального деления на области в горизонтальной плоскости („Sprachschichten“ и „Sprachkreise“ в терминологии У. Энгеля): *„Aber während die Mundart sozusagen in einer Ebene liegt und Sprachbereiche schafft, strebt die Umgangssprache in die Höhe und teilt sich in Schichten. So tritt also neben die horizontale Gliederung in der Mundart eine vertikale Gliederung“* [Ibid.: 16].

Таким образом, разговорный язык как форма немецкого языка исторически сложился в виде переходного, «адаптивного» варианта между диалектами и литературным языком.

У большинства исследователей эта общая схема получает развитие и более подробное описание этапов, которые отражают процесс эволюции от диалекта к немецкому литературному стандарту. Так, У. Энгель на примере юго-восточного швабского региона выделяет три основных «пласта», соответствующие трем этапам формирования общедно-разговорного языка:

- 1) Grundmundart (исконный, локальный «основной диалект»);
- 2) Stadtmundart («городской диалект», формирующийся под влиянием городских языковых форм в результате размытия и выравнивания «основных диалектов», употребляющийся на большей территории);
- 3) Umgangssprache (общедно-разговорный язык, стремящийся к общерегиональному выравниванию и ближе всего находящийся к литературному стандарту) [Engel, 2006: 23–24].

Общедно-разговорный язык также разделяется на два уровня: «провинциальный общедно-разговорный язык» (provinzielle Umgangssprache), который не является внутренне единым образованием и сохраняет черты местных диалектов, и общий, «вюртембергский общедно-разговорный язык», который имеет единую структуру на всей территории распространения и ориентирован на один образец, в качестве которого выступает языковая форма крупного города, в данном случае – Вюртемберга [Ibid.].

А.И. Домашнев, обобщая взгляды немецких лингвистов (П. Кречмера, Н. Дитмара, У. Бихеля и других), описывает пять форм существования немецкого языка,⁴ также выделяя две формы разговорного языка:

1. Областные обиходно-разговорные языки.

2. Литературно-разговорный язык, сохраняющий некоторые черты диалектов, в том числе, диалектальные лексические единицы [Домашнев, 2001: 129–130].

При этом, по замечанию Л.Б. Копчук, «границы между отдельными формациями обиходно-разговорного языка весьма зыбки, текучи и неустойчивы и определяются в значительной мере условиями развития диалекта в его соотношении с литературным языком» [Копчук, 2002: 104].

1.3. Разговорный язык как многомерная система

В немецкой социолингвистике язык рассматривается как многомерное пространство, в котором выделяется несколько измерений. В этих измерениях задаются характеристики для идентификации объектов – языковых вариантов. В синхронной перспективе, как правило, выделяются три измерения [Munske, 1983: 1002, Nabrings, 1981; Cosseriu, 1988: 24]:

– диатопическое измерение, в котором представлены варианты языка, классифицируемые по территориальному признаку;

– диастратическое измерение, в котором выделяются языки социальных групп (социолекты);

– диафазическое измерение, которое задает координаты для выделения языков различных коммуникативных сфер – функциональных стилей (функциолектов) и стилистических регистров (стилей).

⁴ Классификация форм существования современного немецкого языка А.И. Домашнева включает: 1) диалекты, 2) локальные обиходно-разговорные языки, полу-диалекты, к которым относятся также урбанолекты, 3) областные обиходно-разговорные языки, 4) литературно-разговорный язык, 5) литературный язык [Домашнев, 2001: 129–130].

Как утверждает Ч. Фельдеш, немецкий литературный стандарт является только теоретическим конструктом, вторичным по отношению к множеству дифференцированных и взаимосвязанных региональных разновидностей, которые и составляют архитектуру немецкого языка [Földes, 2005: 39-40]. Разновидности языка плохо поддаются четкому разграничению внутри общезыкового континуума, между ними существуют взаимные пересечения, наложения, возникают переходные области. Между двумя традиционно обозначаемыми полюсами – исконный или базовый диалект и литературный стандарт – существует целый спектр взаимосвязанных и взаимодействующих региональных разновидностей, структура и динамика которых, помимо диатопического параметра, определяются также социальными, функциональными, ситуативными факторами [Ibid.]. В связи с этим архитектура современного немецкого языка может быть адекватно описана только с учетом его «множественной региональности» (mehrfache Regionalität) [Ibid.: 43].

С учетом взаимного воздействия отдельных параметров может быть установлено достаточно большое число языковых вариантов. Так, П. фон Поленц выделяет идеолектальные варианты, территориальные (локальные, региональные и национальные) варианты, политические варианты (политолекты), социальные варианты (социолекты), функциональные / ситуативные варианты (включая специальные языки и язык устоявшихся функциональных стилей), историко-стилистические варианты [Polenz, 2000: 63–64].

К. Леманн пишет о множестве разновидностей, которые могут быть выделены в диафазическом измерении и определяются условиями различных коммуникативных ситуаций, как, например, общение с иностранцем [Lehmann, 2016: 2].

Ч. Фельдеш выстраивает парадигму разновидностей немецкого языка в русле «вариационно-лингвистической диалектологии» („variationslinguistische Dialektologie“) и предлагает модель оппозиций, в которой литературный стандарт противопоставляется другим разновидностям немецкого языка: локальным диалектам („groß- und kleinräumige bzw. lokale Dialekte“), региональным обиходно-разговор-

ным языкам („regionaltypische Umgangssprachen“), национальным вариантам („nationale Varietäten“) и миноритарным вариантам немецкого языка („Deutsch als Minderheitensprache („Kontaktdeutsch““)) [Földes, 2005: 43].

Как было освещено в предыдущем параграфе, в дискуссии о природе и статусе немецкого разговорного языка наибольшее внимание уделяется именно диатопическому аспекту⁵. Такое понимание, которое сформировалось в немецкой традиции и не характерно, например, для романской социолингвистики [Dittmar, 2004: 254], объясняется тем, что исторически в Германии территориальная дифференциация языка и социума являлась основным фактором изменения языковой нормы. Также, как правило, учитывается диастратический параметр, поскольку, как пишет Л.Б. Копчук со ссылкой на Набрингса, «<...> термин *Umgangssprache* был первоначально связан с социальным слоем носителей языка, а именно, со слоем элиты (высшего общества) с ее «возвышенным» (*gehoben*) уровнем общения (Nabrings 1981: 73)» [Копчук, 2002: 103].

По-мнению Н. Дитмара, для характеристики разговорного языка релевантными являются два измерения: территория/пространство (базовый признак: «локальная идентичность») и кодифицирование (базовый признак: «нормированность»). В территориальном аспекте разговорный язык характеризуется наряду с региолектами как надрегиональный вариант (*überregionale Varietät*), а в аспекте кодифицирования – как «близкий к стандарту» („*standardnahe Umgangssprache*“). Дитмар не идентифицирует разговорный язык в групповом измерении, но выделяет такой вариант языка как слэнг⁶, к которому

⁵ Отмечая значительное влияние регионального фактора на немецкий язык, следует иметь в виду, что это влияние проявляется, главным образом, на фонетическом уровне и в гораздо меньшей степени – на уровне лексическом и грамматическом, в связи с чем существует обоснованное мнение о наличии «общенемецкой разговорной речи в отвлечении от ее значительной фонетической <...> вариабельности» и представленной в морфологии, синтаксисе и основном словаре [Девкин, 1973: 22–23].

⁶ Мы придерживаемся той точки зрения, что слэнг, понимаемый как «форма раскованной небрежной речи», для которой характерна образность,

он относит эмоционально окрашенные выражения или лексемы, находящиеся на шкале стилистических регистров ниже нейтрального уровня, и обусловленные ситуацией общения [Ibid., 1997: 179–180].

Несмотря на доминирование диатопического аспекта в толковании природы немецкого разговорного языка, большинство немецких лингвистов не ограничиваются его анализом только в данной плоскости, учитывая социальные, функциональные и, несколько реже, иные характеристики исследуемого феномена. Так, в статье Б. Келлермайер-Ребайна подчеркивается, что диатопическая характеристика в описании языковых форм тесно связана с их диастратической оценкой, на основании чего национальные и ареальные варианты немецкого языка дифференцируются как по территориальному признаку, так и «по признаку их коммуникативной значимости и престижности» [Цит по: Трошина, 2017: 190].

Отмечая приоритет диатопического фактора, Х. Мунске учитывает также влияние других факторов на характеристику немецкого разговорного языка: диамезического, диастратического, диафазического. К признакам разговорного языка, согласно определению Х. Мунске, относятся следующие:

- использование в устной форме;
- региональное происхождение;

экспрессивность, выраженная сниженная стилистическая окраска – от шутиливой до фамильярной и даже грубой [Домашнев, 2001: 131–132], является частью разговорного языка. Сфера неофициального общения, которая обслуживается разговорным языком, предполагает, что между собеседниками устанавливаются доверительные, равноправные отношения, следовательно, небрежность в высказывании в той или иной степени является изначально допустимой. Степень такой небрежности и, как следствие, эмоциональности высказывания может быть разной и определяется, прежде всего, индивидуальными характеристиками участников коммуникации и отношениями между ними.

Несомненно, крайне грубая, вульгарная и обценная лексика не входит в лексический инвентарь разговорного языка, так как формально она служит маркером языковых вариантов, соотносимых с иными социальными группами.

- понимание далеко за пределами родного региона (главным образом, имеется в виду фонетическая сторона речи);
- наличие региональной окраски;
- ситуативная обусловленность;
- социальная обусловленность („diastratisch variierende Form“)

[Munske, 1983: 1002].

Х. Штегер констатирует, что разговорный язык может быть противопоставлен с одной стороны диалектам и литературному языку, с другой стороны – профессиональным языкам, то есть характеризует его в двух основных измерениях: диастратическом и диатопическом. При этом он указывает на проблемы, связанные с описанием разговорного языка, обусловленные его многоаспектностью:

„Stehen formale Unterschiede sprachlicher Zeichensysteme zur Debatte und ggf. welche? Handelt es sich um unterschiedliche geographische Gültigkeitsräume oder um unterschiedliche soziale Trägergruppen? Oder geht es vielleicht um unterschiedliche funktionale Zwecke“? [Цит. по: Dittmar, 2004: 258–259]. / «Необходимо ли обсуждать формальные различия языковых знаковых систем и, если необходимо, то какие? Идет ли речь о различных географических пространствах или о различных социальных группах? Или, возможно, речь идет о различных функциональных задачах?».

Таким образом, в системе координат, которую задает диасистема немецкого языка, разговорный язык занимает определенное место на пересечении нескольких измерений и должен рассматриваться в нескольких – как минимум в трех – измерениях:

1. В диатопическом измерении разговорный язык является адаптивной языковой формой, которая используется всеми носителями немецкого языка, но сохраняет признаки влияния диалектов и региолектов в виде отдельных единиц и структур. Разговорный язык, рассматриваемый в этом измерении, представлен, кроме общенемецкой формы, характерной для образованных слоев населения (литературный разговорный язык), рядом локальных, в том числе, городских и областных обиходно-разговорных вариантов.

2. В диастратическом измерении разговорный язык может быть охарактеризован как форма языка, которая используется лицами со средним и высшим образованием, проживающими в городах. В то же время социальный аспект подразумевает выделение отдельных социально-обусловленных вариантов разговорного языка (социолектов). Разговорный язык может быть дифференцирован по гендерному и возрастному параметрам.

3. В диафазическом аспекте своеобразие разговорного языка определяется спецификой «неформального регистра» („informelles Register“) [Durell, 2012: 90], тем, что он используется в неофициальных ситуациях, предполагающих непринужденность и спонтанность общения. Диафазический параметр указывает на социально обусловленную сферу применения – профессионально или статусно маркированную. Речь также идет о дополнительной этико-эстетической регистровой характеристике. Понимание разговорного языка в этом аспекте, а именно в его функциональном типе, максимально близко представлению о разговорном языке как о функциональном стиле⁷.

Комментируя концепцию принадлежности разговорно-обиходного языка одновременно к трем языковым вариациям, Л.Б. Копчук приходит к выводу, что, «<...> будучи совокупностью диатопических образований – региолектами, разновидности обиходно-разговорного языка представляют собой один из типов диастратических образований, являясь социальными вариантами – социолектами. С другой стороны, в стилистическом (диафазическом) аспекте – обиходно-разговорная речь – рассматривается как разновидность функционального стиля и включается в классификацию стилистических типов (Stiltypen)» [Копчук, 2002: 102].

Суммируя мнения германистов, занимавшихся данной проблемой, можно констатировать, что количество параметров, по ко-

⁷ Л.Б. Копчук замечает, что интерпретация обиходно-разговорного языка в диатопическом и диастратическом измерениях противопоставляет его литературному языку, в то время как при диафазическом направлении «<...> обиходно-разговорный язык остается преимущественно в пределах литературного языка» [Копчук, 2002: 102].

торым характеризуется разговорный язык, не ограничивается тремя перечисленными выше, наиболее очевидными и существенными.

Учитывается также диахронное измерение, в котором выделяются разновидности, свойственные различным периодам развития языка [Lehmann, 2016: 2].

Использование различных медиаканалов обуславливает существование медиалектальных разновидностей разговорного языка. Этот аспект особенно актуален для изучения, так как, во-первых, феномен «письменной разговорной речи» в настоящее время практически не изучен, а во-вторых, с развитием разных форм интернет-коммуникации этот языковой вариант становится все более значимым.

Наконец, в рамках разговорного языка можно выделять различные типы дискурса: бытового, бытийного, институционального⁸ [Карасик, 2000], речевых актов и речевых жанров⁹ (дружеская беседа, семейная беседа, болтовня, телефонный разговор, перебранка и т. д.).

Поскольку к разговорному языку прибегают все носители языка – представители большого числа социально-профессиональных, социально-территориальных, возрастных групп, объединений по интересам и т. д., – и поскольку условия протекания разговорной коммуникации, задаваемые социальной ситуацией, могут быть разными, то в пространстве разговорного языка формируется целый ряд частных языковых разновидностей. Особое место внутри разговорного языка занимают регистры – это варианты, которые в значительной степени характеризуются ситуацией, характером взаимодействия участников коммуникации, предметом общения. В регистре соединяются коммуникативная ситуация, манера говорения участников, тема общения, статус и личностные особенности участников [Dittmar, 1997: 12–13].

⁸ Работ, посвященных изучению дискурсивного аспекта разговорного языка, в настоящее время явно недостаточно. Одним из показательных в данном отношении исследований является работа А.А. Юнаковской, посвященная выявлению составляющих бытийного дискурса в естественной разговорной речи [Юнаковская, 2015: 189–193].

⁹ Подробнее о жанровой характеристике разговорной речи на материале русского языка: [Капанадзе, 1988: 230–234].

1.4. Разговорный язык и литературный стандарт

Необходимо уточнить, какую позицию разговорный язык занимает по отношению к литературному стандарту.

В немецкой германистике литературный стандарт часто понимается как форма языка, признанная и сознательно принятая к употреблению образованными слоями общества, как в письменной, так и в устной форме, как в официальной, так и в неофициальной сфере общения [Barbour, 2005: 325; Jäger, 1980: 377]. Согласно этому пониманию «литературный язык» включает в себя также разговорную форму языка высшего и среднего образованных слоев населения. Это общеупотребительный стандарт, который противопоставляется более строгому, полностью регламентированному и обязательному к усвоению кодифицированному стандарту¹⁰ [Barbour, 2005: 325].

Представление о существовании разговорного языка в двух стилистических вариантах отражено также в предисловии к Словарю современного немецкого языка под редакцией Р. Клаппенбах и В. Штайница. Разговорный язык охватывает два стилистических слоя из четырех стилистических слоев современного немецкого языка, выделенных в Словаре. Условием реализации первого стилистического уровня (или слоя) разговорного языка является нейтральная неофициальная коммуникация:

„Eine Variante der Normalsprache, die im mündlichen Gebrauch erscheint und für die einigen Wörter (z. B. kriegen „bekommen“) typisch sind, bezeichnen wir als Umgangssprache. Schriftlich werden diese Wörter nur in privaten Briefen gebraucht sowie in der Literatur, um eine gewisse Vertraulichkeit auszudrücken“ [Klappenbach, Steinitz, 1967: 12]. / «Вариант литературного языка, который используется в устной речи и для которого типичны некоторые слова (например, krie-

¹⁰ У отечественных лингвистов также устоялось то мнение, что разговорный язык принадлежит области русского литературного стандарта. По определению Е.А. Земской: «Русский литературный язык существует в двух основных разновидностях. Одну из них называют ко д и ф и ц и р о в а н н ы м литературным языком, другую – р а з г о в о р н ы м литературным языком» [Земская, 2011: 3].

gen „bekommen“), мы определяем, как разговорный язык». В письменной форме эти слова употребляются только в личной переписке, а также в литературе, чтобы выразить определенную доверительность».

Второй стилистический слой разговорного языка – фамильярно-разговорный (salopp-umgangssprachlich) или фамильярный (salopp) – отличается от разговорного варианта литературного языка определенной небрежностью:

„Sie würde, im öffentlichen Leben verwendet, salopp und leicht anstößig wirken. <...>. Die Wörter und Redewendungen dieser Stil-schicht sind mehr oder weniger gefühlsbetont (z. B. Abreibung ‚Schelte, Prügel‘, Affe ‚Rausch‘). Die Redewendungen zeichnen sich oft durch Bildhaftigkeit aus“ [Ibid.]. / «Он используется в общественной жизни и звучит фамильярно и несколько грубо. <...>. Слова и выражения, относящиеся к этому стилистическому слою, более или менее эмоциональны (например, Abreibung ‚Schelte, Prügel‘, Affe ‚Rausch‘). Выражения часто отличаются образностью».

Э. Фельдер, опираясь на тезис о способности языка к саморегуляции, подчеркивает, что вариативность языка и изменения его норм служат показателем его функциональной способности к лингвистическому освоению различных, постоянно меняющихся сфер жизни [Felder, 2003: 495]. Способность сохранять баланс между традицией, стабильностью и разумной вариативностью является, таким образом, неотъемлемым признаком и одним из критериев идентификации любого языка (или его разновидности) как знаковой системы. Если говорить о литературном языке, то наиболее активная динамика наблюдается именно в его общеупотребительном – литературно-разговорном – слое. В рамках национального языка, это замечание может быть прежде всего отнесено к разговорному варианту, а также некоторым социолектам, которые склонны к заметным преобразованиям и большим переменам, чем литературный стандарт (в то время, как, например, функциональный стиль делового общения характеризуется исключительной строгостью и стабильностью). Однако, несмотря на изменчивость, подвижность и проницае-

мость границ, разговорный язык сохраняет свой облик, свою узнаваемость в качестве одного из основных вариантов языка.

Обобщая все сказанное, следует резюмировать, что разговорный язык должен пониматься как форма или разновидность национального языка, одной из важных особенностей которого является то, что он захватывает как область литературного стандарта, так и область субстандарта. Отдельные элементы разговорного языка фиксируются в словарях и других справочных материалах, в ряде учебных пособий и используются (по их рекомендации) в определенном стиле общения и определенных типах текстов. Таким образом, выбор разговорного регистра имеет формальные ограничения в зависимости от намерений говорящего и коммуникативной ситуации.

1.5. Специфика лексикографического описания разговорных единиц

Особенности описания немецкой разговорной лексики в словарях в последнее время не часто становятся объектом исследований. Следует упомянуть работы В.Д. Девкина (2005), В.А. Собяниной (2004), Н.И. Хомутской (2002), Л.К. Синягиной (1984), И.Г. Ольшанского (1973). Отдельного внимания, бесспорно, заслуживают труды В.Д. Девкина, который не раз указывал на значительные трудности, связанные с лексикографической фиксацией разговорных слов, и отмечал их многомерность.

Многомерность разговорной лексики является причиной того, что одна и та же разговорная единица может обладать несколькими характеристиками, релевантными в социолингвистическом отношении. В.Д. Девкин замечал, что «значительная часть разговорного фонда ограничена рамками социолектов, специфической среды, локального распространения» [Девкин, 2005: 183]. Это обстоятельство обращает на себя серьезное внимание специалистов в области лексикографии, поскольку значительно затрудняет анализ и описание разговорного материала: требует аккуратности при составлении коллоквиального словника и толкования включенных в него единиц

при помощи дополнительных уточняющих помет, чтобы по возможности максимально раскрыть содержательную сторону разговорного слова.

По точному замечанию В.Д. Девкина, «боязнь нагромождения помет» приводит к тому, что составители словарей не фиксируют разговорность там, где она очевидна, и ограничиваются указанием либо на региональную окраску, либо на стилистический регистр, например, „scherz.“ (scherzhaft) [Девкин, 2005: 101] или „salopp“, как, например, у лексемы *herunterschlucken*. Это приводит к субъективности в подаче языковых фактов. Однако то же самое происходит и в противоположных случаях, – когда помета „umg.“ (umgangssprachlich) заменяет указания на стилистический регистр, территориальное или социальное ограничение в употреблении.

Приведем несколько примеров, когда в содержании разговорного слова находят отражение перечисленные выше аспекты¹¹.

1. Региональная маркированность разговорных слов:

Описывая работу над «Немецко-русским словарем разговорной лексики», его автор В.Д. Девкин признавал, что ареальные характеристики оказывают значительное влияние на словарный состав немецкого языка, и это не позволяет избежать односторонности в составлении словника [Девкин, 2005: 103]. Разговорные лексемы нередко имеют диалектальную окраску, которая обычно фиксируется словарями. В качестве примеров можно привести несколько глагольных единиц с приглагольной частицей *hinter-*:

hintertragen – «(ю.-нем., в.-сев.нем., разг.) 1) нести вниз; 2) передавать кому-либо важную для него информацию (как посредник)»:

„Da anders als am Gymnasium einem nichts *hintergetragen* oder man mehrfach an Dinge erinnert wird“ („Echolon“ TU München Luft- und Raumfahrt // DEINE-STUDIENWAHL.DE, 18.12.2010. URL: <https://clck.ru/3LyKSr> (дата обращения: 09.05.2018)).

¹¹ Некоторые из описанных здесь примеров, а также другие сложные случаи лексикографирования разговорных глагольных единиц были рассмотрены автором в статье [Юшкова, 2017].

hintertrinken – «(ю.-нем., в.-сев.нем., разг.) залпом выпить»:

„Jahr wünschen, ich hab` mich eben mit nem Kumpel so weggehauen haben und ne falsche whiskeyy geteils unfd vodka *hintergetrunken*“ (mito-forum.de. URL: <https://clck.ru/3LyKWY> (дата обращения: 09.05.2018)).

hinterschlingen – «(в.-сев.нем., разг.) заглатывать, жадно глотать, быстро проглатывать»:

„Wieder zurück nach hause, schnell eine schüssel müsli hintergeschlungen, nach halber schüssel gesehen, dass der stubentiger, eine seiner nächtlichen errungenschaften, als stillleben unter dem couchtisch drapiert hat. essen eingestellt“ (Eltern.de Forum. Thema: Wenn ein Montag so beginnt. URL: <https://clck.ru/3LyKV2> (дата обращения: 13.08.2018)).

Обычно такие коллоквиализмы имеют синонимы среди общеупотребительных лексем, как нейтральных (например, *herunterschlucken*), так и разговорных без региональной окраски (*runterschlucken*).

Однако близость диалектальной и обиходно-разговорной лексики, проницаемость границы между этими формами языка может быть причиной расхождения в словарных описаниях некоторых лексем. Например, по данным Электронного словаря современного немецкого языка (DWDS) лексема *ausklamüsern* – «выдумать, изобрести (путем долгих размышлений и проб)» является диалектальной, и снабжена пометами «восточнонемецкое, нижненемецкое, фамильярное». В словаре DUDEN эта лексема помечена как разговорная, вышеуказанные пометы отсутствуют. Действительно, производящий глагол *klamüsern* – «размышлять, раздумывать над чем-либо» имеет северонемецкое происхождение, но употребление глагольной единицы *ausklamüsern* в статьях общенемецких изданий без подержек и вне диалектального контекста доказывает, что в настоящее время она уже не имеет региональной окраски:

„Dass der DFB in geheimen Zirkeln ausklamüsert, wer in der Bundesliga siegen soll, dass er den Schiedsrichtern Anweisungen gibt, wie sie zu pfeifen haben, nämlich im Sinne der Mannschaften, die über eine Lobby verfügen?“ (Rüttenauer A. Die Fußballmafia kommt nicht aus Kroatien // taz.de. 7.02.2005. URL: <https://taz.de/!645755/> (дата обращения: 18.05.2025)).

С точки зрения географии обиходно-разговорной лексики, описания ее территориальной принадлежности особый интерес представляет «Атлас немецкого обиходно-разговорного языка» – систематизированное собрание карт региональных разновидностей современного немецкого языка. Он составлен научным коллективом Университета Зальцбурга и включает материал, собранный в ходе дистанционного (посредством электронной почты) опроса жителей Германии, Австрии, Швейцарии и Северной Италии. Полученные данные были сопоставлены с данными «Лексического атласа немецкого разговорного языка» 1977/1978 гг.

Авторы проекта пишут, что, несмотря на то что количество существующих сегодня немецких диалектов очень велико, в большинстве регионов они вытесняются из повседневного употребления, где используются обиходно-разговорные формы языка, находящиеся между диалектом и литературным немецким языком [Atlas zur deutschen Alltagssprache]. По утверждению авторов Атласа, значительные региональные различия заключаются не только в диалектах, но и в этих переходных языковых формах. Кроме того, до сих пор сохраняются такие региональные различия, которые затрагивают даже литературный стандарт [Ibid.].

Некоторые примеры из этого ресурса, касающиеся территориального употребления глагольных единиц, являются весьма показательными и наглядно демонстрируют всю сложность отображения региональной окраски при лексикографировании глагольных единиц.

В толковом словаре DUDEN и в Электронном словаре современного немецкого языка представлены разговорные глагольные единицы *runterbekommen*, *herunterkriegen* (*runterkriegen*), *herunterschlucken* (*runterschlucken*), *hinterschlucken*, *hinterschlingen*, *hinterbringen*, *herunterwürgen* (*runterwürgen*), у которых зафиксирован синонимичный разговорный вариант значения «проглотить (с трудом)». Пометой „landschaftlich“, указывающей на локальное употребление, в словаре DUDEN снабжены лексемы *hinterschlucken* и *hinterschlingen* другой информации о региональной окраске данных единиц не приводится.

Словарь DWDS уточняет сферу функционирования глагольных единиц *hinterschlucken* и *hinterbringen*: они отмечены как разговорные, восточно-средненемецкие лексемы. Кроме того, лексема *hinterschlingen* имеет помету „regional“.

Наиболее точную диатопическую характеристику перечисленным глагольным единицам дает «Атлас немецкого обиходно-разговорного языка». По его данным, перечисленные единицы в указанном значении являются территориальными синонимами. Анализ диалектальной карты показал, что глагольные единицы *hinuntenkriegen* и *hinterbringen* функционируют в северо-восточной части Германии, а в центре и на юге Германии – *runterbringen* / *nunterbringen* (в Австрии и Швейцарии также *abibringen*). Единица *hinterkriegen* имеет ограниченное употребление на небольшой территории в районе Хальберштадта, *hinunterbringen* – в Саарском регионе, лексема *herunterbringen* используется на территории Баварии.

Интересен также пример лексемы *herauslegen* в значении «приготовить (достать и разложить или развесить) для кого-то одежду». В словарях DUDEN и DWDS приводится только общее значение этого слова «выложить что-либо», при этом у него нет никаких помет, так как в данном значении эта глагольная единица употребляется практически на всей территории Германии и, вероятно, как разговорная и / или регионально окрашенная не воспринимается. Однако по данным «Атласа немецкого обиходно-разговорного языка», в значении «достать и приготовить для кого-то одежду» *herauslegen* имеет некоторые территориальные ограничения и доминирует в западной части Германии, Бадене, Франконии и Баварии, а также в Австрии. В восточной и северной частях Германии (так же, как в Швейцарии и Эльзасе) в синонимичном значении чаще используется лексема *hinlegen* (при этом в указанных словарях у нее также приводится только общее значение «положить что-либо в определенное место»). В Баварии, Швабии, Южном Тироле в значении «приготовить для кого-либо одежду» используется глагол *richten* или глагольная единица *herrichten*, а в Вюртемберге – *hinrichten*.

Для сравнения: Электронный словарь современного немецкого языка DWDS фиксирует у глагольных единиц *hinrichten* и *herrichten* значение «приготовить для кого-либо что-либо», при этом лексема *hinrichten* снабжается пометами „umg.“ и „süddt.“ (süddeutsch), факт наличия разговорности и территориальной ограниченности у лексемы *herrichten* также отмечается, однако ее региональная принадлежность не конкретизируется.

2. Этико-стилистическая маркированность:

Стилистические пометы являются традиционными и регулярными в словарях разговорной лексики. Сюда же относится этическая характеристика разговорного слова, которая связана с его способностью указывать на тип межличностных взаимоотношений [Девкин, 2005: 112]. Сложность состоит в том, что одна и та же разговорная лексема может иметь в разных значениях разную регистровую стилистическую окраску. Например, первое значение глагола *antrinken* – «отхлебнуть, отпить чего-либо (из бутылки, кружки и т. п.)»: не имеет, кроме разговорности, никаких других помет и не обладает эмоциональностью. Во втором значении – «допить до определенного состояния (sich (Dativ) Mut / Rausch / Affen antrinken)» эта лексема маркируется в словарях как «фамильярная».

Субъективность в установлении стилистических помет выражается в их расхождении в разных словарях. Так, например, словарь DWDS маркирует слово *auspowern* как «разговорное, пренебрежительное, устаревшее», а словарь DUDEN отмечает только разговорный характер этого слова. Лексема *anbohren* – «упрашивать, расспрашивать, чтобы чего-либо добиться» в словаре DWDS имеет помету «фамильярная», а в словаре DUDEN указывается только на ее разговорность.

3. Диахроническая маркированность:

По замечанию В.Д. Девкина, «диахроническая специфика разговорного в том, что оно почти никогда не бывает архаичным» [Там же: 112], зато процент неологической лексики разных типов (чаще всего – новообразований и семантических неологизмов) среди разговорных слов достаточно велик, что требует отражения в словарях.

4. Прагматическая (ситуативная) маркированность:

Этот аспект характеризует разговорную единицу в ее отношении к условиям коммуникативной ситуации (участники коммуникации, их отношение друг к другу, объект, время, место общения, особенности процесса коммуникации и т. д.). По выражению В.Д. Девкина, каждая разговорная единица «несет печать ситуации» [Там же].

На проблему лексикографического описания прагматической семантики, как общелитературных, так и разговорных лексем, указывали разные ученые [Апресян, 1988; Девкин, 2005: 107–108; Булыгина, Трипольская, 2016 и другие]. Чаще всего в словарях разговорной лексики обнаруживается недостаток указаний именно на сферу применения лексем, имеющих компоненты значения, значимые в коммуникативно-прагматическом отношении. В данном случае, это те компоненты, скрытые, но существенные, которые определяют использование лексемы в определенных коммуникативных ситуациях, влияют на ее сочетаемость и создают базу для формирования производных актуальных и узуальных значений лексемы.

В качестве примера рассмотрим разговорную глагольную лексему *nachhaken* – «прерывать, переспрашивать кого-либо, задавая уточняющие вопросы, касающиеся предыдущей темы».

Словообразовательная модель с частицей *nach-* сообщает этой лексеме признак «следования за кем-либо или чем-либо, преследования» (который поддерживается словообразовательной аналогией с глаголами *nachfragen*, *nachschlagen*, *nachsuchen*), а также темпоральные семы «отложенности» и «добавочности» совершаемого действия. Семы «активное воздействие на объект», «навязчивость» формируются, благодаря метафорическому переосмыслению мотивирующего глагола *haken* – «1) зацеплять крючком; 2) прицепляться», которое сопровождает словообразовательный процесс.

Перечисленные семы оказывают скрытое, но существенное влияние на сферу функционирования данной глагольной единицы и ее сочетаемость. В ходе контекстуального анализа становится ясно, что *nachhaken* имеет скрытый признак «настойчивости, упор-

ства в выяснении чего-либо» (нередко связанного с административной сферой), который реализуется во многих контекстах, отражающих соответствующую ситуацию общения, и обуславливает частую встречаемость лексемы в сочетании с наречными частицами *hartnäckig*, *mehrmals*, *unerbittlich*, *kritisch* и т. п.:

„Ich bin jedoch davon überzeugt, dass, wenn ich nur *hartnäckig nachhaken* würde, ich irgendwann einmal jemanden bei der Bahn finden würde...“ (Dickschat A. Inklusion muss nicht teuer sein. URL: <https://www.axel-dickschat.de/inklusion-muss-nicht-teuer-sein> (дата обращения: 13.08.2017)).

Прагматические семы лежат в основе метафорических переносов и новых производных лексико-семантических вариантов разговорных глагольных лексем. Например, разговорная лексема *zumüllen* с основным значением «замусорить; заполнить, набить битком чем-то ненужным» в определенных контекстах может реализовывать другие значения: «нагружать кого-либо проблемами», ««напичкать» ненужной информацией», «перегрузить эмоциями».

Семы «избыточности», «обременения» позволяют использовать глагольную единицу *zumüllen*, когда речь идет не только о заставленной вещами, захламленной квартире, другом помещении или пространстве (например, почтовом ящике) (пример (1)), но и о том, что метафорически мыслится, как способное «пострадать» от избытка информации (новостное агентство, мозг или психика человека и т. п.) (примеры (2), (3), (4), (5)):

(1) „Aber als wir bei ihr ankamen, da war das ne Studentenbude irgendwo im hintersten Prenzlauer Berg, die hatte einen Mini-Balkon, total zugemüllt“ (Berliner Zeitung, 26.07.2003 / DWDS (дата обращения: 18.11.2019)).

(2) „Er wird jeden Tag mit unnützen E-Mails zugemüllt“ (Berliner Zeitung, 10.10.2005 / DWDS (дата обращения: 18.11.2019)).

(3) „Wir werden derzeit mit neuen Prägungen zugemüllt“, sagt Rainer Albert vom Numismatischen Nachrichtenblatt in Speyer“ (Berliner Zeitung, 17.09.2005 / DWDS (дата обращения: 18.11.2019)).

(4) „Ist E-Learning die Lösung unseres Bildungsproblems oder sind es die Medien, die unsere Köpfe so zumüllen, dass wir im Unterricht nichts mehr aufnehmen können“ (Berliner Zeitung, Berliner Zeitung, 17.12.2001 / DWDS (дата обращения: 18.11.2019))?

(5) „Mich haben die vielen halb nackten Promo-Girls in ihrem Glitzerfummel genervt, die einen die ganze Zeit mit Werbung zumüllen“ (Berliner Zeitung, 21.07.2001 / DWDS (дата обращения: 18.11.2019)).

В словарях (в том числе, в словаре DUDEN) указано только первое, прямое, неизменяемое значение, помеченное как «разговорное», а указанные выше прагматические семы, мотивирующие появление регулярных актуальных значений глагольной единицы *zumüllen* в определенных ситуациях, не приводятся.

5. Социально-профессиональная маркированность:

Как правило, словари отмечают принадлежность разговорной лексики к той или иной профессиональной сфере коммуникации, тем не менее, это происходит не всегда. Рассмотрим здесь только один пример глагольной единицы с компонентом *zwischen-*.

А. Клоза пишет, что глагольные единицы стали образовываться по типу *zwischen* + глагольная основа сравнительно недавно. Число образованных по такому типу глагольных единиц, зафиксированных в словарях, не велико, но они в большом количестве встречаются в корпусе IDS [Klosa, 2006: 24]. Большинство из этих неологизмов относятся к профессиональной сфере коммуникации и не имеют разговорных сем (как минимум, в основном, прямом варианте значения): *zwischenspeichern* – «(комп.) сохранять электронные данные в течение некоторого времени», *zwischenblenden* – «1) (телев.) включить, вставить (сюжет, фильм) в другую передачу или между трансляциями, *zwischenfinanzieren* – «(экон.) осуществлять промежуточное (краткосрочное) финансирование», *zwischenlanden* – «совершить промежуточную посадку», *zwischenschalten* – «1) (тех.) подключить; 2) (разг.) вводить дополнительное звено в каком-либо процессе (должность, инстанцию, посредника и т. п.); 3) (sich z.) выступать посредником в чем-либо».

Разговорная глагольная единица *zwischenparken*¹² образована по той же модели от основы глагола *parken* – «стоять на стоянке, парковать машину» и имеет значение «оставить на хранение». Кроме пометы «*umgangssprachlich*» она не имеет других помет в словарях, включая словарь DUDEN, однако анализ контекстуальных употреблений этой лексемы показывает, что особенно активно она функционирует в профессиональном жаргоне финансистов. В публикациях современных немецких СМИ содержится значительное количество употреблений этой единицы в экономическом контексте:

„Wer schnell handlungsfähig sein möchte, kann sein Geld auch in Geldmarktfonds *zwischenparken*“ (Csizi V. Wirtschaft: Anlage-Tipps: Geld parken ohne Risiko // Tagesspiegel. 06.09.2001. URL: <https://www.tagesspiegel.de/wirtschaft/anlage-tipps-geld-parken-ohne-risiko-829243.html> (дата обращения: 11.05.2025)).

Выводы по первой главе

Основной критерий, позволяющий выделить разговорный язык как форму языка, – функциональный. Разговорный язык функционирует в неофициальной, обиходно-бытовой сфере общения. Независимо от дополнительных условий, для неофициальной коммуникации характерны специфические черты, среди которых наиболее существенными являются: низкая степень подготовленности, необработанность, небрежность, спонтанность речи, ее непринужденность, индивидуальность; ситуативная зависимость, субъективность, а также интимность, доверительность как сигнал сокращения дистанции между собеседниками.

¹² В одной из статей журнала „Der Tagesspiegel“ за 2000 год отмечалось, что слово „*zwischenparken*“ стало модным. При этом автор подчеркивал, что оно имеет все шансы стать „Unwort des Jahres“ («Неприемлемое слово, «антислово» года»). Из этого можно сделать вывод о наличии в его семантической структуре негативных коннотаций: „*Zwischenparken*“ ist ein Wort, das in den letzten Wochen in Mode gekommen ist. Wie jenes andere Wort, wonach man dubiose Vergangenheiten „aufarbeiten“ müsse, hat es beste Aussichten, „Unwort“ des Jahres zu werden“ [Siedler, 2000].

Природу разговорного слова определяет также множество других факторов, а разговорная норма в значительной степени подвергается влиянию различных культурно-исторических процессов и формирующихся под их воздействием общих тенденций развития языка, а также различных внеязыковых факторов – ситуативных, территориальных, возрастных и т. п. В связи с этим разговорный язык быстрее реагирует на происходящие изменения и не только объективно отражает сложившуюся лингвистическую ситуацию, но и выявляет частично скрытый потенциал дальнейшего развития языка.

Природа разговорного языка определяется одновременно несколькими факторами – главным образом, историческим, региональным, функциональным, этико-стилистическим и социальным. С одной стороны, разговорный язык имеет надрегиональный характер, с другой стороны, он объединяет представителей разных социальных, территориальных, возрастных и других групп. Рассматриваемый как комплексное явление, находящееся на пересечении перечисленных выше параметров, он не является региолектом, жаргоном либо социолектом, но он может включать в себя соответствующие территориально или социально маркированные единицы, если это обусловлено ситуацией общения.

Таким образом, разговорный язык представляет собой многомерную, полицентричную систему, в рамках которой формально идентифицируются различные варианты. Выделение нескольких измерений в пространстве языка для идентификации языковых вариантов призвано как можно подробнее и точнее отражать ситуацию, существующую во внеязыковом пространстве, поэтому анализ и описание отдельных элементов разговорного языка следует проводить с учетом их многоаспектности, отмечая диахронические, территориальные, социально-профессиональные, этико-стилистические, коммуникативно-прагматические и иные значимые характеристики.

Библиография к первой главе

1. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. – М. Институт языкознания АН СССР, 1988. – С. 3–22.
2. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования // Вестник НГПУ. – 2016. – № 6 (34). – С. 70–82.
3. Девкин В.Д. Немецкая разговорная лексика. – М., 1973. – 344 с.
4. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – Москва: Междунар. отношения, 1979. – 254 с.
5. Девкин В.Д. Немецкая лексикография. М.: Высш.шк., 2005. – 670 с.
6. Домашнев А.И. Проблемы классификации немецких социолектов // Вопросы языкознания. – № 2. – 2001. – С. 127–139.
7. Земская, Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е.А. Земская. – Москва: Флинта-Наука, 2011. – 240 с.
8. Капанадзе Л.А. О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи. – Москва, 1988. – С. 230–234.
9. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
10. Копчук Л.Б. Статус обиходно-разговорного языка в системе немецких социолектов // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.Н. Десницкой. – СПб., 2002. – С. 102–108.
11. Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2003. – 565 с.
12. Крючкова Т.Б. Социолингвистический аспект исследования языковой вариативности // Вопросы языкознания. Научный журнал. – 2007. – № 25. – С. 24–31.

13. Кузнецов А.В. Письменная разговорная речь в онлайн-коммуникации // Молодой ученый. – 2011. – № 3. Т.2. – С. 24–26.

14. Ольшанский И.Г. Отображение разговорной лексики и фразеологии в немецкой лексикографии // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький, 1976. – Вып. 7. – Ч. 2. – С. 75–79.

15. Синягина Л.К. Проблема передачи семантики немецких коллоквиализмов в лексикографии: дис. ... канд. фил. наук. – Москва, 1984. – 191 с.

16. Словарь социолингвистических терминов. / Отв. редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко. – М.: Российская академия наук, Институт языкознания, Российская академия лингвистических наук, 2006. – С. 35.

17. Собянина В.А. Взаимодействие терминологической и общо-разговорной лексики в немецком языке: Монография. – М.: Компания Спутник +, 2004. – 244 с.

18. Трошина Н.Н. Норма и вариативность в языке и речи. Сборник научных трудов. – М., 2017. – С. 186–192.

19. Хомутская Н.И. Проблема создания словаря словообразовательных элементов (на материале немецких коллоквиальных глаголов): дис. ... канд. фил. наук. – Москва, 2002. – 273 с.

20. Юнаковская А.А. Показатели бытийного дискурса (на материале воспоминаний жителей г. Омска) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 27 (382). Филологические науки. – Вып. 98. – С. 189–193.

21. Юшкова Л.А. Некоторые проблемы лексикографирования немецкой разговорной лексики (на примере немецких разговорных глагольных единиц) // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2017. – № 6. – С. 59–67.

22. Barbour S. Standardvariation im deutschen und im Englischen: Auswirkungen auf die Kommunikation zwischen Sprecher beider Sprachen / S. Barbor // Eichinger, Ludwig M. / Standardvariation. Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? (Jahrbuch des Instituts

für Deutsche Sprache 2004). – Berlin; New York: de Gruyter, 2005. – S. 324–333.

23. Bausinger H. Bemerkungen zu den Formen gesprochener Sprache // Satz und Wort im heutigen Deutsch. Jahrbuch des Instituts für deutsche Sprache. – Düsseldorf, 1965/66. – S. 292–312.

24. Berend N. Regionale Gebrauchsstandards – Gibt es sie und wie kann man sie beschreiben? / N. Berend // Eichinger, Ludwig M. / Kallmeyer, Werner (Hg.): Standardvariation. Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2005. – S. 143–170.

25. Coseriu E. Einführung in die allgemeine Sprachwissenschaft / E. Coseriu. – Tübingen: Franke, 1988. – 329 S.

26. Dittmar N. Grundlagen der Soziolinguistik. Ein Arbeitsbuch mit Aufgaben. – Tübingen, 1997. – 358 S.

27. Dittmar N. Umgangssprache Nonstandard Vernacular Nonstandard // Sociolinguistics: An International Handbook of the Science of Language and Society. Band 1. – Walter de Gruyter, 2004. – S. 250–262.

28. Durell M. Standardsprache in England und Deutschland. Deutsche Sprache in Gegenwart und Geschichte. // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 27. – Berlin: Walter de Gruyter, 1999. – S. 285–308.

29. Engel U. Die Volkssprache in und um Aalen // Gaudium in scientia linguarum. Ausgewählte Schriften. – Wrocław [u.a.]: Oficyna Wydawnicza ATUT / Neisse, 2006. – S. 15–32.

30. Felder E. Das Spannungsverhältnis zwischen Sprachnorm und Sprachvariation als Beitrag zu Sprach(differenz)bewusstheit // Wirkendes Wort. 53. Jg. Heft 3/2003. – S. 473–498.

31. Fieler R. Gesprochene Sprache – gehört sie in den DaF-Unterricht? // Gesprochene Sprache im DaF-Unterricht. Zur Theorie und Praxis des Lerngegenstandes (Interkulturelle Perspektiven in der Sprachwissenschaft und ihrer Didaktik Bd. 3). – Münster/New York/München/Berlin: Waxmann, 2012. – S. 13–28.

32. Földes Cs. Die deutsche Sprache und ihre Architektur. Aspekte von Vielfalt, Variabilität und Regionalität: Variationstheoretische

Überlegungen // *Studia Linguistica*. – Wrocław, 2005. – Vol. 24. – № 2743. – S. 37–59.

33. Gehl H. Deutsche Stadtsprachen in Provinzstädten Südosteuropas / H. Gehl. – Franz Steiner Verlag Stuttgart, 1997. – 137 S.

34. Jäger S. Standardsprache / S. Jäger // *Lexikon der Germanistischen Linguistik*. 2. Aufl. / Althaus Hans Peter, Helmut Henne und Herbert Ernst Wiegand (Hrsg.). – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1980. – S. 375–379.

35. Kretschmer P. Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache / P. Kretschmer. – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1969. – 641 S.

36. Klosa A. Wortbildungsproduktivität – die Kreativität des lexikalischen Systems // *Der Deutschunterricht*. Jg. 58 (2006). – S. 19–27.

37. Lehmann Ch. Architektur der Sprache. Manuskript. 30.09.2016. URL: http://www.christianlehmann.eu/publ.lehmann_architektur.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

38. Moser H. Deutsche Sprachgeschichte: Mit Einer Einführung in die Fragen der Sprachbetracht. – Curt E. Schwab Stuttgart, 1961. – 253 S.

39. Munske H. Umgangssprache als Sprachkontakterscheinung // *Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen und Dialektforschung*. Bd. 2. – Berlin/New York, 1983. – S. 1002–1018.

40. Nabrings A. Sprachliche Varietäten. – Tübingen, 1981. – 281 S.

41. Polenz P v. Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. – Band I. Einführung, Grundbegriffe. 14. –16. Jahrhundert. – Berlin; New York: Walter de Gruyter Verlag, 2000. – 389 S.

42. Römer Ch., Matzke B. Der deutsche Wortschatz. Struktur, Regeln und Merkmale / Ch. Römer, B. Matzke. – Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2010. – 240 S.

43. Schank G., Schoenethal G. Gesprochene Sprache. Eine Einführung in Forschungsansätze und Analysemethoden. (Germanistische Arbeitshefte 18). – Tübingen: De Gruyter, 1983. – 131 S.

44. Schwitalla J. Gesprochenes Deutsch. Eine Einführung / J. Schwitalla. – Berlin: Erich Schmitt Verlag, 2012. – 268 S.

45. Siedler W.J. Ehrenwort – welch rührend archaischer Begriff (Kommentar) [Электронный ресурс] // Der Tagesspiegel, 19.01.2000. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/ehrenwort-welch-ruehrend-archaischer-begriff-kommentar/117426.html> (дата обращения: 19.11.2019).

46. Sprangenberg K. Die Umgangssprache im Freistadt Thüringen und im Südwesten des Landes Sachsen-Anhalt / K. Sprangenberg. – Rudolstadt: Hain Verlag, 1998. – 197 S.

47. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. – Volk und Wissen Volkseigener Verlag Berlin, 1972. – 344 S.

48. Küppers Nokixel. Liebe – nicht weiter schwierig // Der Spiegel 31/1955 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-31970846.html> (дата обращения: 11.10.20124).

49. Wiesinger P. Sprachliche Varietäten – Gestern und Heute // Varietäten des Deutschen. Regional und Umgangssprachen. – Berlin u.a. (= Institut für deutsche Sprache. Jahrbuch 1996). – 1997. – S. 9–45.

50. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. 1. Band: A-deutsch, dritte, durchgesehene Auflage / Klappenbach R., Steinitz W. (Hrsg.). – Berlin: Akademie-Verlag, 1967.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕМЕЦКИХ РАЗГОВОРНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ С ПРИГЛАГОЛЬНЫМИ НАРЕЧНЫМИ ЧАСТИЦАМИ

В данной главе рассматриваются и анализируются с точки зрения их структуры и семантики продуктивные модели образования немецких разговорных глагольных единиц с превербальными наречными частицами¹³.

2.1. Аспекты и факторы продуктивности моделей образования немецких разговорных глагольных единиц с наречными частицами

Обычно под продуктивностью модели подразумевается ее способность участвовать в образовании новых единиц в определенный период времени, однако более верным представляется рассматривать продуктивность словообразовательных моделей как сложное явление, которое должно оцениваться в двух аспектах: количественном и качественном¹⁴.

¹³ Часть представленного в данной главе материала была изложена автором в: Юшкова Л.А. Словообразование глагольных единиц в современной немецкой разговорной лексике: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.04. – М., 2017. – 446 с.

¹⁴ Сравните: «эмпирическая и системная продуктивность» у М. Докулила [Приводится по: Земская, 218]. Эмпирическая продуктивность предполагает наличие фактов использования словообразовательной модели для образования новых слов. Системная продуктивность зависит от «ограничений, налагаемых системой языка» – структурными, стилистическими и семантическими [Первухина, 2007: 11] и имеет большое значение при описании словообразовательной системы языка в динамике. Если при оценке эмпирической продуктивности релевантным является количество образованных по конкретной словообразовательной модели лексем, то системная продуктивность этот параметр не является показательным. Важным является то, какой модели отдается преимущество языковой системой даже при наличии других синонимичных моделей. По выражению И.Ю. Первухиной, «если какое-либо значение выражается лишь одним

Качественный аспект подразумевает оценку способности модели участвовать в образовании новых лексем в определенное время с учетом существующих системных ограничений [Baayen, 1993: 1; Fleischer, Barz, 2012: 75, Scherer, 2005: 33].

Количественный анализ продуктивности осуществляется методом количественного подсчета глагольных единиц, образованных по данной модели. Для удобства сопоставления количественного потенциала рассматриваемых моделей по этому критерию можно условно выделить три группы [Юшкова, 2019]:

1. *Малопродуктивные модели.* Модель оценивалась как малопродуктивная, если в выборке было зафиксировано не более 10 единиц, образованных по данной модели. Низкой продуктивностью обладают модели глагольных единиц с периферийными значениями. Среди рассмотренных глагольных единиц с наречными частицами невысокой продуктивностью обладают модели с превербальными компонентами *beieinander-*, *da-*, *dabei-*, *daher-*, *daran-*, *dazu-*, *draus-*, *darum-*, *fort-*, *herbei-*, *hervor-*, *hinterher-*, *hinweg-*, *hinzu-*, *voran-*, *vorüber-*, *vorwärts-*, *zusammen-*.

2. *Среднепродуктивные модели.* Модель определялась как среднепродуктивная, если в выборке фиксировалось от 10 до 20–25 образованных по ней единиц. Анализ показал, что большинство среднепродуктивных моделей имеют результативную и локативную семантику, например, вариант модели с компонентом *hinein*-«осуществлять действие, обозначенное основой глагола, направленное внутрь чего-либо» (19 единиц) или вариант модели *heraus*- «совершать действие, обозначенное глагольной основой, в направлении изнутри

типом производных слов, <...>, следовательно, данный СТ (словообразовательный тип. – Прим. автора) обладает высокой системной продуктивностью, даже если его новообразования немногочисленны» [Там же]. Таким образом, акцент смещается на качественные характеристики модели и условий ее реализации. В данной работе помимо лингвистических, системных, факторов, влияющих на реализацию модели, учитываются и экстралингвистические факторы, в связи с чем выбран термин «качественная продуктивность».

наружу» (20 единиц). Тем не менее, другие семантические варианты рассмотренных словообразовательных моделей также могут быть достаточно продуктивными, например, вариант модели с компонентом *hin-*, имеющий аугментативную семантику (20 единиц) или вариант модели с компонентом *zusammen-* с кумулятивным значением (16 единиц).

3. *Высокопродуктивные модели.* Если количество отмеченных в выборке глагольных единиц, образованных по определенной модели, превышало 25–30 единиц, то такая модель причислялась к группе высокопродуктивных. Высокую количественную продуктивность имеют модели с пространственным значением. Согласно выборке, самыми высокопродуктивными в словообразовании немецкой разговорной лексики являются модели с наречными компонентами *herum-* и *rum-*, как с темпоральным, так и с аугментативным значением (78 единиц) (*herumgeistern* – «бродить бесцельно», *herumläumeln* – «бездельничать» и т. д.). К высокопродуктивным моделям, по данным количественного подсчета, можно отнести также модель «*herunter-* + глагольная основа» с пространственным значением (27 единиц):

Несмотря на субъективность деления лексем на три группы по степени продуктивности, учет количественного критерия, несомненно, важен, так как он позволяет составить общее представление о продуктивности словообразовательных моделей в определенный временной период.

Качественный аспект продуктивности модели подразумевает анализ ее функционирования с учетом системных ограничивающих факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических. Правила, ограничивающие словообразовательную продуктивность, рассматриваются в ряде работ немецких и отечественных лингвистов [Земская, 2009: 207; Степанова, 1984: 170; Ergen, 2000: 37–49; Eschenlohr, 1999: 5, 34; Naumann, 2000: 31–34 и другие].

К лингвистическим факторам, которые определяют закономерности заполнения словообразовательных моделей (правила «внут-

ренной валентности» [Степанова, 1968: 175; Степанова, Фляйшер, 1984: 170]) относятся следующие [Юшкова, 2019]:

- фонетико-фонологические закономерности, которые обуславливают сочетание словообразовательных элементов и основ с учетом их фонетического согласования;

- правила морфологической сочетаемости, согласно которым компоненты модели определяются принадлежностью производящей основы (или основ) к определенным частям речи;

- правила семантической сочетаемости, которые подразумевают, что в рамках модели сочетаются компоненты, не имеющие несовместимых сем;

- правила лексической сочетаемости, которые в немецкой лингвистике соответствуют термину „Blocking“ или „Blockierung“ («блокирование») [Fleischer, 1992: 7; Motsch, 2004: 331; Rainer, 1993: 114] и препятствуют образованию нового слова по определенной словообразовательной модели в том случае, если в языке уже существует синонимичная или омонимичная лексема¹⁵;

- правила синтаксической сочетаемости, которые учитывают синтаксические характеристики производящих основ. Например, такие синтаксические характеристики основ, как переходность / непереходность производящего глагола могут влиять на выбор аффикса.

- правила стилистической сочетаемости, затрудняющие сочетание стилистически несогласованных компонентов модели [Земская, 2009: 207];

¹⁵ Блокированию подвергается, как правило, использование неприоритетных моделей, когда потребность в каком-либо новом наименовании отсутствует [Erben 2000: 37–49]. Образование синонимичных лексем по более функциональным моделям, получившим предпочтение в современном языке, не только не запрещается, но и приветствуется. Так, например: Эшенлор отмечает, что модель конверсии глаголов от адъективных основ утратила свои позиции в пользу семантически более развитых префиксальных моделей [Eschenlohr 1999: 85].

– словообразовательные закономерности, которые накладывают запрет на использование некоторых производных основ в качестве производящих [там же: 207];

– правила генетической (этимологической) сочетаемости, которые обуславливают избирательность модели в отношении происхождения ее компонентов (эндогенные основы преимущественно сочетаются с эндогенными аффиксами и напротив, экзогенные основы с большей вероятностью будут сочетаться с заимствованными аффиксами).

К экстралингвистическим факторам, влияющим на потенциал и характер функционирования моделей, относятся стилистические, социальные, возрастные, территориальные факторы, психолингвистические факторы, которые запускают процесс образования слов по аналогии, способствуя усилению продуктивности соответствующих словообразовательных моделей, а также фактор, который может быть обозначен как прагматический, и означающий потребность в обозначении новых понятий [Степанова, 1984: 177–179; Motsch, 2004: 21–25].

Анализ качественного аспекта продуктивности моделей, по которым образуются немецкие разговорные глагольные единицы с превербальными наречиями, позволил выявить ограничения, накладываемые языковой системой на сочетаемость компонентов модели и факты их нарушений прийти к следующим выводам [Юшкова, 2019: 389–391].

1. Выборка показала, что при реализации моделей образования разговорных глагольных единиц фонологические, этимологические и синтаксические правила внутрисловной сочетаемости практически не нарушаются. Случаи нарушения правил морфологической сочетаемости также не встретились. Практически все выявленные модели образования разговорных глагольных единиц с наречными компонентами и их варианты предполагают использование глагольной основы.

2. Нарушение понятийно-семантических закономерностей можно усмотреть в группе производных единиц (большей частью окка-

зиональных), мотивированных глаголами, которые были образованы от основ имен собственных. Эта группа не слишком многочисленная относительно общего объема выборки, однако это и не единичные образования. Они регулярно появляются в современной немецкой разговорной лексике. Анализ показал не только то, что такие словообразовательные модели являются продуктивными в разговорной глагольной лексике немецкого языка, но также и то, что активность глагольных основ, образованных путем конверсии от имен собственных, может быть достаточно высокой¹⁶. Чаще всего они входят в состав аффиксальных производных, сложных слов, глагольных единиц с превербальными частицами. В образовании глагольных единиц с наречными компонентами они участвуют заметно реже, тем не менее, можно выделить такие компоненты, как *heraus-*, *herbei-*, *zusammen-*, *weg-* и особенно *herum-*, которые используются чаще остальных:

– *herummerkeln* / *rummerkeln* – (от (Angela) Merkel) «вести себя, как Ангела Меркель, говорить много ни о чем существенном»:

„Noch 138 Tage rummerkeln an der Türkei“, dann ist Schluss mit Schwarz-Gelb“ (Fleige Ch. Weiterleiten als Wahlkampf // taz.de URL: <https://taz.de/Studie-zu-Politik-im-Netz!/5067782/> (дата обращения: 03.05.2025)).

– *herausmerkeln* – «найти выход из сложного положения, в котором оказался референт – Ангела Меркель»:

„Aus den katastrophalen Folgen von einer Million illegaler Einwanderer für innere Sicherheit und Staatsfinanzen (10 Mrd pro Jahr) kann sie sich nicht mehr herausmerkeln“ (Der Rechner. 16.09.2015. Kommentar zu „Jetzt Zuversicht verbreiten“: Kanzlerin Merkel verord-

¹⁶ Под высокой степенью активности производящей основы понимается ее способность участвовать в синхронном словообразовании по разным моделям, демонстрируя при этом достаточную частоту употребления в рамках хотя бы одной модели [Юшкова, 2023: 347]. К числу наиболее активных основ по свидетельству разных исследователей относятся основы имен знаменитостей из сфер спорта, шоу-бизнеса и, особенно часто, политики: Schröder, Merkel, Scholz, Stoiber, Merz, Trump, Macron и другие.

net CDU Optimismus zu Asyl-Ansturm“ // ZUERST! Deutscher Nachrichtenmagazin. URL: <https://zuerst.de/2015/09/16/jetzt-zuversicht-verbreiten-kanzlerin-merkel-verordnet-cdu-optimismus-zu-asyl-ansturm/> (дата обращения: 03.05.2025));

– *zusammenmerkeln* – авторский неологизм, который в контексте означает «прийти к выводу, составить представление о чем-либо на основании политической ситуации, которая существовала в то время, когда канцлером была Ангела Меркель»:

„Die politische Landschaft ist derzeit in einem ganz anderen Sinn alternativlos, als wir es uns zusammenmerkeln“ [Pohlman D. „The Great Reset“ // Blog „Dirk Pohlmann – Journalist“. URL: <http://dirk-pohlmann.online/the-great-reset/> (дата обращения: 03.05.2025)].

Семантическая валентность компонентов модели нарушается в результате совмещения «недружественных» сем, которые имеют отсылку к разным понятийным областям. К конструкциям с семантически несовместимыми составляющими можно отнести, например, синонимичные разговорные глагольные единицы *heraustrommeln* – «колотить в двери, пока не откроют» (от *trommeln* – «барабанить») или *herausklamüsern* – «1) разузнать, выведать что-либо; 2) выбрать (из множества), выискать» (от *klamüsern* – «(сев.-нем.) размышлять о чем-либо, изучать что-либо») и другие подобные лексемы, в составе которых приглагольный компонент *heraus-* используется в значении «перемещение объекта изнутри наружу», а мотивирующий глагол не обозначает действие, при помощи которого можно что-либо извлекать.

Нарушения семантической сочетаемости компонентов могут выражаться в создании внутрисловного оксюморона (семантического контраста) или внутрисловного плеоназма (семантической избыточности) [Юшкова, 2016: 181–182]. Сочетание компонентов с противоположными, контрастными семами – основ глаголов *glücken* / *gelingen* со значением «удаваться, получаться» и приглагольного компонента *daneben-*, содержащего сему «ошибочное, неудачное действие», – обусловило шутиливую окраску лексем *danebengelingen* и *danebenglücken* – «(шутл.) не получаться, не удаваться». Плеоназм

можно усмотреть, например, в лексемах *herumirren* – «заблудиться на местности» (от *sich irren* – «заблудиться») или *herumschlendern* – «прогуливаться, не спеша, без цели» (от *schlendern* – «бродить, слоняться без дела»), так как они образованы путем присоединения компонента *herum-*, в значении которого выражены пейоративные семы «бесцельности» и «праздности», к основам глаголов, имеющих синонимичные семы.

3. Нарушение стилистической согласованности компонентов разговорной глагольной единицы имеет место тогда, когда в качестве мотивирующего глагола выступает лексема, принадлежащая к иному функциональному стилю или какому-либо социолекту, например, *dazubuttern* – «приплатить, доплатить, выделить дополнительные средства» (от *buttern* – «(разг.) вкладывать много денег во что-либо»), *zusammenschustern* – «(пренебр.) изготовить, сделать что-либо плохо, непрофессионально» (от *schustern* – «(разг., пренебр.) работать спустя рукава, небрежно»). Для наречных глагольных единиц также характерны случаи сочетания нейтральных основ с разговорно-окрашенными превербальными компонентами, за счет чего разговорную окраску получает также производная единица, например, *drumrumreden* – «ходить вокруг да около, говорить намеками», где нейтральная основа глагола *reden* – «говорить, разговаривать» уточняется при помощи разговорно окрашенной наречной частицы *drumrum-*.

Важно учитывать, что формирование разговорной лексики немецкого языка происходит под влиянием актуальных общеязыковых тенденций. Необходимо учитывать, что на продуктивность модели образования немецких разговорных глагольных единиц, и прежде всего – на ее количественную составляющую, влияет ряд следующих важнейших факторов, релевантных для всей системы словообразования [Юшкова, 2019: 392]:

1. Языковая традиция, обеспечивающей структурную простоту и ясность модели, интерпретируемость инвариантного словообразовательного значения.

2. Популярность лексем, образованных по определенной модели, высокая частота их воспроизведения в речи делает соответствующую модель узнаваемой и востребованной.

3. Высокая функциональность модели. Такая модель характеризуется внешней компактностью и при этом обладает возможностью пополнять состав глагольных номинаций, относящихся к различным объемным понятийным областям (движение, коммуникация, эмоциональное состояние и другие).

4. Языковая экономия. Несомненно, ведущей тенденцией в словообразовании разговорной глагольной лексики немецкого языка с использованием приглагольных частиц остается стремление к эмоциональной выразительности в сочетании с краткостью, точностью и образностью наименования действия или процесса.

Глагольные единицы с наречными частицами в полной мере, как структурно, так и семантически, удовлетворяют указанным лингвистическим потребностям, что способствует как увеличению их частотности, так и продуктивности моделей их образования в современной немецкой разговорной лексике.

2.2. Модели образования разговорных глагольных единиц с приглагольными наречными частицами

В ходе проведенного исследования было рассмотрено более 500 глагольных единиц, образованных с участием следующих приглагольных наречных частиц: *auseinander-, beieinander-, beisammen-, da-, dabei-, daher-, dahinter-, daneben-, dazwischen-, daran-, darauf-, drauf-, daraus-, draus-, darin-, drin-, darüber-, drauflos-, drumrum-, dazu-, dazwischen-, entlang-, entzwei-, fort-, heran-, herauf-, heraus-, her-, herum-, herunter-, hervor-, hin-, hinauf-, hinaus-, hinein-, hinter-, hinterher-, hinüber-, hinunter-, hinweg-, hinzu-, los-, mit-, umher-, voran-, vorbei-, vorüber-, vorwärts-, zurück-, zusammen.*

Таким образом, всего было зафиксировано 48 приглагольных наречных частиц, регулярно сочетающихся с глагольными основами для образования новых глагольных лексем.

По способу образования некоторые из отмеченных наречных частиц соответствуют непроизводным наречиям: *da-*, *fort-*, *her-*, *hin-*, *los-*, *mit-*. Большинство наречных частиц соответствует сложным наречиям *auseinander-*, *beieinander-*, *beisammen-*, *dabei-*, *daher-*, *da-*, *hinter-*, *daneben-*, *dazwischen-*, *daran-*, *darauf-*, *daraus-*, *darin-*, *darüber-*, *drauflos-*, *drumrum-*, *dazu-*, *dazwischen-*, *entlang-*, *entzwei-*, *heran-*, *herauf-*, *heraus-*, *herum-*, *herunter-*, *hervor-*, *hinauf-*, *hinaus-*, *hinein-*, *hinter-*, *hinterher-*, *hinüber-*, *hinunter-*, *hinweg-*, *hinzu-*, *umher-*, *voran-*, *vorbei-*, *vorüber-*, *vorwärts-*, *zurück-*, *zusammen-*.

В. Фляйшер различает следующие семантические группы наречных компонентов: 1) наречные компоненты с пространственной семантикой, 2) наречные компоненты, которые имеют как временное, так и пространственное значения, 3) наречные компоненты со специфическим значением (*los-*, *mit-*, *wieder-* и другие) [Fleischer/Barz, 2012: 419]. При изучении выборки разговорных глагольных единиц было выявлено, что большинство приглагольных наречных частиц, входящих в состав разговорных глагольных лексем, соответствует пространственным наречиям места (локальным) и направления (дирекциональным). Только в пространственном значении используются наречные частицы *daraus-*, *draus-*, *darin-*, *drin-*, *drumrum-*, *davon-*, *dazu-*, *herbei-*, *herein-*, *rein-*, *herüber-*, *herunter-*, *runter-*, *hinunter-*, *hervor-*, *hinauf-*, *hinüber-*, *voran-*. Некоторые наречные частицы сочетают пространственное значение с другими значениями. Наречная частица *da-*, помимо обозначения места, указывает на условие или обстоятельство действия. Частицы *daher-*, *dahinter-*, *daran-*, *daraus-*, *dazu-*, *davon-* имеют дополнительное значение причины, *drauf-* имеет дополнительное значение цели. В образовании разговорных глагольных единиц также используются наречные частицы, соответствующие модальным наречиям: *mit-*, *zusammen-*, *entzwei-*, *drauflos-*.

Большинство наречий, которым соответствуют проанализированные в работе наречные частицы, сочетают пространственную и временную семантику, будучи по основному значению пространственными наречиями: *auseinander-*, *da-*, *dabei-*, *daher-*, *dahinter-*, *daneben-*, *daran-*, *dran-*, *darauf-*, *drauf-*, *darüber-*, *drüber-*, *dazwischen-*,

entlang-, los-, fort-, her-, heran-, ran-, herauf-, rauf-, heraus-, hin-, hinaus-, hinein-, hinterher-, hinweg-, hinzu-, vorbei-, vorüber-, vorwärts-. Темпоральное значение у этих наречий формируется в результате метафоризации пространственных сем.

Ниже разговорные глагольные единицы будут рассмотрены и классифицированы по словообразовательным моделям и их вариантам с учетом значения приглагольного компонента, словообразовательной структуры глагольных единиц и их словообразовательного значения.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом auseinander-

Наречие *auseinander* имеет как пространственное, так и временное значения, которые базируются на семе «отделение» и указывают на отделение каких-либо объектов одно от другого, или на их разделение в пространстве или во времени. В разговорной речи в сочетании с глаголом *sein* данное наречие реализует значения «разлучиться, не быть вместе» и «разладиться, быть отмененным (о договоренности, о чем-либо назначенном)» [DUDEN, 1989: 174].

Основное пространственное значение отделения / разделения сохраняет и наречная частица *auseinander-* в составе разговорных глагольных единиц. Сема «отчуждение» также присутствует в семантике наречного компонента и доминирует при образовании лексемы *auseinanderkommen*.

Словообразовательная модель со значением «разъединять что-либо / разъединяться способом, обозначенным основой глагола» (всего 4 единицы):

auseinanderfitzen – распутывать, разбирать что-либо запутанное» (от *fitzen* – «1) (разг.) суетливо, торопливо работать; 2) сучить пряжу; 3) (диал.) лущить горох).

auseinanderkommen – разлучиться, прекратить общение.

auseinanderkriegen – разделять, разъединять (*die Zähne a.* – решиться что-то сказать).

auseinandermachen – разделять, разъединять.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *beieinander*-

Приглагольный компонент *beieinander*-, как и соответствующее наречие, обозначает тесное сближение, объединение двух объектов.

Словообразовательная модель со значением «объединять что-либо/кого-либо или объединяться способом, обозначенным основной глагола» (1 единица):

beieinanderhaben – собрать полностью, все вместе.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *da*-

Основным значением в семантике наречия *da* является указание на местонахождение объекта в конкретном месте («тут», «там»). Дальнейшая модификация значения осуществляется за счет актуализации семы «указание на конкретный момент» (во времени, в высказывании, в ситуации и т. п.). Локативное значение размещения в определенном месте метафорически преобразуется в темпоральное значение указания на настоящий момент времени (*da lachte er*). На базе основного пространственного значения формируются дальнейшие модальные значения наречия *da*: «при определенных обстоятельствах», «в отношении определенной ситуации, высказывания». Наречная частица *da*-, как компонент немецких разговорных глагольных единиц, реализует то же указание на нахождение в определенном месте и выполняет конкретизирующую функцию, сочетаясь с основами глаголов с семантикой обладания или размещения.

Словообразовательная модель со значением «осуществлять действие, обозначенное основой глагола, в определенном месте или направленное на определенное место» (всего 2 единицы):

dahaben – иметь что-либо (кого-либо) в наличии, в распоряжении, в запасе.

dalassen – 1) оставить что-либо в определенном месте (на хранение); 2) оставить (после себя).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *dabei*-

Основное значение наречия *dabei* – указание на местонахождение объекта около, вблизи чего-либо. На базе семы «около чего-либо» пространственное значение транспонируется во временную сферу (*er lies und sprach dabei*), а также в сферу абстрактных действий и состояний, в результате чего *dabei* получает значение отношения к какому-либо мнению, ситуации, делу и т. п. (*er bleibt dabei*), а также значение одновременности. Наречная частица *dabei*- в лексике немецкого языка реализует указание на наличие при ком-либо или присутствие при осуществлении действия, обозначенного основой глагола. В составе разговорной глагольной единицы *dabei*-haben она дублирует сему обладания.

Словообразовательная модель со значением «наличие / присутствие в определенном месте при осуществлении действия, обозначенного основой глагола» (1 единица):

dabeihaben – 1) иметь при себе; 2) привлекать к участию в чем-либо.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *daher*-

Основное значение наречия *daher* – конкретное пространственное значение направленности действия откуда-либо (по направлению к говорящему) («оттуда»). Производные значения наречия *daher* базируются на метафоризированном представлении движения откуда-либо к определенному месту. *Daher*, таким образом, обозначает причину, которая привела к настоящему положению дел («потому», «поэтому») (*es ist dahergekommen, dass ...; er war krank und konnte daher nicht kommen*). Наречная частица *daher*- в составе разговорных глагольных единиц играет, главным образом, аугментативную роль, реализуя семы небрежности и необдуманности действия.

Словообразовательная модель со значением «интенсивное выполнение действия, обозначенного основной глагола» (всего 2 единицы):

daherquatschen – (пренебр.) болтать глупости, нести чушь (от *quatschen* – (разг.) болтать, нести вздор).

daherreden – (пренебр.) говорить глупо, безрассудно.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *dahinter*-

Основное значение наречия *dahinter* – положение в пространстве за конкретным объектом либо перемещение за какой-либо конкретный объект. При функционировании в качестве приглагольного компонента пространственное значение наречной частицы *dahinter*-метафоризируется: нахождение за объектом интерпретируется как поддержка, опора либо как причина, действующая сила. Кроме того, возникают ассоциации с более глубоким ознакомлением с предметом, возможностью увидеть его с другой, скрытой для других стороны.

Словообразовательная модель со значением «выполнять действие, обозначенное глагольной основой, со скрытой, задней стороны» (всего 7 единиц):

dahintergucken – внимательно, подробно заниматься чем-либо (от (разг.) *gucken* – смотреть).

dahinterklemmen, sich – (фам.) усердно работать, чтобы добиться чего-либо, стараться достичь цели (от *sich hinter etw. klemmen* – подгонять, форсировать что-либо).

dahinterkommen – раскрыть что-либо секретное.

dahintermachen, sich – заняться чем-либо вплотную.

dahinterstecken – 1) находиться за чем-либо; 2) выступать причиной чего-либо; 3) соответствовать производимому на других впечатлению, сложившемуся представлению (от *stecken* – (разг.) торчать, долго находиться где-либо).

dahinterstehen – 1) поддерживать что-либо, выступать за что-либо. 2) быть скрытой движущей силой, скрытым мотивом для чего-либо.

dahinterknien, sich – интенсивно заниматься чем-либо, погрузиться во что-либо (от *knien* – стоять на коленях).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *daneben*-

Основное значение наречия *daneben*, которое в словаре DUDEN маркировано как устаревшее, – «указание на положение или размещение объекта возле чего-либо, рядом с чем-либо». Производным является темпоральное значение «одновременности» действия. Наречная частица *daneben*-, функционируя в качестве приглагольного компонента, реализует как абстрактную пространственную сему «нахождения рядом с чем-либо» (*danebenhalten*), так и, гораздо чаще, метафорические семы «несоответствие правильному, общепринятому», «совершение ошибочного действия».

Словообразовательная модель со значением «неудачное, ошибочное выполнение действия, обозначенного основой» (всего 12 единиц):

danebenbenehmen, sich – плохо себя вести.

danebengelingen – (шутл.) не удаваться.

danebengeraten – не получаться, не удаваться (от *geraten* – пасть куда-либо, прийти в какое-либо состояние).

danebenglücken – (шутл.) не получаться, не удаваться.

danebengreifen – 1) промахнуться; 2) ошибиться (от *greifen* – хватать).

danebenhauen – 1) промахнуться; 2) (фам.) ошибиться (от *hauen* – рубить, ударять).

danebenraten – не угадать, ошибиться (от *raten* – угадывать).

danebenschätzen – 1) оценить неправильно, недооценить; 2) (шутл.) отклонить что-либо, отказать в чем-либо (от *schätzen* – ценить, оценивать).

danebentappen – ошибиться, попасть впросак (от *tappen* – 1) тяжело ступать; 2) передвигаться ощупью; 3) неловко брать что-либо).

danebentippen – ошибиться, принять неправильное решение (от *tippen* – 1) печатать на машинке. 2) касаться пальцами).

danebentreffen – 1) (шутл.) не попасть в цель; 2) ошибиться, не достичь желаемого эффекта (от *treffen* – попасть во что-либо).

Словообразовательная модель с пространственным значением «нахождение рядом с чем-либо при выполнении действия, обозначенного основой глагола» (всего 4 единицы):

danebenhalten – сопоставлять, сравнивать.

danebenliegen – 1) лежать рядом с чем-либо; 2) ошибаться, заблуждаться.

danebensetzen – 1) поместить что-либо рядом с чем-либо или кем-либо; 2) ошибиться; 3) (спорт.) промахнуться.

danebentreten – 1) наступить, встать рядом с чем-либо, оступиться; 2) ошибиться, попасть впросак.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *daran*-

В своем основном, пространственном, значении наречие *daran* указывает на нахождение объекта на определенном месте или в непосредственной близости от него. Наречие *daran* также указывает на направление движения к определенному месту. Пространственное значение может быть выражено как конкретно, так и абстрактно (*Lass mich mal daran riechen*). Производные значения формируются на базе семы «направленность», при этом представление о направленности к поверхности переосмысливается как абстрактное отношение к какому-либо делу, вопросу и т. п. (*Er denkt nicht mehr daran. Mir liegt viel daran.*) В значении наречия *daran* присутствует каузативная сема (*Er starb daran*).

Наречная частица *daran*- функционирует в словообразовании разговорной лексики в пространственном значении «рядом, возле чего-либо».

Словообразовательная модель со значением «интенсивное выполнение направленного на объект действия, которое обозначено основой глагола» (1 единица):

daranmachen, sich – приступить к выполнению какого-либо дела: „Illustre Gäste bewunderten die schillernden Exotika in den Glashäusern von Schönbrunn, während sich die Gelehrten daranmachten, das Gesammelte zu katalogisieren und zu systematisieren“ (Die Zeit, 19.03.2015 / DWDS).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *dran-*

Разговорное наречие *dran* сохраняет в своей семантике пространственные семы, но сема «непосредственной близости» интерпретируется как «быть присущим кому-либо, чему-либо» (*Er hat nichts dran. Da ist alles dran*). Сема тесного, вплоть до соприкосновения, приближения к определенному месту служит базой для формирования значения наречия *dran* «быть на очереди». Для значения наречия *dran* также существенны семы фамильярности, пренебрежительности.

Приглагольная частица *dran-* реализует метафорические значения «отношение к чему-либо, соотнесенность с чем-либо» (*dranbleiben*) и «следование за чем-либо» (*drannehmen*). Наречная частица *dran-* определяет разговорную окраску всей глагольной конструкции, сообщая ей семы «интенсивность» и «активное начало действия».

Словообразовательная модель с пространственным значением «выполнение действия, обозначенного основой глагола, в определенном месте или вблизи чего-либо, кого-либо» (всего 2 единицы):

dranbleiben – 1) оставаться возле чего-либо, не отходить; 2) (фам.) не отступаться, поддерживать контакт с целью получить что-либо.

drankriegen – поймать, «застукать», приструнить кого-либо.

Словообразовательная модель со значением «интенсивное выполнение направленного на объект действия, которое обозначено основой глагола» (всего 2 единицы):

drandenken – длительно размышлять о чем-либо.

Словообразовательная модель со значением «последовательное выполнение действия, обозначенного основой глагола» (1 единица):

drannehmen – 1) обслуживать по очереди; 2) вызвать (на уроке, на переключке).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *davon*-

Основное значение наречия *davon* – «движение в направлении от определенного места, объекта». Актуализация семы «отделение» приводит к формированию производного пространственного значения (*etw. davon entfernen*). В остальных производных значениях пространственные семы абстрагируются и метафоризируются. Наречие получает возможность указывать на существующее отношение к явлению, вопросу, ситуации, процессу и т. п. (*Davon habe ich nichts*), на причину чего-либо (*davon habe ich Ärger*), на получение, использование части чего-либо (*von etw. nehmen*) либо на изготовление чего-либо из какого-либо материала (*Man kann davon ein Haus bauen*).

Наречная частица *davon-* в разговорной лексике реализует, как правило, конкретное пространственное значение удаления, реже – нахождения на определенном расстоянии от чего-либо (*davonbleiben*). Метафоризация ей, как и в общеупотребительном словообразовании, не свойственна.

Пространственная словообразовательная модель со значением «двигаться так, как обозначено основой глагола, в направлении от говорящего» (всего 6 единиц):

davonbleiben – держаться в стороне от чего-либо, не прикасаться (также перен.).

davonbrausen – быстро, с шумом уехать, умчаться (от *brausen* – (разг.) мчаться с шумом).

davonrauschen – быстро уйти, удалиться (от *rauschen* – шуметь, шелестеть, рокотать).

davonmachen, sich – 1) уходить, убегать; 2) (эвф.) умирать.

davonlaufen – 1) быстро убежать; 2) оторваться от преследования; 3) быстро развиваться.

davonstöckeln – быстро убегать, уворачиваться (от *stöckeln* – ковылять на высоких каблуках (*Stöckelschuh* – туфли на высоком тонком каблуке)).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *dazu*-

Основное значение наречия *dazu* – конкретное пространственное значение «движение или перемещение объекта к определенному месту, по направлению к говорящему». Наречная частица *dazu*- в разговорной глагольной лексике используется в метафорическом значении «добавление», реализуя семы «содействие чему-либо» и «увеличение чего-либо».

Словообразовательная модель со значением «добавить что-либо к чему-либо способом или при условии, обозначенном основной глагола» (всего 3 единицы):

dazubuttern – приплатить, доплатить, выделить дополнительные средства (от *buttern* – (разг.) вкладывать много денег во что-либо).

dazukönnen – (диал.) быть в состоянии что-либо исправить, чем-либо помочь.

dazutun – добавлять что-либо к чему-либо.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *dazwischen*-

Основное значение наречия *dazwischen* – конкретное пространственное значение «расположение среди однородных объектов», которое может быть абстрактным, указывая на нахождение среди

определенного количества, а также подвергается метафоризации с приобретением временных сем. Наречная частица *dazwischen* в процессе образования разговорных глагольных единиц реализует конкретное или абстрактное пространственное значение направленного движения внутрь множества однородных объектов (или абстрактного процесса) или нахождения среди них.

Словообразовательная модель со значением «совершать движение или действие, обозначенное основой глагола, находясь среди однородных объектов» (всего 5 единиц):

dazwischenfahren – вмешиваться в ситуацию, наводить порядок.

dazwischenfunken – (фам.) вмешиваться в ситуацию, разговор и т. п. (от *funken* – 1) передавать по радио; 2) искрить; 3) функционировать. 4. (диал., фам.) *Es hat gefunkt* – произошла ссора, перепалка).

dazwischenhauen – 1) разгонять толпу ударами; 2) (фам.) активно вмешиваться в ситуацию (от *hauen* – бить, ударять).

dazwischenschießen – 1) ворваться в толпу; 2) вмешаться в ситуацию (от *schießen* – (перен.) сделать быстрое движение в каком-либо направлении).

dazwischenspritzen – активно вмешаться (от *spritzen* – (перен., фам.) бежать; спешить, торопиться).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *drauf*-

Пространственные значения разговорного наречия *drauf* (как и общеупотребительного наречия *darauf*) заключаются в указании на нахождение / размещение объекта на горизонтальной поверхности либо на направление движения объекта к горизонтальной поверхности. Абстрактная интерпретация пространственного значения выявляется в значении «направленность на какое-либо дело, вопрос, цель и т. п.» (*Du willst darauf hinaus*). Пространственные семы направленности метафоризируются как отношение к чему-либо, реакция на что-либо (*Es meldeten sich viele darauf*), а также как следование за чем-либо. Перенос пространственных представлений

во временную сферу приводит к появлению значения «следование во времени за каким-либо событием, процессом». В семантике разговорного наречия *drauf* выделяется сема воздействия сверху (*etw. drauf haben*). Эта сема, наряду с семой направленности сверху вниз, доминирует в значении наречной частицы *drauf-* и может быть выражена как конкретно (*draufdrücken, draufmachen, draufschiagen*), так и абстрактно (*draufbrennen, draufhaben*). Сема «размещение объекта сверху на плоскости» имплицитно предстает представление о добавлении и увеличении объема или количества чего-либо (*draufkommen*).

Словообразовательная модель с пространственным значением, которая может быть рассмотрена в двух вариантах.

Модель со значением «осуществлять действие, выраженное основой глагола, направленное прямо на объект либо сверху вниз» (всего 10 единиц):

draufbrennen – ярко светить сверху на что-либо (от *brennen* – 1) жечь, сжигать; 2) гореть, пылать; 3) припекать (о солнце)).

draufbrummen – наехать, столкнуться с чем-либо или с кем-либо (от *brummen* – (перен.) ехать, издавая глухой звук).

draufdrücken – давить на что-либо, прижимать сверху;

draufhauen – 1) (фам.) (*j-m eins (ein paar) d.*) – ударять, бить, побить кого-либо; 2) *einen d.* – праздновать, веселиться (от *hauen* – рубить, ударять).

draufhalten – 1) держать, удерживать на одном месте; 2) целиться во что-либо; 3) использовать что-либо как ориентир (при съемках фильма и т. п.); 4) *den Finger draufhalten* – строго следить за чем-либо, ограничивать что-либо.

draufknallen – (фам.) 1) стрелять во что-либо, в кого-либо; 2) взвинтить цены (от *knallen* – 1) хлопать; 2) трещать; 3) греметь, звучать (о выстреле); 4) взрывать).

draufmachen – 1) надевать сверху; 2) *einen d.* – праздновать, веселиться.

draufschiagen – 1) стучать, ударять сверху по чему-либо; 2) насчитать дополнительно, прибавить к уже имевшейся сумме (от *schlagen* – стучать).

draufsteigen – взобраться на что-либо.

drauftreten – наступать на что-либо.

Словообразовательная модель со значением «размещать объект или находиться на какой-либо горизонтальной поверхности сверху» (всего 2 единицы):

draufsetzen – 1) помещать сверху; 2) *eins, einen d.* – обострить ситуацию, активно вмешаться во что-либо.

draufstehen – быть написанным где-либо.

Словообразовательная модель со значением «увеличивать размер или объем чего-либо, выполняя действие, обозначенное основой глагола» (всего 5 единиц):

draufgeben – 1) добавить, дать в придачу; 2) (фам.) *j-m eins (ein paar) d.* – слегка ударить, побить кого-либо, задать взбучку.

draufkommen – 1) добавляться к чему-либо; 2) подниматься вверх (также перен.); 3) раскрыть, расследовать что-либо, выявить какие-либо данные.

drauflegen – доплатить недостающую сумму.

draufsatteln – добавить, дополнительно начислить, гарантировать (от *satteln* – оседлать).

draufzahlen – доплачивать.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *drauflos-*

Наречие *drauflos* имеет значение образа действия, характеризующее движение как спонтанное и активное. Это значение сохраняется у приглагольного компонента *drauflos-*. В. Фляйшер указывает на наличие у глагольных единиц с компонентом *drauflos-* признаков быстрой и необдуманности действия, а также пейоративного оттенка (*drauflosgehen*) [Fleischer/Barz, 2012, S. 424], что подтверждает анализ примеров в выборке. Кроме того, возможна актуализация признака «хаотичность, сумбурность» действия (*drauflosschießen, drauflosfahren, draufloswirtschaften*), а в некоторых случаях – признака «внезапность» (*drauflosschimpfen, drauflosreden*). За счет семы активности действия *drauflos-* выполняет также аугментативную функцию.

Словообразовательная модель со значением «активно, необдуманно, без подготовки выполнять действие, обозначенное основной глагола» (всего 7 единиц):

drauflosfahren – ехать куда-либо без цели, наобум, не раздумывая.

drauflosreden – вступить в разговор, начать говорить, не задумываясь.

drauflosgehen – 1) идти напрямик к цели, не раздумывая; 2) действовать напрямик, энергично добиваться своей цели.

drauflosschießen – стрелять во все стороны, без разбору (не контролируя себя).

drauflosschimpfen – внезапно начать ругаться.

draufloswirtschaften – работать, вести дела как попало, не задумываясь (от *wirtschaften* – заниматься хозяйством, хозяйничать).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *draus-*

Разговорное наречие *draus* имеет пространственный характер и обозначает движение или перемещение объекта из какой-либо замкнутой области наружу. Представление об извлечении чего-либо наружу переосмысливается абстрактно как получение выводов, результатов и т. п. из какого-либо процесса, дела или обстоятельства (*es wird wohl nichts daraus*). На основании той же семы «извлечения» сформировались другие производные значения наречия *daraus* – «производство чего-либо из какого-либо материала» (*sich ein Kleid daraus nähen*) и «получение информации из какого-либо источника» (*aus dem Buch lesen*). Наречная частица *draus-* в составе единственной отмеченной глагольной единицы *drauskommen* реализует значение, в основе которого, вероятно, лежит метафоризированная сема направленного движения наружу.

Словообразовательная модель со значением «совершать движение, обозначенное основной глагола, в направлении в сторону или наружу» (1 единица):

drauskommen – 1) отвлечься от чего-либо, сбиться, спутаться; 2) сообразить, догадаться, понять, расшифровать что-либо.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *drin-*

Разговорное наречие *drin*, как и нейтральное *darin*, имеет основное конкретное локативное значение «нахождение или содержание чего-либо внутри какой-либо области», которое метафоризируется как абстрактное представление об отношении к какому-либо вопросу, процессу, делу и т. п. (*Darin liegt ein Widerspruch*). Наречная частица *drin-* в составе разговорных глагольных единиц чаще всего реализует значение «нахождение внутри чего-либо», выраженное как конкретно, так и абстрактно.

Словообразовательная модель со значением «находиться внутри чего-либо или помещать что-либо внутрь чего-либо таким образом, как обозначено основой глагола» (всего 5 единиц):

drinhaben – иметь что-либо внутри чего-либо.

drinhängen – зависеть от чего-либо (от *hängen* (an j-m.) – быть привязанным к кому-либо, чему-либо).

drinliegen – лежать, находиться внутри чего-либо, в чем-либо (также перен.).

drinsitzen – 1) находиться внутри чего-либо; 2) (фам.) находиться в сложном положении.

drinstehen – 1) быть указанным где-либо; 2) быть в курсе (*da stehe ich nicht so drin* – об этом я ничего не знаю).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *drüber-*

Основное значение разговорного наречия *drüber* (а также нейтрального *darüber*) – конкретное пространственное значение «нахождение / размещение над чем-либо, поверх чего-либо или движение / перемещение к определенному месту над чем-либо». Метафорическое переосмысление пространственных сем приводит к формированию представления о ментальном нахождении над процессом, вопросом и т. п. (*darüber schlafen*), к актуализации в семантике указанных наречий признака, указывающего на положение вне каких-

либо границ, как во времени, так и в пространстве (es ist schon zehn Minuten darüber).

Разговорная наречная частица *drüber-* в составе отобранных глагольных единиц имеет значение «движение или размещение над чем-либо, поверх чего-либо», выраженное конкретно или абстрактно. В составе лексики *sich darübermachen* наречная частица *darüber-* выражает метафорическое значение положения над чем-либо.

Словообразовательная модель со значением «совершать движение, выраженное основой глагола, над горизонтальной поверхностью или объектом» (всего 4 единицы):

drübermachen, sich – 1) нанести что-либо сверху, поверх чего-либо; 2) приниматься за какое-либо дело.

drübergehen – пройти сверху, над чем-либо (также перен.).

drüberlassen – дать переместиться сверху, над чем-либо.

drüberziehen – натягивать сверху, поверх чего-либо.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *drumrum-*

Разговорное наречие *drumrum*, как и его нейтральный синоним *drumherum*, имеет основное локативное значение расположения вокруг какого-либо объекта, при этом локативные семы могут метафоризироваться по типу переноса из конкретной области в абстрактную область, что проявляется в контекстуальном употреблении наречий в значении «по отношению к чему-либо (ситуации, вопросу, процессу и т. п.)»: "Das ist eine Packung, da muss man nicht drumherum reden", sagte Fortuna-Manager Rachid Azzouzi nach der Pleite an alter Wirkungsstätte bei Sky“ (Die Zeit, 09.11.2015 / DWDS). Сема «наличие отношения к чему-либо» доминирует в значении разговорного существительного *das Drumherum*, а также в значении разговорной наречной частицы *drumrum-*.

Словообразовательная модель со значением «совершать действие, выраженное основой глагола, вокруг определенного

места, объекта, не сближаясь и не соприкасаясь с ним» (всего 2 единицы):

drumrumkommen – (um A.) отделаться, избавиться от кого-либо.

drumrumreden – ходить вокруг да около, говорить намеками.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом fort-

Основное значение наречия *fort* – конкретное пространственное значение «движение или перемещение объекта от определенно-го места с целью удаления, устранения». Пространственная семантика наречия включает также значение отсутствия на определенном месте. Метафорическое переосмысление приводит к формированию в семантике наречия временного значения «непрерывного продолжения действия».

Наречная частица *fort-* в процессе образования разговорных глагольных единиц реализует как пространственное значение удаления от исходной точки, так и темпоральное значение продолжения действия. Большинство глагольных единиц с приглагольным компонентом *fort-* образованы по пространственной словообразовательной модели.

Словообразовательная модель со значением «совершать действие с целью удаления, обозначенное основой глагола, в направлении от конкретного места» (всего 12 единиц):

fortbringen – 1) сдвинуть, переложить что-либо, кого-либо с места, увезти, унести; 2) заботиться, ухаживать (за растениями, за детьми).

fortgraulen – прогнать кого-либо (от *graulen, sich* – (разг.) бояться).

fortkriegen – сдвинуть, переложить, увезти что-либо, кого-либо с места.

fortlügen – отрицать существование чего-либо (от *lügen* – врать).

fortrennen – быстро убежать.

fortscheren, sich – быстро убежать, убраться (чаще в форме приказа, угрозы: *Scher dich fort!*) (от *scheren, sich* – (разг.) убираться, уходить).

fortschleppen – 1) продвигать, перемещать вперед с большими трудностями; 2) продвигаться вперед с трудом (от *schleppen* – (перен.) тащиться, медленно двигаться).

Словообразовательная модель со значением «продолжать выполнять действие, обозначенное основой глагола» (всего 2 единицы):

fortschreiben – продолжать писать.

fortwursteln – тянуть волынку, говорить, делать одно и то же (от *wursteln* – халтурить, работать кое-как, спустя рукава).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *her-*

Основное значение наречия *her* – конкретное пространственное значение «движение или перемещение объекта к определенному месту, по направлению к говорящему». В этом значении наречие *her* нередко реализует фамиллярную сему (*Bier her!*). Метафорическое переосмысление приводит к формированию в семантике наречия темпоральных сем и возможности обозначать определенный отрезок времени от отправной точки до настоящего момента речи (*einen Monat her*). Во фразеологически связанном значении (*Damit ist es nicht weit her*) наречие *her* имеет разговорное значение указания на наличие абстрактно мыслимого расстояния до какого-либо события или явления.

Наречная частица *her-* в процессе образования разговорных глагольных единиц реализует, как правило, конкретное (*herschaukeln*) или абстрактное (*herschchnurren*) значение «направленности». В семантике наречной частицы *her-*, как и в семантике соответствующего наречия, сохраняется аугментативная сема, усиливающая значение действия, выраженного глагольной основой (*herschchnurren, herkriegen*).

Словообразовательная модель со значением «совершать действие, выраженное основой глагола, направленное в сторону говорящего, объекта или места» (всего 11 единиц):

herkriegen – доставать, добывать.

herlegen – класть поближе.

herleihen – дать напрокат, взаймы.

hermüssen – 1) быть должным срочно прийти, быть вызванным; 2) требоваться к доставке.

herschaukeln – подъезжать, ехать по направлению к кому-либо (от *schaukeln* – 1) качать, раскачивать; 2) качаться, раскачиваться).

herschieben – 1) толкать перед собой; 2) *vor sich (D.) h.* – откладывать.

herzeigen – 1) показать, продемонстрировать, предъявить что-либо; 2) указывать в определенном направлении (по направлению к говорящему).

herziehen – 1) тянуть, тащить; 2) переселяться, въезжать; 3) приближаться; 4) раскритиковать что-либо, высказаться нелестно в чей-то адрес.

Как аугментативный вариант данной модели можно образование следующих глагольных единиц:

hermachen – 1) браться, приниматься за работу; 2) нападать на кого-либо; 3) производить впечатление; 4) носиться, как с писаной торбой, слишком много внимания уделять чему-либо.

herschnurren – монотонно произносить, декламировать (*schnurren* – 1) жужжать; 2) гудеть).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *heran*-

Основное значение наречия *heran* и разговорного синонима *rap* – «постепенное движение по направлению к цели, приближение к чему-либо», которое метафорически трансформируется в темпоральное значение (*Weihnachten ist bald wieder heran*). Наречная частица *heran*- в словообразовании разговорной лексики имеет значение

направленного в сторону объекта движения, которое выражается как конкретно, так и абстрактно.

Словообразовательная модель со значением «двигаться по направлению к какой-либо цели таким образом или при таких условиях, как обозначено основой глагола» (всего 5 единиц):

herandürfen / randürfen – иметь разрешение приближаться, подходить, подъезжать.

herankönnen / rankönnen – иметь возможность приблизиться, подойти, подехать.

heranmachen, sich / ranmachen, sich – 1) подходить, приближаться. 2) приставать. 3) приниматься (за дело).

herantrauen, sich / rantrauen, sich – решиться приблизиться к кому-то, к чему-то (от *trauen, sich* – осмеливаться решаться).

heranwollen / ranwollen – хотеть подойти, приблизиться.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *herauf*-

Наречие *herauf* означает движение или перемещение чего-либо снизу-вверх. В разговорной лексике наречие имеет значение «перемещение в направлении с юга на север, наблюдаемое со стороны севера». Значение перемещения снизу-вверх имеет и наречная частица *herauf*-.

Словообразовательная модель со значением «выполнять действие, направленное снизу-вверх, обозначенное основой глагола, или при условии, обозначенном основой глагола» (всего 6 единиц):

heraufdürfen – 1) иметь разрешение подняться наверх; 2) иметь разрешение сделать карьеру, выбиться в люди.

heraufkönnen – 1) иметь возможность подняться наверх; 2) смочь сделать карьеру, выбиться в люди.

herauflassen – выпускать наверх.

heraufwollen – 1) хотеть подняться наверх; 2) хотеть сделать карьеру, выбиться в люди.

Разговорные глагольные единицы с приглагольными компонентами *heraus-* / *raus-*

Наречие *heraus*, а также его разговорный синоним *raus* реализуют конкретное пространственное значение «движение или перемещение объекта изнутри наружу». Метафорическое преобразование пространственного значения наречия *heraus* характерно для разговорной лексики (*Die Polizei hatte bald heraus, wer der Täter war*). Для наречных частиц *heraus-* и *raus-*, как для компонентов глагольных единиц, характерно дирекциональное значение движения наружу, которое, однако, чаще всего абстрагируется (*herausekeln*, *herausfahren*). Использование частицы *raus-* придает глагольной конструкции дополнительный фамильярно-разговорный оттенок.

Словообразовательная модель со значением «совершать действие, обозначенное глагольной основой, в направлении изнутри наружу» (всего 20 единиц):

herausekeln / *rausekeln* – прогонять, выживать кого-либо неприятного (от *ekeln* – испытывать отвращение).

herausfahren – 1) отправиться, выехать куда-либо; 2) сорваться с языка.

herausgucken – 1) выглядывать; 2) высовываться из-под чего-либо.

heraushaben – 1) вынуть, достать что-либо; 2) выживать, прогонять с места кого-либо; 3) понять что-либо; 4) разузнать что-либо; 5) *etw. wieder h.* – получить обратно.

herausklamüsern – 1) разузнать, выведать что-либо; 2) выбрать (из множества), выискать (от *klamüsern* – (с.-нем.) размышлять о чем-либо, основательно изучать что-либо).

herauskönnen – иметь возможность покинуть помещение, какую-либо область и т. п.

herauskriegen / *rauskriegen* – 1) вытащить, извлечь что-либо; 2) выяснить, выведать что-либо; 3) разгадать что-либо; 4) получить обратно определенную сумму; 5) издавать звуки.

herausmachen / rausmachen – 1) удалять, выводить; 2) поправляться, хорошеть физически; 3) улучшаться (экономически, социалью).

herausplatzen / rausplatzen – 1) расхохотаться; 2) внезапно высказаться, выложить то, что думаешь (от *platzen* – лопнуть, треснуть, разорваться).

herausrutschen / rausrutschen – 1) расхохотаться; 2) внезапно высказаться, выложить то, что думаешь (от *rutschen* – 1) скользить; 2) ползать; 3. съехать).

herausreden, sich – оправдываться.

herausschauen – (ю.-нем.) 1) выглядывать откуда-либо (из окна); 2) Высовываться из-под чего-либо. 3) иметь перспективы.

heraustrommeln – колотить в двери, пока не откроют (от *trommeln* – барабанить).

heraustun – выводить, высаживать, выкладывая наружу.

herauswollen – хотеть выбраться, выйти наружу (также перен.).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *herbei*-

Основное значение наречия *herbei* – конкретное пространственное значение «перемещение от определенного удаленного места по направлению к месту нахождения говорящего». Наречная частица *herbei*- сохраняет это значение.

Словообразовательная модель со значением «совершать перемещение к определенному месту способом, обозначенным основой глагола» (1 единица):

herbeitrommeln – призывать, собирать вместе (людей) (от *trommeln* – барабанить).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *herein*-

Основное значение наречия *herein* и его разговорного синонима *gein* – «движение или перемещение объекта извне внутрь замкнутого пространства по направлению к говорящему». Наречные

частицы *herein-* и *rein-* реализуют то же пространственное значение перемещения внутрь какой-либо замкнутой области.

Словообразовательная модель со значением «переместить / переместиться внутрь какой-либо замкнутой области таким способом, как обозначено основой глагола» (всего 21 единица):

hereinbekommen – 1) получить что-либо извне, втащить; 2) получить в виде поставки что-либо (товар и т. п.); 3) получить обратно вложенные, потраченные деньги; 4) принимать, смотреть (передачу).

hereindürfen / *reindürfen* – иметь разрешение попасть внутрь (от *dürfen* – иметь разрешение).

reinknien, sich – интенсивно заниматься чем-либо, погрузиться во что-либо (от *knien* – стоять на коленях).

hereinkönnen / *reinkönnen* – суметь войти, попасть внутрь.

hereinkriegen / *reinkriegen* – 1) получить что-либо извне; 2) получить в виде поставки что-либо (товар и т. п.); 3) получить обратно вложенные, потраченные деньги; 4) принимать, смотреть (передачу).

hereinschauen / *reinschauen* – заскочить на минутку, нанести короткий визит.

hereinspazieren / *reinspazieren* – непринужденно войти в помещение.

Разговорные глагольные единицы с приглагольными компонентами *herüber-* / *rüber-*

Наречие *herüber* выражает конкретное пространственное значение «движение или перемещение объекта по направлению к говорящему поверх чего-либо». Основу семантики приглагольных компонентов *herüber-* и *rüber-* составляет представление о преодолении определенного расстояния между двумя пунктами. Несмотря на синонимичность значений, компоненты *herüber-* и *rüber-* обладают не только разной стилистической окраской (*rüber-* имеет в словаре DUDEN помету «разговорное»), но и разной сочетаемостью. В выборке не было зафиксировано ни одного примера образования глагольной единицы в результате сочетания частицы *rüber-* и основы модального глагола (кроме *lassen*). Частотность глагольных единиц

с данными компонентами в немецком языке очень невысокая, что косвенно подтверждается тем, что в корпусе DWDS контексты с этими единицами практически отсутствуют.

Словообразовательная модель со значением «преодолеть определенное расстояние от исходной до конечной точки по направлению к говорящему тем способом или при условиях, обозначенных основой глагола» (всего 6 единиц):

herüberdürfen – иметь разрешение перейти, зайти в помещение (к говорящему).

herübermüssen – быть вынужденным перейти, зайти в помещение (к говорящему).

herübersollen – быть должным перейти, зайти в помещение (к говорящему).

herüberwollen – хотеть перейти, зайти в помещение (к говорящему).

herüberlassen / *rüberlassen* – позволить перейти, зайти в другое помещение.

Разговорные глагольные единицы с прилагательными компонентами *herum-* / *rum-*

Основное значение наречия *herum* – «вращение, движение по кругу, вокруг чего-либо». На основании этого значения сформировались производные локативные значения: «нахождение рядом, в непосредственной близости от кого-либо, чего-либо» «положение за чем-либо, с противоположной стороны чего-либо» (*um der Ecke*). Представление о движении вокруг объекта метафоризируется как охват объекта заботой, а также как широкое распространение информации об объекте. Таким образом, у наречия *herum* формируются имеющие разговорную окраску значения «заботливый» (*Sie ist immer um ihr Brüderchen herum* (DWDS)) и «известный» (*Die Nachricht von seiner Beförderung war im Nu herum* (DWDS)). Метафорическое переосмысление семы «нахождение поблизости, около объекта» приводит к формированию в семантике наречия *herum* значения

примерного обозначения количества, размера или времени. На основе представления о завершении движения по кругу у наречия *herum* возникло разговорное значение окончания определенного временного периода, завершения действия (*Das Problem war schnell herum* (DWDS)).

Наличие в совокупной семантике наречия *herum* разговорных значений, возможно, послужило основной причиной активного функционирования соответствующей наречной частицы в словообразовании разговорной лексики немецкого языка. Приглагольная наречная частица *herum-* реализует, как правило, метафорическое значение длительного, неразвивающегося, повторяющегося действия. Нередко актуализируются пейоративные семы «неумелость при выполнении действия» (*herumbasteln*), «бесцельность» (*herumbummeln*), «неважность, незначительность совершаемого действия» (*herumschleppen*), которые обуславливают формирование негативной – фамильярной или пренебрежительно-ироничной – окраски. Характерные для наречной частицы *herum-* семантические признаки могут дублировать семы, входящие в содержание мотивирующего глагола, что приводит к возникновению эффекта оксюморона и повышению эмоциональной выразительности глагольной единицы (*herumdoktern*, *herumflegeln*). Приглагольной частице *herum-* также свойственна сема интенсификации действия или состояния, доведения его до высокой степени проявления, которая выходит на первый план в случае сочетания частицы с основами глаголов определенной семантики, чаще всего – со значением активного, эмоционально окрашенного действия (*herumstreiten*, *herumtoben*, *sich herumquälen*).

Словообразовательная модель с предуративным значением «бесцельное, продолжительное совершение действия, обозначенного основой глагола» (всего 79 единиц):

herumärgeren, sich – постоянно раздражаться, злиться во время какого-либо процесса.

herumbalgen, sich – постоянно драться, конфликтовать с другими (от *balgen, sich* – (разг.) затеять драку).

herumbasteln – долго и без особого успеха что-то мастерить (от *basteln* – 1) заниматься ремеслом; 2) мастерить; 3) делать что-то не спеша).

herumbrüllen / *rumbrüllen* – орать, ругаться в гневе или раздражении (от *brüllen* – (разг.) орать).

herumdoktern – 1) пытаться лечить кого-либо по-дилетантски; 2) пытаться неумело привести что-либо в порядок без плана и цели: (от *doktern* – лечить кого-либо, не имея соответствующих знаний).

herumexperimentieren – постоянно, без цели и плана экспериментировать.

herumfuhrwerken – (пренебр.) возиться, заниматься чем-либо без плана, бесконтрольно неумело (от *fuhrwerken* – (разг.) активно жестикулировать).

herumfummeln – 1) суетиться; 2) возиться с чем-либо, копаться (от *fummeln* – 1) бегать взад и вперед, суетиться; 2) работать спустя рукава, халтурить).

herumgeistern – бродить бесцельно (от *geistern* – бродить бесцельно (как призрак)).

herumhängen / *rumhängen* – 1) висеть неаккуратно, мешая всем; 2) «тусоваться», постоянно находиться где-то (от *hängen* – 1) висеть; 2) продолжаться, не заканчиваться, застревать).

herumhorchen – расспрашивать (коллег, знакомых) (от *horchen* – слушать, прислушиваться).

herumirren – заблудиться на местности (от *irren, sich* – заблудиться, ошибаться).

herumkommen – 1) обойти, объехать что-либо вокруг; 2) охватить, обнять что-либо, описать круг вокруг чего-либо; 3) обойти, избежать чего-либо неприятного, отделаться; 4) путешествовать с места на место, повидать мир; 5) постепенно справиться с чем-либо; 6) стать известным всем.

herumkriechen – 1) ползать, карабкаться; 2) несмотря на усилия, оказаться в сложном положении; 3) обессилеть, быть слабым и больным (от *kriechen* – (разг.) 1) ползать, как рак, карабкаться; 2) безуспешно стараться).

herumkritisieren – (пренебр.) раскритиковать, разнести, «охать» что-либо (от *kritisieren* – выражать свое несогласие в грубой, пренебрежительной форме).

herumlümmeln – бездельничать (от *lümmeln* – (разг.) бездельничать).

herummachen / rummachen – 1) повязать, наложить вокруг чего-либо; 2) (фам.) возиться с чем-либо; 3) вступать в сексуальные отношения с кем-либо.

herumrühren – 1) мешать чем-либо в чем-либо (ложкой в стакане и т. п.); 2) заводить речь о чем-либо старом, надоевшем (от *rühren* – мешать, помешивать).

herumschlendern – прогуливаться, не спеша, без цели (от *schlendern* – бродить, слоняться без дела).

herumtun – (ю.-нем.) заниматься чем-то бесцельным, бесполезным вместо конкретного дела.

herumturnen – 1) заниматься физкультурой; 2) передвигаться разными способами: ползая, перебежками, вприпрыжку.

herumvagabundieren – (пренебр.) 1) много путешествовать без необходимости; 2) часто менять место жительства (от *vagabundieren* – бродяжничать, вести бродячий образ жизни).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *herunter*-

Основное значение наречия *herunter* – конкретное пространственное значение «движение или перемещение объекта сверху вниз к определенному месту, по направлению к говорящему». Абстрактное значение «удаление с определенного места, с поверхности чего-либо и перемещение вниз» маркируется словарем DWDS как разговорное (*Der Rahm ist von der Milch schon herunter*). Фамильярно-разговорный оттенок имеет метафорическое значение рассматриваемого наречия «находящийся в плохом состоянии или положении» (*Ich bin völlig mit den Nerven herunter*), которое базируется на конкретной пространственной семе «движение вниз».

Наречные частицы *herunter-* и *runter-* в процессе образования разговорных глагольных единиц реализуют, как правило, пространственное значение «направленности движения сверху вниз» (*herunterbaumeln*, *herunterdürfen*, *herunterhauen*, *runterhauen*, *herunterwürgen*, *herunterrasseln*). Употребление компонента в метафорическом значении «ухудшить» встречается гораздо реже (*herunterwirtschaften*). Наречная частица *herunter-* способна придавать глагольным единицам оттенок небрежности за счет реализации соответствующей семы (*herunterspielen*, *heruntersagen*).

В еще большей степени семы «небрежность», «пренебрежительность», «фамильярность» выражены в семантике компонента *runter-* (*runterputzen*). Кроме разговорной окраски, компонент *runter-* отличается от нейтрального *herunter-* сочетаемостью с мотивирующими основами. Так, наречная частица *runter-* активно сочетается с глаголами движения (*fallen*, *fliegen*, *kommen*, *rutschen*), но практически не вступает в сочетания с основами глаголов с модальным значением (кроме глагола *lassen*).

Словообразовательная модель со значением «совершать действие, выраженное основой глагола, по направлению сверху вниз» (всего 27 единиц):

herunterbaumeln – свисать вниз, раскачиваясь (от *baumeln* – болтаться, висеть (покачиваясь)).

herunterbekommen – 1) суметь принести, доставить что-либо сверху вниз; 2) суметь отделить что-либо от чего-либо; 3) суметь проглотить.

herunterfallen / *runterfallen* – 1) упасть, сорваться; 2) быть сброшенным.

herunterkommen / *runterkommen* – 1) спуститься вниз; 2) прийти в упадок, идти на спад; 3) потерять доходность (о предприятии); 4) «расклеиться», потерять здоровье, прийти в плохое физическое состояние; 5) перейти на более высокий уровень (о достижениях); 6) (фам.) преодолеть наркотическую зависимость.

herunterrasseln – 1) громыхая, спуститься, скатиться, упасть; 2) быстро, без выражения прочесть, декламировать что-либо, «оттарабанить» (от *rasseln* – греметь, звенеть).

herunterrutschen / runterrutschen – 1) съехать, скатиться сверху вниз по направлению к говорящему; 2) «съезжать», соскальзывать вниз, не держась на чем-либо (о предметах одежды и т. п.) (от *rutschen* – скользить).

herunterschlucken / runterschlucken – 1) проглотить с трудом; 2) (фам.) подавить какие-то эмоции, чувства (от *schlucken* – глотать, проглатывать).

herunterwollen – 1) хотеть принести, доставить что-либо сверху вниз; 2) хотеть спуститься вниз; 3) «соскочить», перестать принимать наркотики.

herunterwürgen – с трудом проглотить, даваясь (от *würgen* – давиться, проглатывать с трудом).

Как отдельный вариант структурной модели с компонентом *herunter-* можно рассматривать аугментативный вариант со значением **«испортить, ухудшить что-либо при помощи действия, обозначенного основой глагола»** (всего 5 единиц):

herunterhandeln – сбивать цену, торговаться (от *handeln* – вести торговлю, торговаться).

runterputzen – (фам.) 1) раскритиковать, разнести в пух и прах; 2) отругать в уничижительной манере (от *putzen* – чистить).

heruntersagen – быстро, без выражения прочесть, декламировать что-либо, «оттарабанить».

herunterspielen – 1) сыграть небрежно (о музыкальном произведении); 2) сознательно преуменьшить.

herunterwirtschaften – привести в упадок, в негодность, развалить (о хозяйстве, имуществе) (от *wirtschaften* – вести хозяйство, заниматься хозяйством).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *hervor-*

Наречие *hervor* имеет пространственную семантику и означает движение или перемещение объекта вперед или наружу. В разговорной лексике наречная частица *hervor-* также реализует пространственное значение, чаще абстрактное, указывая на направление движения наружу.

Словообразовательная модель со значением «совершение действия, обозначенного основой глагола, в направлении наружу» (всего 2 единицы):

hervorgucken – 1) выглядывать, высовываясь; 2) высовываться из-под чего-либо.

hervorkramen – выудить, вытащить что-либо, шарясь в куче вещей (от *kramen* – рыться, шариться, копаться).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *hin-*

Основу семантики наречия *hin* составляет пространственное значение движения в определенном направлении к цели, которое может быть выражено как конкретно, так и абстрактно. Метафорическое преобразование указанного значения приводит к появлению у наречия *hin* временных значений «направленность на определенный момент времени» и «протяженность явления во времени». Кроме того, в разговорной лексике у наречия *hin* существует значение «полное израсходование, утрата чего-либо» (*Geld, Vertrauen*), «стать непригодным, испортиться, сломаться» (*Fahrrad ist hin*) с актуализацией пейоративных сем.

Наречная частица *hin-* функционирует в разговорном словообразовании в значениях «направленность действия на конкретную цель (объект или место) (*hinlangen, hinmachen, hinhaben*). Кроме того, в большинстве случаев она выступает как аугментативный элемент, реализуя сему «интенсивно» и усиливая значение глагольной основы (иногда за счет удвоения сем) (*hinsausen, hinschmeißen, hinschludern*).

Интенсивирующий оттенок может объясняться актуализацией комплетивной семы, свойственной как наречной частице *hin-*, так и соответствующему наречию.

Словообразовательная модель со значением «совершать движение или перемещать что-либо по направлению к определенной цели так, как обозначено основной глагола» (всего 16 единиц).

В рамках этой модели рассматриваются также такие случаи, в которых направленность на определенную цель выражена метафорически:

hinbiegen – 1) склонять к чему-либо; 2) уладить, «провернуть» дело: “Den biegen wir uns noch hin” (DUDEN online).

hindürfen – 1) иметь разрешение пойти, поехать, отправиться куда-либо; 2) иметь разрешение отнести, отвезти.

hingucken – внимательно, часто с любопытством смотреть, всматриваться.

hinhauen – 1) ударить в определенное место; 2) (фам.) с силой швырнуть в определенном направлении; 3) (фам.) бросить какое-либо наскучившее, раздражающее дело.

hinhorchen – прислушиваться, слушать.

hinkönnen – иметь возможность отправиться в определенном направлении.

hinlangen – 1) дотянуться, достать что-либо; добраться до определенного места; 2) (фам.) закрыть; 3. (фам.) накладывать себе много еды; 4) хватать, быть достаточным (от *langen* – 1) доставать, тянуться; 2) достигать; 3) (разг.) быть достаточным; 4. доставать, брать).

hinlassen – разрешить кому-либо отправиться куда-либо.

hinmachen – 1) прикрепить к определенному месту; 2) осуществить нужду в определенном месте; 3) (диал.) торопиться, спешить; 4) (груб.) убить; 5) (фам.) разрушить, сравнять с землей; 6) переехать.

hinmögen – хотеть, иметь намерение отправиться куда-либо.

hinpassen – 1) подходить к определенному месту по своим размерам, форме и т. п.; 2) быть в своей тарелке, подходить к окружению (от *passen* – быть впору, быть к лицу, подходить).

Аугментативная модель, которая описывается как «интенсивное выполнение какого-либо действия, обозначенного основной глагола» (всего 20 единиц):

Глагольные единицы, образованные по этому варианту структурной модели с частицей *hin-*, часто имеют пейоративные семы, а также могут иметь фамильярную или пренебрежительную стилистическую окраску.

hinblättern – выложить значительную сумму денег (*blättern* – перелистывать, листать (образ отсчитываемых купюр)).

hinfetzen – 1) (фам.) небрежно написать, набросать что-либо; 2) сбросить, опрокинуть; 3) преподнести, изобразить что-либо увлекательно; 4) быстро мчаться, «нарезать» (от *fetzen* – 1) рвать на клочки; 2) (разг.) энергично работать).

hinknallen – 1) резко, со стуком швырнуть что-либо; 2) резко упасть, ударившись (от *knallen* – 1) щелкать, хлопать; 2) трещать; 3) греметь, прогреметь (о выстреле, взрыве); 4) хлопнуть, застрелить).

hinlümmeln – (пренебр.) подчеркнуто небрежно, развязно разваливаться на стуле (от *lümmeln* – (разг.) бездельничать, слоняться без дела).

hinpfeifen – 1) свистеть, насвистывать; 2) играть на духовом инструменте.

hinschludern – делать, выполнять что-либо спустя рукава (от *schludern* – (разг.) халтурить, небрежно выполнять порученное дело).

Вариант аугментативной модели представляют собой глагольные единицы, в составе которых приглагольный компонент выражает более явный оттенок полного завершения процесса:

hinkriegen – 1) сделать, выполнить что-либо ловко, справиться с чем-либо; 2) привести в порядок, уладить дело.

hinklotzen – построить, смастерить, сделать что-то некрасиво, небрежно (от *klotzen* – рубить колоды, пни).

hinschmieren – 1) быстро, небрежно написать, нарисовать что-либо; 2) внезапно резко упасть (от *schmieren* – мазать, смазывать, намазывать).

hinzaubern – сделать, приготовить что-либо очень хорошее в короткое время (от *zaubern* – 1) колдовать, наколдовывать).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *hinauf*-

Основное значение наречия *hinauf* – «движение или перемещение объекта снизу вверх по направлению от говорящего», метафорическое переосмысление которого по типу переноса из конкретной в абстрактную область приводит к формированию значения «перемещение от более низкой должностной ступени к более высокой». Наречная частица *hinauf*-, функционируя при основах глаголов с широкой модальной семантикой, сохраняет конкретное пространственное значение «направленное движение вверх».

Словообразовательная модель со значением «совершать движение вверх при условиях, обозначенных основой модального глагола» (всего 6 единиц):

hinaufdürfen – 1) иметь разрешение подняться наверх; 2) иметь разрешение поднять что-либо наверх.

hinaufkönnen – иметь возможность подняться наверх.

hinaufmüssen – быть вынужденным подняться наверх.

hinaufwollen – хотеть подняться наверх.

hinauflassen – разрешить, дать возможность подняться наверх.

hinaufsollen – быть должным подняться наверх.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *hinaus*-

Наречие *hinaus* в основном значении обозначает конкретное «движение или перемещение объекта из более тесной области в более просторную область или наружу», которое может быть выражено также абстрактно (*in die weite Welt hinaus*). Метафорическое переосмысление пространственных сем приводит к формированию в семантике наречия темпорального значения «указание на продолжение совершения действия в течение определенного временного периода», который мыслится как некая абстрактная широкая область (*auf mehrere Jahre hinaus*), а также значения преодоления определенных рамок.

Наречная частица *hinaus-* в процессе образования разговорных глагольных единиц реализует, как правило, конкретное (*hinausschmeißen*, *hinausgucken*) или абстрактное (*hinausposaunen*, *hinaus-ekeln*) значение «направленность наружу». В составе глагольной единицы *hinausdürfen* компонент *hinaus-* реализует также абстрактную сему «выход за установленные рамки».

Словообразовательная модель со значением «двигаться или перемещать что-либо наружу способом или при условии, обозначенном основой глагола» (всего 11 единиц):

hinausdürfen – 1) иметь разрешение выйти, выехать откуда-либо; 2) быть вынесенным, выставленным откуда-либо; 3) мочь, иметь разрешение превысить какой-либо предел.

hinausekeln – выживать кого-либо (от *ekeln* – испытывать отвращение).

hinausgraulen – выгнать кого-либо (из комнаты, из общества) (от *graulen* – страшиться, бояться).

hinausgucken – выглядывать из окна.

hinauskönnen – суметь выйти, выехать.

hinausmüssen – быть вынужденным выйти, выехать.

hinausposaunen – (пренебр.) разболтать, растрезвонить (от *posaunen* – 1) играть на тромбоне; 2) распространять слухи, разболтать что-либо; 3) поднимать большой шум вокруг чего-либо).

hinausschmeißen – 1) выбросить наружу; 2) выгонять; 3) удалить, устранить то, что уже не нужно (от *schmeißen* – (разг.) бросать, швырять).

hinaussollen – быть должным выйти, выехать.

hinauswollen – 1) хотеть выйти, выехать; 2) выбиваться из обшей картины.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *hinein-*

Основное значение наречия *hinein* – «движение или перемещение объекта из более просторной области, из внешнего пространства в более узкую область». Конкретные пространственные семы

подвергаются метафорической интерпретации (*ins Gesicht hinein*, *in die Leere hinein* и т. п.). Метафорическое переосмысление представлений о завершении действия при его перемещении внутрь некоего пространства и ограничении действия рамками этого пространства приводит к формированию в семантике наречия *hinein* производного временного значения – «указание на момент времени, ограничивающий выполнение действия». Кроме того, следует указать на возможность реализации семы «тщательность», которая входит в содержание наречия (*in die Kleinigkeiten hinein*). Наречная частица *hinein-* в процессе образования разговорных глагольных единиц реализует конкретное (*hineinreiten*, *hineintappen*) или абстрактное (*hineinrichen*, *sich hineinknien*) значение «направленности действия внутрь какой-либо области, пространства».

Словообразовательная модель со значением «осуществлять действие, обозначенное основой глагола, направленное внутрь чего-либо» (всего 19 единиц):

hineinbringen – 1) вносить, вводить что-либо, кого-либо куда-либо; 2) вводить кого-либо в определенное состояние; 3) помещать что-либо куда-либо.

hineinbuttern – вложить во что-либо много денег (от *buttern* – вкладывать много денег).

hineinfunken – вмешиваться во что-либо, мешая процессу (от *funken* – (разг.) функционировать).

hineingreifen – входить куда-либо, чтобы использовать, вмешиваться, вторгаться во что-либо (от *greifen* – 1) брать, хватать; 2) браться за что-либо, прибегать к чему-либо).

hineingucken – смотреть, заглядывать во что-либо.

hineinknien, sich – интенсивно заниматься чем-либо, погружаться во что-либо (от *knien* – стоять на коленях).

hineinkriegen – втолкнуть, воткнуть что-либо куда-либо (также перен.) (от *kriegen* – разг. получать).

hineinplatzen – 1. Неожиданно войти, ввалиться. 2. Вмешаться в разговор (от *platzen* – 1) лопать; лопаться; 2) сделать резкое движение в определенном направлении).

hineinrasseln – попасть во что-либо, неожиданно для себя очутиться в какой-либо ситуации (от *rasseln* – греметь, грохотать).

hineinreiten – 1) въехать куда-либо верхом; 2) попасть в неприятную, сложную ситуацию; 3) втянуть кого-либо в неприятную ситуацию (от *reiten* – скакать верхом).

hineinriechen – (фам.) поверхностно, бегло ознакомиться с чем-либо, не вникнув в суть (от *riechen* – 1) нюхать; 2) пахнуть).

hineintappen – 1) тихо войти куда-либо, неуверенно ступая; 2) попасть куда-то по невнимательности (также перен.) (от *tappen* – 1) тяжело, неуверенно идти, глухо ступая; 2) брести осторожно, ощупью).

hineintasten – 1) помещать что-либо куда-либо ощупью; 2) войти куда-либо ощупью; 3) перемещаться куда-либо медленно и осторожно (от *tasten* – 1) трогать, ощупывать руками; 2) печатать, нажимать на кнопки, клавиши).

hineintun – поместить что-либо внутрь чего.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *hinterher*-

Основное значение наречия *hinterher* – конкретное пространственное значение «движение вслед за кем-либо, позади кого-либо». При актуализации семы «отставание» пространственное значение метафорически трансформируется во временное, в результате чего возникает производное значение «позже, после какого-либо события». В семантике наречной частицы *hinterher*- сохраняются указанные семы.

Словообразовательная модель со значением «совершать действие, обозначенное основой глагола, с отставанием» (1 единица):

hinterherkleckern – (пренебр.) 1. Отстать от кого-либо. 2. Замешкаться, задержаться с выполнением чего-либо (от *kleckern* – есть неопрятно, пачкаться во время еды).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *hinüber-*

Основное значение наречия *hinüber* – «движение или перемещение объекта к определенному месту на противоположной стороне преграды, по направлению от говорящего». Перемещение на противоположную сторону определенной преграды ассоциируется с переходом границы между жизнью и смертью, что ведет к появлению сем «умирание», «уничтожение».

Наречная частица *hinüber-* в процессе образования разговорных глагольных единиц реализует, как правило, конкретное пространственное значение направленности движения на противоположную сторону какой-либо преграды. В составе единицы *hinübergucken* это значение выражается абстрактно и сочетается с аугментативной семой.

Словообразовательная модель со значением «совершать действие, направленное на другую, противоположную сторону тем способом или при таких условиях, как это обозначено основой глагола» (всего 7 единиц):

hinüberdürfen – иметь разрешение перейти на другую сторону.

hinüberkönnen – иметь возможность перейти на другую сторону.

hinüberlotsen – вести кого-либо на другую сторону (от *lotsen* – 1) (мор.) проводить. 2) (разг.) отвести, затащить кого-либо куда-либо).

hinübermüssen – быть вынужденным перейти на другую сторону (от *müssen* – быть вынужденным).

hinüberschauen – 1) смотреть на другую сторону; 2) переезжать, переправляться куда-либо по делам (от *schauen* – смотреть).

hinüberwollen – хотеть перейти на другую сторону.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *hinunter-*

Основное значение наречия *hinunter* – «движение или перемещение объекта сверху вниз по направлению от говорящего». На базе конкретных пространственных сем формируется переносное значение «продвижение от более высшей к более низшей ступени».

Движение вниз, ассоциирующееся со спуском по лестнице, переосмысливается как понижение уровня, степени, ранга. Конкретное пространственное значение имеет также наречная частица *hinunter-*. В составе глагольных единиц *hinuntertrinken*, *hinuntergießen*, *hinunterkippen*, где наречная частица присоединяется к основам глаголов, подвергающимся метафоризации, в том числе словообразовательной, компонент *hinunter-* выполняет также аугментативную функцию.

Словообразовательная модель со значением «совершать действие, направленное сверху вниз тем способом или при таких условиях, как обозначено основой глагола» (всего 9 единиц):

hinuntergießen – выпить залпом (от *gießen* – лить, поливать).

hinunterkippen – выпить, «опрокинуть» (об алкоголе) (от *kippen* – (разг.) быстро, одним глотком выпить (алкоголь), опрокидывать (рюмку)).

hinuntermüssen – быть вынужденным съехать, спуститься вниз (по направлению от говорящего).

hinunterschmeißen – (фам.) сбрасывать вниз (от *schmeißen* – (разг.) швырять, бросать).

hinuntertrinken – выпить (чаще об алкоголе или, шутливо, о другом напитке).

hinunterwollen – хотеть съехать, спуститься вниз (по направлению от говорящего).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *hinweg-*

Основное значение наречия *hinweg* – «движение или перемещение объекта по направлению от говорящего», включающее семы категоричности, удаления объекта, невзирая на препятствия. На базе конкретного пространственного значения в результате актуализации семы «преодоление препятствия» в семантике наречия формируется временное значение «через определенный промежуток времени». В составе глагольной единицы *hinwegkönnen* наречная частица *hinweg-* реализует абстрактное значение направленного

движения от определенной точки, связанного с преодолением препятствий.

Словообразовательная модель со значением «совершение действия в направлении от исходной точки / от говорящего, связанное с преодолением чего-либо, тем способом или при таком условии, как обозначено основой глагола» (1 единица):

hinwegkönnen – справиться с чем-либо, преодолеть (трудности).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *hinzu-*

Основное значение наречия *hinzu* – «движение или перемещение объекта к определенному месту, по направлению к говорящему». Метафорическое переосмысление приводит к формированию в семантике наречия темпоральных сем и возможности обозначать определенный отрезок времени от отправной точки до настоящего момента речи (*einen Monat her*).

Наречная частица *hinzu-* в процессе образования разговорной глагольной единицы *hinzutun* реализует пространственные семы «добавление» и «присоединение», метафорическая интерпретация которых приводит к появлению у глагольной единицы абстрактных производных значений (см. примеры выше).

Словообразовательная модель со значением «добавить что-либо к чему-либо тем способом, который обозначен основой глагола» (1 единица):

hinzutun – добавлять.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *los-*

Наречие *los* имеет значение побуждения к немедленному выполнению какого-либо действия. В сочетании с предлогом *von* оно реализует значение удаления, указывая на движение по направлению от говорящего.

В семантике приглагольной наречной частицы *los-* также потенциально присутствуют соответствующие семы, которые актуализируются в зависимости от семантики мотивирующего глагола. Во многих случаях образования глагольных единиц компонент *los-* реализует значение внезапного начала направленного действия (*losmüssen*, *lossollen*, *losschicken*, *losstürzen*, *losziehen* и другие). Как правило, в таких случаях используется основа глагола движения. При присоединении к основам глаголов, обозначающих процессы или действия, сопровождаемые громкими звуками (это могут быть основы звукоподражательных глаголов), актуализируется потенциальная сема «внезапное, неожиданное начало действия» (*losplatzen*, *lospallern*). Абстрактные семы «удаление» и «освобождение» доминируют в семантике наречной частицы *los-* в составе глагольных единиц *losmachen*, *losbekommen*. Для наречной частицы *los-* как словообразовательного компонента характерна реализация семы «быстрота, срочность», что в некоторых случаях приводит к эффекту внутрисловного удвоения сем (*losbrausen*, *losstürmen*). В целом разговорные глагольные единицы с компонентом *los-* носят инхоативный характер, обозначая начальный момент длительного действия.

В зависимости от того, какие семы в содержании приглагольного компонента доминируют при образовании глагольной единицы, можно выделить следующие варианты рассматриваемой словообразовательной модели.

Словообразовательная модель со значением «начать движение в направлении от исходной точки / от говорящего способом или при таком условии, как обозначено основой глагола» (всего 7 единиц):

losbrausen – 1) быстро удалиться. 2) быстро двигаться, бежать по направлению к кому-либо (от *brausen* – 1) буйствовать, бушевать; 2) быстро нестись, мчаться).

loskommen – 1) уйти; 2) подходить, приближаться к кому-либо (также перен.); 3) освободиться от чего-либо мешающего.

loskönnen – иметь возможность уйти, уехать.

losmüssen – быть вынужденным уйти, уехать.

losschieben – 1) быстро уйти, удалиться, исчезнуть; 2) сдвинуть, откатить, увезти (от *schieben* – (разг.) уходить, медленно передвигаться).

loswollen – хотеть уйти, уехать куда-либо.

Отдельно следует рассматривать **ингрессивную словообразовательную модель со значением «внезапное начало действия, обозначенного основой глагола»** (всего 8 единиц):

losballern – внезапно начать стрельбу (от *ballern* – 1) греметь (о выстреле). 2) громко стрелять; 3) щелкать, стучать хлопать).

losdonnern – 1) гроыхать (о громе); 2) разразиться бранью, упреками (от *donnern* – 1) греметь, грохотать (о громе); 2) разразиться бранью в чей-либо адрес).

loslegen – 1) начинать что-либо, приниматься за дело; 2) разразиться (насмешками, руганью, речью и т. п.) (от *legen* – класть).

losprusten – внезапно расхохотаться (от *prusten* – прыснуть, внезапно коротко рассмеяться).

losschießen – 1) внезапно начать стрелять; 2) резко, внезапно начать двигаться; 3) резко броситься к кому-либо; 4) резко, поспешно начать говорить (от *schießen* – стрелять).

losstürmen – броситься, ринуться, помчаться куда-либо (от *stürmen* – (перен.) спешить, нестись, стремиться куда-либо).

losstürzen – резко сорваться с места и помчаться куда-либо (от *stürzen, sich* – броситься, ринуться куда-либо).

Словообразовательная модель со значением «отделить, отсоединить что-либо способом, обозначенным основой глагола» (всего 5 единиц):

loskriegen – 1) отвязать, отсоединить; 2) додуматься, сообразить.

losmachen – 1) развязывать, отделять; 2) энергично приниматься за что-либо. 3) (*sich l.*) – освобождаться, выпутываться (от *machen* – делать).

losziehen – 1) вытягивать, растягивать; 2) распускать; 3) отправляться в путь; 4) обрушиваться, набрасываться на кого-либо, выступать против кого-либо; 5) направляться к кому-либо (от *ziehen* – 1) тянуть, тащить; 2) вытаскивать, выдергивать; 3) натягивать, наде-

вать; снимать; 4) растягивать; 5) медленно передвигаться, двигаться куда-либо, тянуться; 6) надвигаться).

losbekommen – 1) отвязать, отсоединить; 2) додуматься, сообщить.

losschicken – 1) посылать кого-либо куда-либо с поручением; 2) отсылать, высылать.

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *umher*-

Основным значением наречия *umher* является конкретное пространственное значение «движение или перемещение объекта во всех направлениях вокруг определенного места», при этом соответствующие пространственные семы могут быть выражены абстрактно, что свойственно также значению наречной частицы *umher*-. Наречная частица *umher*- в процессе образования разговорных глагольных единиц реализует, как правило, конкретное (*umherbummeln*, *umherreiten*, *umherkurven*, *umherziehen*) или абстрактное (*umhertoben*) значение «разнонаправленного движения или действия». Значительная метафоризация сем «разнонаправленность», «рассредоточенность» приводит к появлению в семантике наречной частицы *umher*- значений «бесцельность» и «бессмысленность» (*herumliegen*, *herumschleppen*, *herumstehen*), которые семантически сближают ее с наречной частицей *herum*-.

Словообразовательная модель со значением «совершать действие, обозначенное основой глагола, бесцельно, длительно, беспорядочно» (всего 15 единиц):

umhertigern – гулять, бесцельно бродить, блуждать (от *tigern* – (перен., разг.) идти куда-либо).

umherbummeln – шататься, прогуливаться без цели (от *bummeln* – шататься, прогуливаться без цели).

umherkurven – прогуливаться, кататься бесцельно, не спеша (от *kurven* – делать виражи при езде).

umherreiten – ездить верхом без цели, прогуливаясь (от *reiten* – ездить верхом).

umherkutschieren – 1) кататься бесцельно, не спеша; 2) возить, катать кого-либо (от *kutschieren* – 1) править лошаадьми; 2) ехать в экипаже).

umherliegen – 1) лежать вокруг чего-либо; 2) (пренебр.) валяться, лениться; 3) (пренебр.) валяться, быть разбросанным (от *liegen* – лежать).

umherreisen – много путешествовать (от *reisen* – путешествовать).

umherrutschen – скользить, ползать туда-сюда (от *rutschen* – скользить, ползать).

umhersitzen – сидеть, сложа руки (от *sitzen* – сидеть).

umherturnen – передвигаться разными способами: ползая, перебежками, вприпрыжку (от *turnen* – заниматься физкультурой).

umherstehen – 1) стоять без дела; 2) стоять на пути, мешаться (от *stehen* – стоять).

umherziehen – вести бродячий образ жизни, часто переезжать (от *ziehen* – (перен.) отправляться куда-либо, переезжать).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *voran*-

Основное значение наречия *voran* – «движение вперед или нахождение впереди, во главе чего-либо, кого-либо». Наречная частица *voran*- как компонент разговорных глагольных единиц имеет дирекциональное значение «движение вперед».

Словообразовательная модель со значением «двигаться вперед таким образом, как обозначено глагольной основой» (1 единица):

voranmachen – торопиться, спешить (от *machen* – делать).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *vorbei-*

Основное значение наречия *vorbei* – «движение или перемещение объекта мимо кого-либо, чего-либо». При переносе пространственных сем во временную сферу формируется значение «завершение какого-либо действия, процесса». Наречная частица *vorbei-* в процессе образования разговорных глагольных единиц реализует, как правило, конкретное (*sich vorbeidrücken*) или абстрактное (*vorbeidenken*) значение «движение мимо чего-либо, кого-либо».

Словообразовательная модель со значением «двигаться мимо определенного объекта или места таким образом или при таких условиях, как обозначено основой глагола» (всего 7 единиц):

vorbeibringen – отвезти, отнести кому-либо что-либо по дороге (*bringen* – приносить).

vorbeidrücken, sich – 1) незаметно проскользнуть мимо; 2) протиснуться мимо кого-либо в толпе, тесном помещении (от *drücken, sich* – (разг.) 1) прижиматься; 2) незаметно скрыться, улизнуть; 3) увиливать).

vorbeidürfen – иметь разрешение пройти, проехать мимо (от *dürfen* – иметь разрешение).

vorbeikönnen – иметь возможность пройти, проехать мимо (от *können* – иметь возможность).

vorbeilassen – пропускать, дать пройти кому-либо (от *lassen* – позволять, дать возможность).

vorbeimüssen – быть вынужденным пройти, проехать мимо (от *müssen* – быть вынужденным).

Семантический вариант структурной модели с наречной частицей *vorbei-*, имеющий существенные семантические отличия, базируется на метафорически преобразованных пространственных семах и может быть описан формулой **«неправильное или ошибочное выполнение действия, выраженного основой глагола»** (всего 3 единицы):

vorbeibenehmen, sich – вести себя развязно, невоспитанно (от *benehmen, sich* – вести себя).

vorbeigelingen – (шутл.) не удаваться (от *gelingen* – удаваться).
vorbeidenken – ошибаться в предположениях (от *denken* – думать).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *vorüber-*

Наречие *vorüber* имеет те же основные значения, что и синонимичное наречие *vorbei*: конкретное пространственное значение «движение или перемещение объекта мимо кого-либо, чего-либо» и темпоральное значение «завершение какого-либо действия или процесса». Наречная частица *vorüber-* в составе единственной отмеченной в выборке разговорной глагольной единицы реализует конкретное пространственное значение «движение мимо чего-либо / кого-либо».

Словообразовательная модель со значением «совершать или обеспечивать движение мимо какого-либо объекта или места таким образом или при таком условии, как обозначено основной глагола» (1 единица):

vorüberlassen – пропускать, дать пройти кому-либо (от *lassen* – позволять, дать возможность).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *vorwärts-*

Основное значение наречия *vorwärts* – «направленное движение или перемещение объекта вперед, к определенной цели». Появление производных значений связано с метафорическим преобразованием пространственных сем и формированием представления о поступательном движении как о развитии (*ein Fortschritt vorwärts*) или выполнении до конца какого-либо процесса (*ein Band vorwärts laufen lassen*). Наречная частица *vorwärts-* сохраняет в семантике указанные семы, реализуя в составе разговорной единицы *vorwärtsgehen* конкретное значение движения вперед и абстрактную сему развития.

Словообразовательная модель со значением «двигаться вперед к цели так, как обозначено основой глагола» (1 единица):

vorwärtsgehen – 1) идти вперед; 2) развиваться, становиться лучше (от *gehen* – идти).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *weg-*

Наречие *weg* имеет разговорную окраску. Основное значение наречия *weg* – «удаление от одного конкретного места к другому». Еще одно пространственное значение заключается в обозначении результата удаления объекта и факта его отсутствия на каком-либо определенном месте. Перенос метафоризированных пространственных сем в эмоциональную сферу формирует значение «восторженное состояние», пребывая в котором человек забывает, что находится в определенном месте (*ganz weg von der Aufführung sein*). Фамильярный оттенок имеет значение «умереть», в основе которого также лежит сема удаления. Наречная частица *weg-* имеет пространственное значение, при этом основной семой в значении наречной частицы *weg-* является сема «удаление», которая может иметь как конкретное, так и абстрактное выражения (*weglügen*).

Словообразовательная модель со значением «удалить что-либо с определенного места способом, который обозначен основой глагола» (всего 4 единицы):

weggraulen – прогнать кого-либо (от *graulen, sich* – (разг.) бояться).

weglügen – ложно отрицать что-либо (от *lügen* – врать).

weglassen – 1) отпускать; 2) опускать, пропускать (при чтении и т. п.); 3) не касаться чего-либо.

wegschmeißen – 1) выбрасывать, отбрасывать; 2) выбрасывать что-то старое, износившееся; 3) (*sich w.*) – унижаться, терять достоинство (от *schmeißen* – бросать, швырять; выбрасывать).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом *zurück-*

Основное значение наречия *zurück* – конкретное пространственное значение «движение или перемещение объекта в обратном направлении, по направлению к исходному пункту». Движение назад ассоциируется с положением позади кого-либо, что проявля-

ется в соответствующем пространственном значении (Seine Frau folge etwas weiter zurück). Сема движения в обратном направлении служит основой для переноса значения наречия во временную сферу, таким образом, в разговорной лексике у наречия zurück появляется лексико-семантический вариант «регресс, отставание в развитии, ухудшение ситуации».

Наречная частица zurück- в составе проанализированных глагольных единиц реализует пространственное значение «возвращение в исходный пункт». Основы мотивирующих глаголов сообщают семантике глагольной единицы конкретизирующий оттенок, тогда как основу предметного значения составляет значение приглагольной наречной частицы.

Словообразовательная модель со значением «переместиться или переместить что-либо в исходное место таким способом или при таких условиях, как обозначено основой глагола» (всего 7 единиц):

zurückhaben – получить что-либо обратно.

zurückkriegen – получить что-либо обратно.

zurückmüssen – 1) быть возвращенным обратно; 2) быть должным вернуться.

zurückdürfen – получить разрешение вернуться обратно.

zurückkönnen – иметь возможность вернуться обратно.

zurücksollen – быть должным вернуться обратно.

zurücktun – вернуть обратно на место (einen Schritt z. – сделать шаг назад).

Разговорные глагольные единицы с приглагольным компонентом zusammen-

Основное значение наречия zusammen – «совместное участие при выполнении действия». Базовые семы «объединение» и «увеличение» создают основу для дальнейшей метафоризации и развития значения наречия zusammen, приводя к появлению семантического варианта «увеличение количества, размера, суммы чего-либо». Зна-

чение наречной частицы *zusammen-* отличается большим разнообразием семантических оттенков при сохранении основного значения «соединение».

1. Кумулятивная словообразовательная модель (всего 16 единиц):

В основном разговорные глагольные единицы с компонентом *zusammen-* образуются по модели с кумулятивным оттенком значения, в которой приглагольный компонент указывает на совокупность, увеличение, сложение, накопление чего-либо. Кумулятивная словообразовательная модель имеет ряд модификаций, которые в определенной степени влияют на общий характер значения модели.

1. Значение первого семантического варианта рассматриваемой модели может быть описано синтагмой «собираться или собирать вместе что-либо способом, обозначенным основой глагола». Значение ряда глагольных единиц, образованных по этой модели, включает сему «восстановление» (*zusammenflicken*, *zusammenschustern*, *zusammenstoppeIn*, *zusammenzimmern*). Пренебрежительный оттенок таким глагольным единицам придают мотивирующие глаголы с соответствующей семантикой: *schustern*, *flicken* и т. п.

zusammenbrauen, sich – 1) (шутл.) готовить напиток из разных ингредиентов; 2) развиваться, разворачиваться (о чем-либо неприятном, пугающем, опасном) (от *brauen* – варить пиво).

zusammenflicken – 1) (пренебр.) починить, поправить что-либо по-дилетантски, непрофессионально, «подлатать»; 2) с трудом, не особенно тщательно составить, скомпоновать что-либо (от *flicken* – латать, штопать).

zusammenglucken – быть постоянно вместе, избегая общества других людей (от *glucken* – (разг.) быть постоянно вместе).

zusammenhaben – иметь что-либо собранным вместе, укомплектованным (о деньгах, участниках и т. п.).

zusammenkratzen – долго, кропотливо собирать что-либо (от *kratzen* – скрести).

zusammenläppern – постепенно собрать, скопить что-либо (от *es läppert sich* – (разг.) скапливаться, собираться, преумножаться).

zusammenschustern – (пренебр.) изготовить, сделать что-либо плохо, непрофессионально (от *schustern* – (разг., пренебр.) работать спустя рукава, небрежно).

zusammenstoppeeln – (пренебр.) составить, изготовить что-либо кое-как, непрофессионально (от *stoppeeln* – (перен., разг.) наладить кое-как).

zusammentrommeln – собрать вместе всех заинтересованных лиц (на собрание, обсуждение) (от *trommeln* – барабанить).

zusammentun – 1) принести, сложить в одно место, в одну кучу; 2. (*sich z.*) объединиться с кем-либо ради достижения цели.

zusammenzimmern – сделать, смастерить что-либо плохо, непрофессионально, спустя рукава (от *zimmern* – плотничать).

2. Во втором варианте количественно выраженного увеличения чего-либо не происходит, однако присутствуют абстрактные семы «совокупность» и «объединение». Сема объединения имплицитирует мысль о концентрации и единстве, появлении единой позиции, организованности, слаженности:

zusammengehören – 1) быть объединенным чем-либо; 2) создавать единство с кем-либо, чем-либо.

zusammenraufen, sich – найти некий компромисс после длительных споров и разногласий (от *raufen, sich* – 1) прорасти, пробиваться из земли; 2) бороться с кем-либо, с чем-либо).

zusammenreißen, sich – взять себя в руки, собраться (волевым усилием, энергично) (от *sich reißen* (им А.) – (разг.) стараться получить что-либо, добиваться чего-либо, биться за что-либо).

zusammenreimen, sich (D.) – 1) уяснить что-либо в результате длительных размышлений, рассуждений, опыта и т. п.; 2) *aus etw. z.* – получить объяснение, обоснование в чем-либо (от *reimen* – 1) рифмовать; 2) (*sich r.*) рифмоваться).

2. Аугментативная словообразовательная модель (всего 2 единицы):

Если семантика глагольной единицы практически полностью формируется за счет семантики мотивирующего глагола, то сема «совместность», привносимая приглагольной частицей, имеет, ско-

рее, прагматическое значение, указывая на компактность, интенсивность действия. Роль интенсификатора свойственна наречной частице *zusammen-* в составе единиц с общим значением падения, разрушения. Такой вариант рассматриваемой модели может быть выделен отдельно как аугментативный:

zusammenhauen – 1) разбить, расколотить, разгромить что-либо; 2) избить кого-либо; 3) смастерить, сделать что-либо как попало, неаккуратно (от *hauen* – рубить).

zusammensacken – 1) обрушиться, обвалиться; 2) переживать упадок сил, опуститься; 3) сломаться, сдаться, прекратить сопротивление (от *sacken* – 1) опускаться, падать; 2) проваливаться, погружаться (в землю, в воду), тонуть; 3) обвисать; 4) снижаться, идти на посадку) 5) (разг.) медленно ложиться, садиться, клониться).

Выводы по второй главе

Во второй главе были выявлены и систематизированы продуктивные модели образования разговорных глагольных единиц с участием приглагольных наречных частиц. Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы:

1. Значения, которые реализуют приглагольные наречные частицы в составе проанализированных разговорных глагольных единиц достаточно разнообразны и, в целом, коррелируют со значениями соответствующих им структурно и семантически предлогов и наречий. Основное значение, выражаемое большинством приглагольных частиц, – пространственное. Система дальнейших вариантов значения приглагольной частицы, как правило, формируется вокруг пространственного инварианта, существованием которого прямо или косвенно обусловлены все остальные лексико-семантические варианты. У некоторых наречных частиц выявляется несколько конкретных пространственных значений. Например,

2. Приглагольные частицы с пространственным значением, так же, как и аналогичные наречия, способны актуализировать в сознании носителей немецкого языка представления не только о положении

и перемещении в пространстве, но и о смежных явлениях, относящихся к другим понятийным областям. Этим объясняется наличие в семантических структурах многих приглагольных частиц как конкретных пространственных значений, но и абстрактных, метафоризированных значений, к которым относится в первую очередь, темпоральное значение. Эта способность приглагольных частиц объясняется лингвистически их обобщенной, абстрактной семантикой, а с другой стороны, (концептуально) тем, что система пространственных отношений служит образцом для отображения и упорядочивания целого ряда понятий, относящихся к другим системам, таким как «время», «эмоции, чувства, психические состояния», «приобретения и лишения» и так далее. Представления о сущностях, относящихся к разным понятийным системам, находят отражение в семантике приглагольных частиц.

3. Словообразовательный анализ глагольных единиц с приглагольными частицами предложного характера показал, что каждая модель, структурно представленная как сочетание приглагольного компонента и глагольной основы, выражается в нескольких семантических вариантах. Варианты словообразовательных моделей были выявлены путем сопоставления семантики производящих и производных основ и описаны в виде категоризирующих перифраз или семантических формул. Основанием для выделения семантического варианта модели являлось наличие в словообразовательной семантике ряда структурно идентичных единиц доминирующих сем, указывающих на особый характер действия, процесса либо состояния, выражаемого глагольной основой. Следует оговориться, что количество выявленных вариантов моделей является в некоторой степени условным, так как в некоторых случаях характеризующие семы ощущались как равнозначные, в связи с чем было затруднительно обозначить преобладающую сему. В этих случаях давались необходимые пояснения.

4. Разговорные глагольные единицы, образованные при участии наречных частиц, были классифицированы по 49 структурным

моделям. Всего было рассмотрено 58 семантических вариантов словообразовательных моделей, большинство из которых имеют пространственное значение, связанное с перемещением или нахождением объекта в пространстве, а также направленности обозначаемого основой мотивирующего глагола действия на объект с какой-либо стороны. Это обусловлено тем, что, как правило, наречные частицы реализуют только пространственное значение (конкретное или абстрактное). В результате метафорического переосмысления и значительного абстрагирования некоторые из рассмотренных компонентов получили способность выражать представления о времени или характере совершаемого действия, что оказывает соответствующее влияние на словообразовательное значение следующих моделей:

«herum- / (rum-) + глагольная основа» – темпоральное значение (продолжительное действие), аугментативное значение,

«herunter- + глагольная основа» – пространственное и аугментативное значения,

«hin- + глагольная основа» – пространственное и аугментативное значения,

«los- + глагольная основа» – пространственное и темпоральное (инхоативное) значения,

«umher- + глагольная основа» – темпоральное значение,

«daher- + глагольная основа» – аугментативное значение,

«daneben- + глагольная основа» – пространственное значение и негативно-аугментативное значение (ошибочное выполнение действия),

«daran- + глагольная основа» – аугментативное значение,

«dran- + глагольная основа» – аугментативное и темпоральное значения,

«drauflos- + глагольная основа» – аугментативное значение,

«fort- + глагольная основа» – темпоральное, пространственное значение,

«zusammen- + глагольная основа» – аугментативное, кумулятивное, пространственное значения.

5. В целом по данным общей выборки наиболее продуктивными являются модели образования разговорных глагольных единиц с пространственным значением (указание на перемещение в пространстве) и темпоральным значением (указание на протяжение действия во времени или начало действия). Для словообразования разговорных глагольных единиц с наречными частицами характерно также образование лексем по моделям с аугментативным значением, указывающим на количественное изменение признака («интенсивное выполнение действия, обозначенного основой глагола»).

6. Как показал проведенный анализ, наречные частицы, которые функционируют в словообразовании разговорной глагольной лексики немецкого языка, не имеют абсолютного семантического соответствия омонимичным наречиям. Их семантический потенциал в рамках разговорного словообразования ограничивается, как правило, пространственной семантикой.

Важно отметить, что, в отличие от приглагольных предложных частиц, частицы наречного характера, так же, как и соответствующие наречия, могут иметь разговорную окраску, которую они приобретают за счет редукции внешней формы. Это сложные наречные частицы с *da-* (*drauf-*, *draus-*, *drauflos-*, *drin-*, *drüber-*). Эта особенность позволяет им играть определяющую роль в формировании разговорной семантики глагольных единиц. Подобная возможность присутствует также у частиц предложного характера, однако, она реализуется непосредственно в процессе словообразования за счет актуализации скрытых сем (например, аугментативных). В таких случаях можно говорить о косвенном влиянии приглагольного компонента на формирование семантики разговорности, тогда как наречные частицы с явно выраженной разговорной окраской напрямую указывают на принадлежность единицы к разговорной сфере. Наиболее явно такая особенность указанных приглагольных частиц отмечается тогда, когда в качестве мотивирующих основ используются основы нейтральных глаголов, часто – с широкой семантикой. Так, в составе таких разговорных единиц, как *sich dranmachen*, *drandenken* или *drannehmen*, наречная частица *dran-* определяет раз-

говорную окраску всей глагольной конструкции, сообщая ей семы «интенсивность» и «активное начало действия».

Тем не менее основная причина появления разговорной окраски у глагольных единиц, образованных с участием таких компонентов, заключается в первую очередь в использовании основ разговорных глаголов. Стилистическая окраска глагольной единицы определяется основой глагола. Так, например, пейоративные семы заложены в семантике разговорного глагола *kleckern* – пачкать, пачкаться во время еды, есть неаккуратно – и придают глагольной единице *hinterherkleckern* пренебрежительную окраску.

Особого внимания заслуживает наречная частица *herum*-, так как разговорная лексика является основной сферой ее функционирования. Из 96 лексем, приведенных в словаре DUDEN, только 19 слов имеют нейтральный статус, остальные лексемы маркированы как разговорные.

Библиография ко второй главе

1. Девкин В.Д. Deutsch-Russisches Wörterbuch der umgangssprachlichen und saloppen Lexik [Электронный ресурс] / В.Д. Девкин. – Москва: Ozon.ru, 2002. – 408 с. – URL:

<http://umgangssprachlichen.academic.ru> (дата обращения: 12.05.2024).

2. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие / Е.А. Земская. – 6-е изд. – Москва: Флинта; Наука, 2009. – 328 с.

3. Карташова, П.Е., Ланских, Ю.В. Деноминативные глаголы антропонимического происхождения в немецком политическом дискурсе. Вестник ТвГУ. Серия: Филология (2). – 2023. – С. 119–126.

4. Первухина И.Ю. Продуктивные типы и модели современного словообразования (на материале нижегородской прессы конца XX – начала XXI века). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 24 с.

5. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка / М.Д. Степанова / под ред. Т.В. Строевой. – Изд-е 2-е, испр. – Москва: КомКнига, 2007. – 376 с.

6. Степанова М.Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке / М.Д. Степанова, В. Фляйшер. – Москва: Высшая школа, 1984. – 284 с.

7. Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики / М. Д. Степанова. – Москва: Высшая школа, 1968. – 196 с.

8. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И.С. Улуханов. – Москва, 1996. – 224 с.

9. Черепанова Н.Г. Комбинированное словообразование современного немецкого языка и его роль в образовании разговорной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Черепанова. – Москва, 2002. – 18 с.

10. Юшкова Л.А. Тенденции в словообразовании разговорной глагольной лексики современного немецкого языка: образование глагольных единиц с частицами предложного характера: Монография. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2016. – С. 212–229.

11. Юшкова Л.А. Количественный и качественный аспекты продуктивности моделей образования немецких разговорных глагольных единиц // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – Выпуск 1. (817) – 2019. – С. 383–394.

12. Baayen H. On frequency, transparency, and productivity / H. Baayen // Yearbook of morphology 1992, G. E. Booij und J. van Marle (Hrsg.). – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1993. – S. 181–208. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.sfs.uni-tuebingen.de/~hbaayen/publications/baayenYoM1993.pdf> (дата обращения: 12.06.2020).

13. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS): Zeit-Corpus. Projekt der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften (Цифровой словарь немецкого языка: Корпус статей

журнала Die Zeit. Проект Берлинско-Бранденбургской Академии наук) [Электронный ресурс]. – URL: <http://DWDS.de/>

14. DUDEN. Universalwörterbuch. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.DUDEN.de/>

15. Eichinger L.M. Deutsche Wortbildung: eine Einführung / L.M. Eichinger. – Tübingen: Günther Narr Verlag, 2000. – 269 S.

16. Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre / J. Erben. – 4, aktualisierte und ergänzte Auflage. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2000. – 191 S.

17. Eschenlohr S. Vom Nomen zum Verb: Konversion, Präfigierung und Rückbildung im Deutschen / S. Eschenlohr. – Hildesheim: Georg Olsen Verlag, 1999. – 261 S.

18. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – Tübingen: Niemeyer Verlag, 1992. – 382 S.

19. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu verarbeitete Auflage / W. Fleischer, I. Barz. – Tübingen: Walter de Gruyter, 2012. – 485 S.

20. Küpper H. PONS. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – Klett, Stuttgart, 1997. – 438 S.

21. Lohde M. Wortbildung des modernen Deutschen. Ein Lehr- und Übungsbuch / M. Lohde. – Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH, 2006. – 345 S.

22. Motsch W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen / W. Motsch. – 2., überarbeitete Auflage. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004. – 458 c.

23. Naumann B. Einführung in die Wortbildungslehre des Deutschen / B. Naumann. – Tübingen: Niemeyer, 2000 (germanistische Arbeitshefte 4). – 90 S.

24. Rainer F. Spanische Wortbildungslehre / F. Rainer. – Tübingen: Niemeyer, 1993. – S. 90–131.

25. Scherer C. Wortbildungswandel und Produktivität. Eine empirische Studie zur nominalen -er-Derivation im Deutschen / C. Scherer. – Tübingen: Niemeyer, 2005. – 216 S.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДИНАМИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

В данной главе анализируется воздействие общезыковых тенденций на словообразовательную систему современного немецкого языка, рассматриваются экстралингвистические факторы, которые способны оказывать влияние на ускорение или замедление этих тенденций, особенно в кризисные периоды существования общества. Исследование проведено на примере немецких лексем, появившихся в период пандемии COVID-19.

3.1. Экстралингвистические факторы общей динамики языка

Говоря об актуальном состоянии и перспективах развития любого языка, необходимо обратить внимание на социальные (политические, экономические, культурные и т. д.) исторические процессы. Несмотря на то, что их влияние не так очевидно и явно выражено, они должны рассматриваться наравне с общими языковыми тенденциями (например, языковой экономией), поскольку являются глубинными движущими причинами изменений в разных сферах, связанных с общественной деятельностью, в том числе в языке, и могут как стимулировать, так и ослаблять действие лингвистических факторов.

К числу таких актуальных факторов, воздействие которых на немецкий язык и общество значительно усилилось, начиная со второй половины XX века, относятся следующие [Bär, 2000: 12–27; Dorschel, Armendingler, 2019]:

1. Демократизация и взаимодействие различных социальных групп, которое выражается в усилении активности общественных движений и инициатив, общественной дискуссии и т. п. [Bär, 2000: 13–14]. В языке эти изменения в обществе и в сознании носителей немецкого языка отражаются в многообразии социальных языковых

вариантов, которые воспринимаются как равноправные, активно взаимодействуют друг с другом и усиливают свое влияние на литературный стандарт.

2. Глобализация, которая требует быстрого и доступного обмена информацией во всех сферах жизни, для чего требуется единство средств коммуникации. В результате возрастает роль английского языка, количество англоязычных заимствований, основ, а также гибридных новообразований в немецком языке постоянно увеличивается.

3. Возникновение Европейского союза, европейская интеграция. Связанные с этим процессы: миграция, массовый туризм, попытка создания мультикультурного общества в Германии способствовали усилению языкового многообразия, укреплению лингвокультурной идентичности, но также и межъязыковой интерференции, главным образом на содержательном уровне [Ibid.: 21].

Перечисленные выше процессы приводят к изменениям внутри литературного стандарта, подвижности ограничивающих его рамок и расширению понятия «языковая норма». Вплоть до начала ограничений, связанных с пандемией COVID-19, открытость и мобильность общества способствовали усилению взаимодействия и взаимовлияния различных языковых групп и вариантов. Перечисленные явления стимулировали процессы заимствования элементов как из других вариантов языка, так и из других языков. Следствием этого, в частности, являются расширение литературно-разговорного слоя и повышение проницаемости его границ.

4. К числу факторов, оказывающих особенно заметное влияние на динамику языка, следует отнести влияние средств массовой информации – как прямое, так и косвенное.

Непосредственное влияние на лингводинамику выражается в том, что СМИ традиционно выступают в роли «посредника» между литературным вариантом языка (а именно его литературно-разговорным пластом) и другими разновидностями языка, оказывая таким образом сильнейшее влияние на языковую норму. Очевидно, что язык СМИ находится под воздействием тех же факторов, что

и национальный язык в целом, но результаты этого воздействия более значительны и масштабны.

Опосредованное влияние СМИ на язык объясняется тем, что, по выражению М.Н. Володиной, «информируя человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня» [Володина, 2003]. Они формируют и изменяют языковые привычки и речевое поведение говорящих на этом языке людей, диктуют моду на те или иные средства выражения. В результате постоянно усиливающейся активности современных, в первую очередь электронных, средств массовой информации норма языка подвергается значительному давлению. Этому особенно способствуют следующие черты и свойства современных средств массовой информации [Там же]:

1) Количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации в СМИ (прежде всего в Интернете, в котором развиваются новые виды текста и диалогических форм). Новые типы текстов требуют использования определенного комплекса средств, обуславливающих их специфику и устанавливающих их норму;

2) Разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, свойственное современной речевой коммуникации, которое находит отражение в языковой действительности СМИ;

3) Демократизация публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации;

4) Следование речевой моде;

5) «Американизация» языка СМИ.

Вероятно, еще более значительное влияние на языковые процессы, особенности их протекания и результаты в настоящее время оказывают интерактивные медиа, прежде всего, социальные платформы – социальные сети, блоги, форумы, подкасты, в которых осуществляется общение представителей как одной, так и разных социальных групп. В процессе их взаимодействия, под влиянием специфических коммуникативных факторов формируется уникальный дискурсивный ландшафт социальных цифровых медиа и особое

коммуникативное пространство. Один из наиболее показательных примеров того, как коммуникация в социальных сетях воздействует на нормы языка и речевого поведения, – это тесное взаимодействие и смешение разновидностей языка. Следует, в частности, отметить факт сближения письменного и устного разговорного вариантов, которое приводит к «расширению функционального спектра письменного языка» [Storrer, 2014: 185]. Причина заключается в том, что письменная речь все активнее используется для обслуживания бытовой коммуникации и все настойчивей проникает в ту сферу общения, которая еще относительно недавно была занята преимущественно устной речью [Ibid.]. Вследствие этого, граница между периферийными вариантами языка и литературным стандартом становится еще более проницаемой.

5. Обращаясь к анализу динамики словарного состава немецкого языка в последние несколько лет, необходимо учитывать, помимо перечисленных выше факторов, существующую в Европе и в мире ситуацию многоаспектного кризиса, который выражается в таких процессах, как: пандемия COVID-19 и ее последствия, активные военные действия, экономические и политические кризисы.

Анализируя состояние современной цивилизации, условия существования общества, сложившиеся в разных сферах социального взаимодействия, социологи отмечают, что «... пересечение кризисных явлений различного характера, их комплексность еще больше повышают достаточно высокий уровень неопределенности в современном обществе и различных его сферах, усугубляют взаимозависимость и остроту их проявления, вызывая, таким образом, поликризис» [Шаповал, Рочняк, Бабаев, 2024].

Еще относительно недавно сравнительно спокойная и стабильная Германия сегодня также существует в кризисных и конфликтных условиях. Об этом свидетельствуют многочисленные опросы. Например, опрос, проведенный немецким «Фондом вопросов будущего» (Stiftung der Zukunftsfragen), созданным в рамках инициативы «Британско-Американской табачной компании», показал, что большая часть респондентов испытывает чувства страха и растущей неуверенности в будущем [So blicken die Deutschen auf das Jahr 2024 //

Stiftung der Zukunftsfragen]. Согласно данному опросу, это связано с глобальными кризисами, конфликтами, инфляцией и экономической нестабильностью, изменениями климата и стремительной цифровизацией [Ibid.].

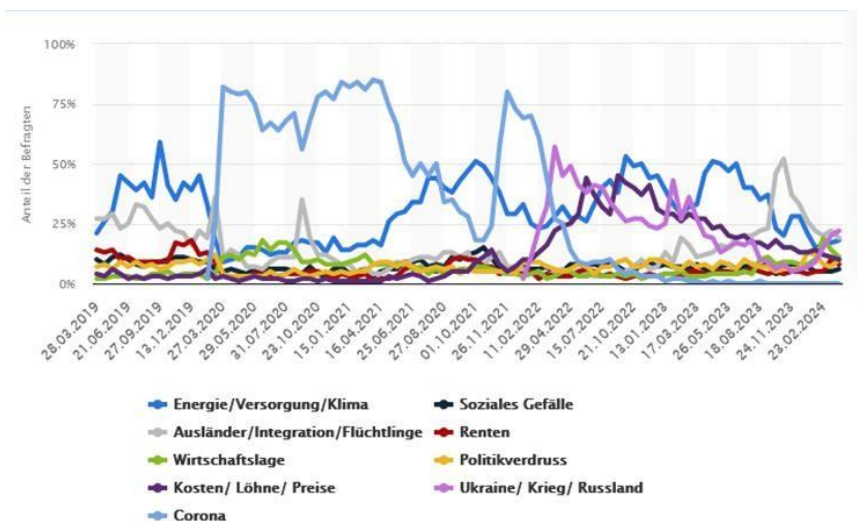

Рис. 1. График к опросу о наиболее важных проблемах в Германии в 2019–2024 гг. (Statista)

Еще один график (см. Рис.1), размещенный на авторитетном портале немецкой компании Statista, демонстрирует резкий рост озабоченности проблемами миграции и энергокризиса в 2023 году (59 % и 37 % соответственно в максимальной точке) [Umfrage zu den wichtigsten Problemen in Deutschland 2019-2024 // Statista 2024].

Метафорические заголовки в прессе („Die Welt im Dauerstress“ (Tagesschau, 2003); „Das Graue der Welt“ (Handelsblatt, 2003), „Ist die Welt aus den Fugen geraten?“ (Swissinfo, 2023), „Überall Kriege und Konflikte“ (Tagesspiegel, 2024) и многие другие) свидетельствуют о депрессивных, тревожных настроениях у наших современников в Германии, что не может не отражаться на языковой системе, которая

всегда очень чутко реагирует на эмоциональные изменения в обществе. Усиление динамической активности на разных уровнях системы языка всегда отмечается в кризисные периоды, поэтому стрессы в общественно-политической сфере, подобные тем, которые переживает Германия в последние несколько лет, служат активными катализаторами лингвокреативного потенциала носителей языка. Влияние существенных исторических и социальных факторов, особенно имеющих глобальный характер, стимулирует определенные языковые тенденции, к которым относятся следующие [Barz, 1988: 54–55; Entwicklungstendenzen in der Gegenwartssprache..., 1988: 48, 170–185; Motsch, 2004: 26–27; Юшкова, 2016: 40–41 и другие]:

- 1) Тенденция к генерализации и специализации словообразовательных средств и моделей;
- 2) Тенденция к экономии средств выражения;
- 3) Тенденция к интернационализации;
- 4) Экспрессивная (креативная) тенденция, разрушающая языковой автоматизм;
- 5) Тенденция к абстрагированию, метафоризации и идиоматизации;
- 6) Тенденция к регулярности, однотипности единиц языка и способам их образования;
- 7) Тенденция к демократизации.

3.2. Реализация общезыковых тенденций на уровне словообразования (на материале немецкой неологической лексики периода пандемии)

Наиболее заметную волну изменений в немецкой лексике за последнее время спровоцировали события, связанные с эпидемией коронавирусной инфекции. Большинство рассмотренных неологизмов и окказионализмов этого периода несут значимые «коннотативные смыслы глобальности» [Темиргазина, Лучик, 2020: 35], фиксируют как сами глобальные явления и связанные с ними события, процессы, состояния, так и отношение к ним со стороны коллектива носителей языка.

В практической части исследования на материале неологизмов периода пандемии коронавируса предпринимается попытка проследить, какие тенденции в развитии языка, его словообразовательной системы наиболее активно проявляют себя в условиях сложной, напряженной вплоть до критической ситуации.

Х. Лобин и другие германисты подчеркивают, что изменение привычного порядка жизни общества, появление альтернативных способов коммуникации и смещение социальных структур приводят к появлению новых языковых явлений, которые вряд ли могли бы появиться в отсутствии коронавирусной инфекции [Lobin, 2020; Balnat, 2020; Klosa-Kückelhaus, 2020, 2021; Möhrs, 2020a, 2020b, 2021; Zifonun, 2020; Kaczmarek, 2021; Krug, 2021, Bylцsevic, 2021]. Таким образом, интерес к данному лексическому пласту обусловлен его заметно и резко усилившейся динамикой.

Основным источником материала послужил Словарь неологизмов (Neologismenwörterbuch), размещенный на лексикографической платформе OWID (Das Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch), созданной Институтом немецкого языка им. Лейбница, а именно раздел „Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie“, который включает лексикон периода коронавирусной пандемии (далее – OWID). Кроме того, материал для анализа был получен методом сплошной выборки из немецких печатных и онлайн-публикаций, сообщений пользователей немецких веб-сайтов и социальных сетей.

Динамика словообразования в период коронавирусной пандемии выражается в активизации определенных словообразовательных моделей, их вариантов, ранее наметившихся тенденций. Действие вышеперечисленных факторов приводит к появлению большого количества новых лексем, имеющих разную структурно-семантическую специфику. Их анализ позволил выявить определенные тенденции в динамике немецкого языка:

1) *Генерализация словообразовательных средств и моделей* выражается в расширении функционала словообразовательного аффикса или основы, что, в свою очередь, увеличивает активность соответствующей словообразовательной модели.

Активность основы повышается в зависимости от того, насколько выражена прагматическая составляющая в его содержании. Чем больше эмоционально-оценочных и коннотативных признаков, связанных с конкретным референтом, закреплено в семантической структуре слова, тем выше его словообразовательный потенциал. Очевидно, что в период пандемии коронавируса именно существительное *Corona*, являющееся ключевой лексемой пандемийного дискурса, демонстрировало крайне высокую словообразовательную активность и сочетаемость с очень широким кругом основ, – независимо от их структуры (непроизводные, производные, сложные, усеченные), лексико-семантического значения (разговорные лексемы, термины, слова из разных тематических групп) или этимологии (эндогенные и экзогенные основы) [Юшкова, 2022b]: *Corona-Pandemie*, *Corona-Impfstoff*, *Corona-Infektion*, *Corona-Station*, *Corona-Debatte*, *Corona-Politik*, *Coronasession*, *Corona-Gipfel*, *Corona-Ticker*, *Corona-Bulletin*, *Corona-Scheck*, *Corona-Bonds*, *Corona-Prämie*, *Corona-Bußgeldkatalog*, *Corona-Ferien*, *Corona-School*, *Corona-Abitur*, *Corona-Schichtunterricht*, *Corona-App*, *Corona-Warn-App*, *Coronawarnplattform*, *Corona-Radweg*, *Corona-Angst*, *Corona-Wahnsinn*, *Corona-Panik* и так далее.

Настолько высокая активность и ярко выраженная тенденция к серийному употреблению объясняется семантической генерализацией существительного *Corona*, то есть расширением его семантики в сторону абстракции: от основного (разговорного) значения «вирус SARS-CoV-2» до метонимического «инфекция COVID-19» [OWID] и еще более широкого – «период пандемии коронавирусной инфекции и связанный с ней кризис» (Ibid.).

2) *Специализация словообразовательных средств* выражается, как можно предположить из рассмотренных примеров, в ограничении и конкретизации функциональных возможностей синонимичных аффиксов, которые, присоединяясь к одной и той же основе, по-разному модифицируют ее значение.

Наиболее показательным примером в «лексике пандемии» является специализация суффиксов *-isch* (*-arisch*, *-istisch*), *-mäßig*, *-al* (*-ar*),

-ös, -haft, -esk при добавлении к основе лексемы Corona. Производные прилагательные *coronisch*, *coronarisch*, *coronistisch*, *coronamäßig*, *coronal*, *coronar*, *coronös* являются синонимами по одному из лексико-семантических вариантов: «относящийся к периоду пандемии COVID-19, обусловленный или вызванный ей», однако в других ЛСВ имеют существенные отличия¹⁷, которые будут рассмотрены ниже [Юшкова, 2022а: 114–118].

Так, лексемы *coronig*, *coronamäßig*, *coronös* обладают синонимичным значением «соответствующий правилам и мерам, принятым во время пандемии».

Прилагательные *coronahaft*, *coronar* имеют синонимичное значение «схожий с условиями, существующими во время пандемии COVID-19», при этом сема «сходства признаков» выражена у прилагательного *coronahaft* сильнее, так как суффикс -haft специализируется на данном значении, например, „coronahafte Geisterstimmung“ (атмосфера, характерная для периода локдауна).

Прилагательное с заимствованным суффиксом -esk – *coronaesk* (*coronesk*) также имеет значение «удовлетворяющий предписаниям, которые следует соблюдать во время пандемии COVID-19», но, в отличие от других синонимов, он функционирует преимущественно в художественно-публицистических произведениях, чаще обнаруживается в публикациях на сайтах теле- и радиокompаний и блогах. Его частотность в целом заметно выше, чем прилагательного *coronahaft*.

¹⁷ Многие из рассмотренных прилагательных не зафиксированы ни в словарях общеупотребительной немецкой лексики, ни в специальном Словаре неологизмов коронавирусного периода OWID, но были отобраны методом сплошной выборки из публикаций в электронных версиях периодических изданий и в авторских блогах, а также статей, размещенных на сайте Общества немецкого языка (GfDS). Подробный анализ структурно-семантических особенностей немецкой адъективной «лексики пандемии» представлен в статье «"Chronisch coronisch": неологизмы с компонентом -CORONA- в немецкой адъективной лексике периода пандемии COVID-19» [Юшкова, 2022а].

Прилагательное *coronisch* имеет два ЛСВ: «1) относящийся к языку периода пандемии COVID-19; 2) относящийся к периоду пандемии COVID-19: обусловленный или вызванный ей, либо осуществляемый в условиях пандемии» [OWID].

У прилагательного *coronös* в словаре OWID отмечено три лексико-семантических варианта: «1) обусловленный пандемией вируса COVID-19 (возникший по ее причине); 2) соответствующий правилам и мерам, существующим во время эпидемии COVID-19 или приспособившийся к ним; 3) выступающий источником заражения вирусом SARS-CoV-2» [OWID].

Многозначным является также лексема *coronatäßig* – «1) соответствующий кризисной ситуации, сложившейся во время пандемии COVID-19; 2) соответствующий особым обстоятельствам, возникшим в период пандемии COVID-19; 3) удовлетворяющий гигиеническим требованиям, принятым в период пандемии» [OWID].

Прилагательные *coronal* и *coronar* совпадают по основному ЛСВ «относящийся к пандемии вируса SARS-CoV-2», однако *coronar* имеет еще одно значение: «сходный с условиями жизни во время пандемии».

Значение лексемы *coronig* может быть сформулировано как «относящийся к периоду пандемии COVID-19, происходящий в ее условиях».

Анализ актуальных употреблений прилагательного *coronarisches* позволил зафиксировать у него два узусных ЛСВ: «1) соответствующий условиям и мерам, существующим во время пандемии; 2) существующий во время пандемии коронавируса».

3) *Языковая экономия* обусловлена стремлением носителей языка передавать как можно больший объем информации, используя как можно меньше средств выражения, что выражается в выборе соответствующих словообразовательных конструкций и приводит, в частности, к росту продуктивности моделей основосложения, конверсии и разного рода сокращений. Сильное влияние этой тенденции на немецкую лексику отмечается уже очень давно, в частности В. Мотч отмечал, что количественное пополнение словарного

состава регулируется «принципом краткости» (*Knappheitsprinzip*) [Motsch, 2004: 26–27]. Однако, как показал анализ выборки, в рассматриваемый период наблюдалось резкое увеличение количества лексем, образованных по перечисленным выше моделям. В первую очередь пополнялся, разумеется, состав тематической группы «коронавирус».

Обращает на себя внимание наличие в выборке стяжений или, в терминологии В. Фляйшера, синтагматических или «фразовых» композитов-неологизмов [Fleischer, 2012: 175], например, *Auf-zu-auf-zu* – «периодическое открытие и закрытие школ и других общественных учреждений в соответствии с ужесточением и ослаблением мер противодействия распространению коронавирусной инфекции». Следует особо отметить, что большинство выявленных стяжений – это сложные слова, у которых в качестве первого компонента использована синтагма (сочетание существительного с предлогом). Например, были выявлены частотные лексемы с компонентами *nach*-, *vor*- и их греко-латинскими или англоязычными соответствиями: *Nach-Corona-Welt*, *Vor-Corona-Welt*, *Post-Corona-Zeit*, *Prä-Corona-Zeit*, *After-Corona-Body*, *Präcoronazän*, *Prä-Covid-Zeit*, *Post-Covid-Zeit*, *Post-Pandemie-Zeit* и другие. Появление и высокая употребительность этих лексем свидетельствуют о том, что периоды жизни до пандемии, во время пандемии и после нее получили четкое разграничение в сознании людей.

Стяжения с компонентом „anti-Corona“ обозначают либо протестные явления в социуме, возникающие вследствие недовольства жесткими мерами, вводимыми в связи с угрозой распространения инфекции (*Anticoronademo*, *Anticoronademonstrant*, *Anticoronademonstration*, *Anticoronaprotect*), либо, напротив, являются наименованиями процессов, направленных на защиту от заражения (*Anticoronakampf*, *Anticoronaschutzwall*, *Anti-Corona-Regeln*).

Высокой степенью экономичности обладают слова, образованные путем редукции плана выражения. В словообразовании периода пандемии такие модели реализовывались очень часто. Даже ключевая лексема этого времени – *Corona* – представляет собой со-

кращение до первого сегмента существительного Coronavirus. В составе многих сложносокращенных слов используется еще более краткий вариант усечения до инициальной буквы: *C-Krise* (*Coronakrise*) или *C-Wort* (*Coronawort*). Название вируса *COVID-19* также образовано путем аббревиации от английского *Corona Virus Disease*.

Редукции в процессе словосложения активно подвергались и другие существительные, например, *Coronademo* – «демонстрация против карантинных ограничений или обязательной вакцинации», *CovPass* – «официальный электронный документ, который посредством QR-кода подтверждает факт вакцинации против вируса SARS-CoV-2», *Coronasoli* – «специальные выплаты, которые направлены на возмещение расходов, понесенных в связи с пандемией COVID-19» [OWID] и так далее.

4) *Тенденция к интернационализации* также усиливается в период глобальных кризисов, общих для многих стран мира, и приводит к увеличению числа заимствованных производящих основ и гибридных композитов.

Экспрессивная тенденция на уровне словообразования выражается, во-первых, в активизации определенных вариантов продуктивных словообразовательных моделей, которые позволяют говорящему выразить оценочное отношение к происходящим событиям, подчеркнуть их значимость и масштабность и, таким образом, переработать стрессовую ситуацию эмоционально. Среди моделей образования глагольных единиц с приглагольными наречными частями для достижения этих прагматических целей чаще всего выбираются варианты моделей с аугментативной семантикой.

Под аугментативностью понимается способность номинации фиксировать более высокую степень выражения признака по отношению к нейтральному (базовому) уровню. По моделям с аугментативным значением образуются глагольные лексемы, которые указывают на большую интенсивность действия, более высокую скорость или особенную настойчивость при его выполнении в сочетании с широким охватом и т. п., что устанавливается в сравнении с нейтральными лексемами с синонимичным значением.

Аугментативные семы приобретают глагольные лексемы, образованные по соответствующим вариантам моделей: «herum- + глагольная основа», «daher- + глагольная основа», «dran- + глагольная основа», «drauf- + глагольная основа», «drauflos- + глагольная основа», «her- + глагольная основа», «daher- + глагольная основа», «herunter- + глагольная основа», «hin- + глагольная основа», «zusammen- + глагольная основа», «los- + глагольная основа». Как правило, эти компоненты добавляются к основам глаголов движения, так как семантически согласуются с ними. Однако в разговорной лексике часто используются основы глаголов со значением действий или процессов, не связанных с передвижением (как, например, в рассмотренных ниже примерах). В таких случаях пространственное значение превербального компонента метафоризируется, а аугментативная сема становится более выраженной.

Анализ глагольной лексики 2019–2021 гг. показал, что в этот период аугментативный потенциал чаще всего использовался моделью с наречной частицей *herum-*.

Значение компонента *herum-* может быть описано как «бесцельное, хаотичное, повторяющееся действие», и лежащие в его основе пейоративные эмоционально-оценочные семы создают предпосылки для формирования аугментативной семантики новообразованной глагольной единицы. Это особенно выражено в том случае, когда производящая основа также содержит отрицательные диспозиционные семы, обусловленные экстралингвистической ситуацией. В результате удвоения пейоративных сем, содержащихся в семантике приглагольного компонента и мотивирующей основы, негативные коннотации, связанные с обозначаемым референтом, усиливаются. В качестве примера можно привести лексему *rumcoronern* – «длительно находиться в условиях пандемии и связанных с ней ограничительных мер», в содержании которой определяющую роль играют семы «интенсивность», «утомительность» и «длительность» процесса, привносимые приглагольным компонентом *rum-*. В значении синонимичного глагола *coronern* эти семы отсутствуют.

В семантике глагольной единицы *herumcoronisieren* – «массово заражать коронавирусом» также присутствует интенсифицирующая сема «активное совершение действия», а также семы «хаотичность» и «длительность процесса», которые не отмечаются в значении синонимичного глагола *coronisieren*.

„Schöder wollte auf die Dunkelziffer hinaus, auf die latenten Infektionen, deren Träger als Spreader völlig frei umherlaufen und schön *herumcoronisieren*“ (Kommentare zur Nachricht „Was verstehen Sie unter infiziert?“ – Corona-Debatte im Sozialausschuss“. // Du bist Halle. 14.11.2020. URL: <https://dubisthalle.de/was-verstehen-sie-unter-infiziert-corona-debatte-im-sozialausschuss> (дата обращения: 15.05.2021)).

Относительно часто в источниках практического материала встречалась глагольная единица *herumimpfen* – «1) ставить прививки от коронавируса всем подряд, без разбора; 2) прививать (прививаться) слишком часто».

Данная единица уже существовала ранее в разговорной лексике немецкого языка и является семантическим неологизмом, поскольку перечисленные выше значения появились уже в период пандемии коронавируса.

Компонент *herum-* обеспечивает наличие в семантической структуре лексемы *herumimpfen* аугментативной семы «слишком активное выполнение действия», а также сем «беспорядочность, хаотичность» и «повторяемость». На базе этих сем формируется общая негативная оценка соответствующих действий.

Анализ контекстов подтверждает, что в рамках дискурса коронавирусной пандемии эта лексема имеет отрицательный оттенок и сниженную стилистическую окраску (ироничную или пренебрежительную):

„Man kann doch nicht nonstop planlos *herumimpfen*...“ (Kommentare zur Nachricht „Impfstoffanpassung. Moderna: Booster frühestens ab März verfügbar // Kleine Zeitung. 02.12.2021. URL: <https://goo.su/aHEG> (дата обращения: 24.07.2021)).

Другие модели с аугментативным потенциалом реализовывали его намного реже. В качестве еще одного примера можно привести лексему *losimpfen* со значением «начинать массовую вакцинацию от коронавирусной инфекции». Аугментативную сему «значительная активность действия» привносит приглагольное наречие *los-*. Так же, как и омонимичное наречие, этот приглагольный компонент имеет значение «немедленного выполнения какого-либо действия», а также содержит семы «внезапность», «начало действия», «активность» и «энергичность»:

„Viele rheinland-pfälzische Unternehmen wollen endlich *losimpfen*“ (Firmen in Rheinland-Pfalz wollen losimpfen // t-online URL: <https://goo.su/auSf> (дата обращения: 24.05.2021)).

Другой вариант использования эмотивных возможностей словообразования заключается в выборе эмоционально-окрашенных основ и аффиксов, которые приводят к появлению большей частью авторских, окказиональных, но очень ярких, эмоционально насыщенных единиц. В период коронавирусной пандемии количество и частота использования таких лексем увеличилась. Например, *Coronaer* и *Corönling* – «человек, зараженный вирусом SARS-CoV-2» [OWID], *Coronerei* – «информационный прессинг и (избыточные) ограничительные меры, связанные с распространением вируса SARS-CoV-2», *Corönchen* – иронично-фамильярный синоним к слову *Coronavirus*, *Coronials* – «поколение людей, чье рождение пришлось на период пандемии COVID-19 и карантина» [Weinert, 2021: 102], *Coronage* – «выставка картин, которая состоялась во время пандемии коронавируса» и так далее.

Тенденция к экспрессивности средств выражения стимулирует процессы креативного словообразования, активизирует реализацию нестандартных – паронимастических – словообразовательных моделей, основанных на сходстве внешних структур мотивирующих слов (или их частей) и переосмыслении их значения [Девкин, 1979: 72]. В результате появляются каламбурные производные единицы, имеющие высокую степень эмоциональности и выраженный экспрессивный потенциал. В «пандемийном дискурсе» новые лексемы, образованные по периферийным моделям, нередко с участием

заимствованных основ и аффиксов, представлены достаточно широко, что было отмечено многими авторами (Никитина, Гудкова, 2020; Нефедова, 2021; Москвитин, 2021).

Чаще всего в лексике рассматриваемого периода встречались гаплоглогические¹⁸ и контаминированные¹⁹ образования, например, *Covidiot* – «(пренебрежительно) человек, не соблюдающий меры защиты во время пандемии COVID-19», *Coronamur* – «любовные отношения, возникшие в условиях самоизоляции во время пандемии COVID-19», *Coronoia* – «сильный иррациональный страх заразиться вирусом SARS-CoV-2», *Corontăne* – «самоизоляция во время пандемии COVID-19, во время которой действуют ограничения на передвижение и социальные контакты», *Coronacation* – «поездка в отпуск, которая обходится очень дешево, благодаря скидкам и спецпредложениям, предлагаемым в связи с пандемией» и другие примеры.

5) *Тенденция к абстрагированию, метафоризации и идиоматизации* находит выражение в семантическом преобразовании основ, которое сопровождается словообразовательный процесс. В результате увеличивается число наименований с метафорически преобразованным компонентом, значение которых осложнено дополнительными семами, что значительно затрудняет понимание характера отношений между мотивирующими составляющими. Во многих случаях переосмысление в процессе словообразования затрагивает всю лексему целиком. У таких полностью идиоматичных производных единиц установление прямых семантических отношений между мотивирующими основами абсолютно невозможно, что связано с высокой степенью компрессии смысла.

¹⁸ При гаплоглогии два одинаково звучащих сегмента слов накладываются друг на друга, при этом ни один из компонентов не подвергается усечению

¹⁹ При контаминации часть одного мотивирующего слова вытесняет созвучную часть другого мотивирующего слова. При этом в отличие от гаплоглогии второй корень формально отсутствует, но участвует в «двойном осмыслении окказионализма» [Земская, 1992: 191–192].

Как правило, метафора сопровождается расширением значения, его сдвигом в сторону абстракции, это дополнительно затрудняет понимание значения слова, так как в таких случаях даже знание внеязыкового контекста не всегда помогает однозначно расшифровать характер связи наименования с конкретной понятийной областью. Например, *Coronadiktatur* – это не диктатура во время эпидемии вируса или вызванная эпидемией коронавируса, а фамильярное негативное обозначение политической системы, при которой введены чрезмерные меры по предупреждению распространения пандемии Covid-19 [OWID]. Другие примеры: *Draußentag* – «период времени, когда все мероприятия в учебных заведениях проходят на улице, где возможность заражения ниже», *Einkaufsheld* – «лицо, которое совершает покупки в супермаркетах для других, обычно пожилых людей или инвалидов, которые соблюдают карантин», *Gästeliste* – «список личных данных, которые необходимо предоставить при посещении общественных учреждений и мероприятий для возможности последующего установления цепочки инфицированных коронавирусом» [OWID] и так далее.

Во многих случаях сложные слова с семантически преобразованным компонентом становятся многозначными, поскольку образность и семантическая неопределенность, свойственные метафоре, позволяют соотносить номинацию с разными референтами, содержательно более конкретными и обладающими схожими признаками (часто субъективными) с абстрактным прототипом. Например, лексема *Coronafalle* имеет три значения: «1) какое-либо место или мероприятие, где можно легко заразиться вирусом SARS-CoV-2; 2) период экономического кризиса, обусловленный пандемией COVID-19; 3) мошенническая уловка, при помощи которой преступники, используя электронные или SMS-сообщения, телефонные звонки или при личном посещении, ссылаясь на особые обстоятельства, связанные с пандемией COVID-19, пытаются вымогать деньги у пострадавших» [OWID]. Семантические отношения между мотивирующими компонентами этого слова могут быть описаны по-разному: 1) «что-либо, предназначенное для того, что выражено детерминативной основой («ло-

вушка для коронавируса»)); 2) «то, что выражено детерминативной основой, служит причиной чего-либо («ловушка, возникшая по вине коронавируса»)), при этом оба описания лишь приблизительно отражают суть отношений между производящими основами.

Метафоризированные компоненты сложных слов, которые, благодаря метафорическому образу, получили более высокую степень абстракции и множественную референциальную отнесенность, улучшают свои валентностные возможности и становятся более активными в качестве мотивирующих основ. Так, компонент *-geist-* активно участвует в словосложении в качестве первого компонента, при этом на первый план в его содержании выносятся сема «виртуальности», на которой базируется метафорический перенос: *Geistersitzung* – «заседание или собрание, большинство участников которого (или все участники) присутствуют онлайн», *Geistergastronomie* (*Geisterrestaurant*) – «ресторан, кафе или другое заведение общественного питания, которое организует доставку блюд своим клиентам на дом» и так далее.

б) *Стремление к регулярности и однотипности* способов образования единиц языка находит выражение в том, что предпочтение отдается отдельным моделям и аффиксам, активность которых заметно растет.

Так, например, анализ адъективной лексики периода пандемии показал, что намного более многочисленными и частотными, чем сложные прилагательные, являются лексемы с неполнозначной основой в качестве второго компонента. Максимальной частотностью обладают лексемы *coronafähig*, *coronagerecht*, *coronafrei*, *coronasicher*. Предпочтение, которое получили данные модели, и высокая употребительность образованных по ним лексем объясняются тем, что по этим моделям образуются прилагательные, указывающие на важные, глобально значимые характеристики обозначаемых явлений и сущностей, например, *coronafrei* – «1) не инфицированный COVID-19; 2) не посещающий уроки, тренировки или другие мероприятия по причине карантина; 3) свободный от ограничений,

связанных с коронавирусной инфекцией (о территории, учреждении и т. п.)» [OWID].

7) *Тенденция к демократизации* понимается как утрата литературным языком жестких норм и его взаимодействие с субстандартом. Отдельно следует подчеркнуть роль письменного разговорного языка в социальных сетях, блогах, чатах, способствующих принятию в разговорную лексику неологизмов или элементов из других лексических пластов в результате их активного употребления.

3.3. Структурно-семантические особенности разговорных глагольных лексем в немецкой лексике периода пандемии²⁰

Глагольные лексемы, возникшие в период коронавирусного кризиса, заслуживают отдельного рассмотрения, прежде всего потому, что анализ их словообразовательной структуры и семантики дает возможность оценить актуальные особенности и возможности немецкого глагольного словообразования, выявить скрытые возможности словообразовательных средств и моделей, которые остаются нейтральными в «стабильные» периоды, не предполагающие интенсивных изменений в языке, но получают заметную активность в нестандартных ситуациях, в условиях, когда потребность в создании новых единиц резко увеличивается.

Выявленные глагольные единицы имеют окказиональный характер, неформальную сферу функционирования, разговорную окраску и не зафиксированы в словарях, включая Словарь неологизмов Института немецкого языка, и свободных лексикографических онлайн-ресурсах (Wiktionary, Mundmische). С целью изучения и уточнения содержательной стороны глагольных лексем использовались методы: компонентного анализа, словарных дефиниций, контекстуального анализа, трансформационного анализа. Для оценки частотности употребления глагольных лексем использовался метод анализа контекстов, представленных в корпусе поисковой системы Google.

²⁰ Подробный анализ неологической глагольной лексики периода пандемии представлен в статье: [Юшкова, 2021].

3.3.1. Аффиксальные глаголы с компонентом Corona

Большинство глаголов, возникших в период коронавирусной пандемии, образовано от основы слова Corona.

Исходя из традиций немецкого словообразования, следует предположить, что в данном пласте лексики действуют те же закономерности, что и в немецкой лексике в целом. В соответствии с общей закономерностью, в образовании глагольных лексем от иноязычных основ ведущую роль играют привычные автохтонные модели [Barz, 2008: 52], основное место среди них в немецком языке занимает префиксация. Одна из ведущих тенденций глагольного словообразования в диахронии заключается в ослаблении активности суффиксальных моделей и уменьшений глагольных суффиксов наряду с расширением возможностей префиксальной деривации [Fleischer, 2012: 428]. Однако вопреки указанной тенденции в выборке не встретилось ни одного приставочного глагола. В то же время можно с уверенностью констатировать, что при образовании глаголов, мотивированных словом Corona, регулярно использовались малоактивные в немецком глагольном словообразовании суффиксальные модели. Всего было выявлено пять суффиксальных глаголов, образованных от основы -corona-: *coronieren*, *coronisieren*, полный вариант *coronarisieren*, *coronifizieren*, *coronern*, которые были проанализированы с точки зрения их словообразовательной и лексической семантики [Юшкова, 2021].

По данным Словаря неологизмов OWID.de, глаголы *coronieren*, *coronisieren* и *coronifizieren* синонимичны по основному значению: «приспособить что-либо к условиям периода пандемии коронавируса, вводить ограничения в связи с эпидемией коронавируса» [OWID].

В. Фляйшер отмечает, что факты параллельного функционирования глаголов с одной производящей основой и с суффиксами -isier(en) и -ifizier(en) в немецкой лексике крайне редки, и в этом случае наблюдается разграничение семантики двух глаголов [Fleischer, 2012: 432]. Словарь неологизмов OWID.de также зафиксировал разницу в семантических структурах этих единиц и отметил у гла-

гола *coronifizieren* еще одно значение: «заразиться вирусом SARS-CoV-2», которое образовано по аналогии с глаголом *infizieren*:

„Aufgrund der aktuellen Gesundheitslage wird der Ditzinger Lebenslauf in diesem Jahr in einer *coronifizierten* Form stattfinden. Sei auch Du dabei und lauf mit ums Leben 2.0 – keine Spenden sind keine Option. Sammle Meter für den Mukoviszidose e. V., wandle sie in Spenden um und tu etwas Gutes!“ (www.ditzinger-lebenslauf.de (дата обращения: 21.01.2021)).

Что касается глагола *coronieren*, то проанализированные примеры показывают, что семантика этого глагола шире, чем у двух других. В некоторых научно-популярных статьях и блогах помимо основного значения этот глагол употребляется и в других лексико-семантических вариантах: «заражаться коронавирусом», «разговаривать о коронавирусе» [Sprichst du Coronisch?]:

„Darum lasst Euch nicht *coronieren*. Weihnacht steht vor den Türen, zündet am Baum die Kerzen, öffnet die Herzen und seit befreit in einer schönen stillen Zeit“ Weihnachts- und Neujahrsgruß 2020“ (Drei-Gleichen-Bote. 3. Jahrgang. №12: 19).

“Wir *coronieren* mit anderen übers Virus“ (Wollenschläger K. Ein Quarantini für Goethe. Main-Echo. URL: <https://goo.su/6ZBp> (дата обращения: 10.08.2021)).

Разница наблюдается также в частоте употребления трех глаголов. По данным поисковой системы Google, чаще всего употребляется глагол *coronieren* (46 упоминаний по сведениям поисковой системы Google на немецких страницах за 2021 год). Можно предположить, что его преимущество по частоте употребления в некоторой степени обусловлено существованием омонимичного глагола со значением «короновать», заимствованного в средневерхненемецкий период из латинского языка (lat. *coronare*) [Moulin, 2020: 271].

Несмотря на высокую встречаемость глагола *coronisieren* (36 упоминаний), можно утверждать, что его употребительность в личных формах ограничена: большую часть употреблений этого глагола составляет форма Partizip II в функции предикатива или атрибута (*coronisierte Gesellschaft*). Несколько реже употребляется вариант

coronarisieren (при помощи поисковой системы Google было обнаружено 26 контекстуальных употреблений этой единицы). Анализ контекстов показывает, что этот глагол употребляется в двух узких вариантах: «закрыться (быть закрытым) на карантин в связи с эпидемией коронавирусной инфекции» и «быть отмененным в связи с эпидемией коронавирусной инфекции»:

„Das äs zwar jammerschade, dass de Winnochtsmärkte *coronarsiert* wurden, awwer das sutte uns nich abhole, sellewer fär Advents-schtimmung ze sorje“ (Wieän?! Stadtansichten. Nordhausen. URL: <https://goo.su/6ZbQ> (дата обращения: 15.08.2021)).

Меньшую степень частотности демонстрирует глагол *coronern*²¹ (15 примеров употреблений в контекстах в системе Google). Он имеет в Словаре неологизмов OWID.de два значения: «1) (чаще устно) встречаться во время пандемии COVID-19 на улице, площади или недалеко от открытых по ночам киосков, заправочных станций и т. п. для распития спиртных напитков, соблюдая при этом все предписанные меры защиты от распространения инфекции; 2) заразить кого-либо коронавирусом». Анализ примеров в корпусе системы Google не выявил случаев употребления этой единицы в первом значении. Чаще всего она используется в безличной форме (*es coronert*) в значении «наступили дни пандемии и связанных с ней ограничений» по аналогии с „*es weihnachtet*“, „*es herbstet*“:

„Es *coronert* in der Welt“ (Tripadvisor. URL: <https://goo.su/6ZBq> (дата обращения: 15.08.2021)).

Было обнаружено несколько контекстов, где лексема *coronern* использована в значении «устанавливать ограничительные меры, препятствующие распространению инфекции COVID-19»:

²¹ Было обнаружено, что при образовании лексемы *coronern* имел место достаточно редко реализующийся комбинированный способ словообразования, при котором конверсия именной основы сопровождается добавлением вербализующего суффикса. В работах отечественных исследователей подобные случаи считаются реализациями комбинированной словообразовательной модели [Степанова, 2007: 325; Улуханов, 1996: 59]. Немецкие германисты рассматривают эту модель как аффиксальную (морфемно маркированную) конверсию [Lohde, 2006: 48; Stiebels, 2006: 29].

„Spanien und Kroatien werden momentan wieder arg *coronert*“ (Unterberger A. Die tapferen Bürger von Belarus und die Feigen von Europa. URL: <https://goo.su/6zbr> (дата обращения: 10.08.2021)).

При анализе контекстов встретились также единичные примеры актуальных употреблений глагола *coronern* в других ситуативных значениях, например, в значении «сделать большие запасы чего-либо на период карантина»:

„Zum Glück war vor zwei Wochen der Bringdienst da und hat drei Pakete A10 Rollen gebracht ich habe also nicht *coronert* sondern einfach nur eingekauft und bin ganz tiefenentspannt Habt ihr also genug toilettenpapier *coronert*“ (Hast du genug? Christ sucht Christ. URL: <https://goo.su/6ZBR> (дата обращения: 15.08.2021)).

Глагол *coronifizieren* встречается реже всего. В массиве текстов поисковой системы Google было отмечено всего 6 контекстов с участием этой лексемы. Так же, как и в случае с глаголом *coronisieren*, в основном встречается форма причастия этого глагола в атрибутивной функции (*coronifizierte Gesellschaft*, *coronifizierter Alltag*). Меньшая частотность глагола *coronifizieren* может объясняться нетипичностью его словообразовательной структуры, так как вариант суффикса *-ifizier(en)* обычно употребляется при связанных производящих основах и гораздо реже при основах заимствованных существительных [Словарь словообразовательных элементов немецкого языка, 1979].

3.3.2. Глагольные единицы с приглагольными частицами с компонентом *Corona*

Рассмотренные в предыдущем параграфе суффиксальные глаголы участвуют в дальнейшем словообразовании в качестве производящих основ, вступая в сочетания с приглагольными частицами предложного и наречного характера: *ab-*, *an-*, *aus-*, *durch-*, *herum-*, *mit-*, *weg-*, *zurück-*.

В выборке встретились следующие глагольные единицы:

auscoronieren – «отменить изоляцию, введенную в качестве меры борьбы с распространением вируса SARS-CoV-2»:

„Wer mir trotzdem noch was Gutes tun will, der kann mir auch beim nächsten Stammtisch (wenn wir mal *auscoroniert* sind) ein Bier ausgeben (Forum DDR Grenze. Das Buch "Die schwarze Kompanie" aus Lesersicht. 04.12.2020 17:30. URL: <https://goo.su/6Zd4> (дата обращения: 15.08.2021)).

ancoronieren – «заражать коронавирусом»:

„Lass dich in deinen ÖFFIS nicht an Husten und *ancoronieren*! ;)" (politik-sind-wir.net. URL: <https://www.politik-sind-wir.net/archive/index.php/t-33497-p-45.html> (дата обращения: 21.01.2022)).

abcoronieren – «отправлять на карантин»:

„Wurde heute abcoroniert ...“ (Lumière. 29.10.2020. URL: <https://www.lumiere-forum.de/t24027f37-Wilhelma-Christmas-Garden.html> (дата обращения: 20.01.2022)).

mitcoronieren – «находиться на изоляции вместе с членом семьи, который заболел коронавирусом»:

„Papa musste *mitcoronieren*. Solange der Spendenrubel rollt“ (Blog frivoleshaus. URL: <https://frivoleshaus.wordpress.com/author/frivoleshaus/> (дата обращения: 12.05.2021)).

durchcoronieren – «заразиться коронавирусом (всем вместе)»:

„Wenn ich den Wert auf 0,25 setze, sind wir erst bei Woche 30 alle *durchcoroniert*. Das dürfte eher hinkommen“ (Das Fußballforum von Fans für Fans. URL: <https://goo.su/6ZbO> (дата обращения: 15.08.2021.)).

„Ihr Mann war infiziert nebenbei, sie eigentlich in Quarantäne, der Prof war schon früher *durchcoroniert*“ (Kommentar zu britischem Heuchelprof Ferguson // Klartext! 05.2020. URL: <https://frivoleshaus.wordpress.com/zahlen-und-grafiken-corona-deutschland/kommentar-zu-britischem-heuchelprof-ferguson/> (дата обращения: 20.01.2022)).

wegcoronieren – «отправить заболевшего коронавирусной инфекцией на изоляцию»:

„Natürlich kommen auch Sachen dazu, weil andere Stellen sich *wegcoroniert* haben, aber das hält sich in Grenzen“ (Forum-Betreuung.de.

URL: <https://www.forum-betreuung.de/situation-betreuer-innen/17472-corona-betreuer-erkrankt-2.html> (дата обращения: 20.01.2022)).

zurückcoronieren – был зафиксирован только один контекст, содержащий данную лексему, в котором она употреблена в значении «отбрасывать назад, возвращать к тому, что было раньше:

“Die Freiheit der erfolgreichen Erwerbstätigkeiten wird *zurückcoroniert* auf Adam Smith und den Tauschhandel überlebensfähiger Einzelauftragnehmer und der korrespondierenden Einzelauftraggeber, auch ohne Währung nur durch Übereignen der Gegenstände zum Leben“ (Blog beyond the obvious. URL: <https://think-beyondtheobvious.com/stelters-lektuere/wohltuender-apell-fuer-die-wirtschaftliche-freiheit/> (дата обращения: 20.01.2022)).

Лексема *coronern* менее активно участвует в образовании новых глагольных единиц, чем *coronieren*. Количество приглагольных компонентов, с которыми она вступает в сочетания, невелико: это компоненты *ab-*, *aus-*, *herum-*, *weg-*, *zurück-*.

При этом лексемы *sich auscoronern*, *wegcoronern* и *zurückcoronern* были отмечены поисковой системой Google по одному разу:

auscoronern, *sich* – «перестать соблюдать меры изоляции, введенные в связи с распространением коронавирусной инфекции»:

Относительно заметную активность демонстрируют только компоненты *weg-* и *rum-* (по 4 единицы, выявленные поисковой системой):

rumcoronern – «существовать длительное время в утомительных условиях пандемии и ограничительных мер». Компонент *rum-* привносит в общую семантику слова интенсифицирующие семы «бесцельность, безрезультатность» и «продолжительность» совершения действия.

wegcoronern – «отменить какое-либо мероприятие в связи с карантинными мерами, предпринимаемыми для борьбы с распространением коронавируса»):

„Viele Dinge fanden nicht statt; „wegcoronert““ (Aus dem Jugendamt // Jugendamt aktuell. 04/2020. URL: [https://www. Berlin.de](https://www.Berlin.de) (дата обращения: 20.01.2022)).

Наибольшая частота употребления была отмечена у глагольных единиц, образованных от основы глагола *coronisieren*, в сочетании с предложными частицами *aus-*, *weg-*, *durch-*, *herum*.

Сфера функционирования этих лексем (а также других глагольных единиц, рассматриваемых в данном параграфе) практически полностью ограничивалась социальными сетями и (реже) персональными блогами:

auscoronisieren, (*sich*) – «1) переждать что-либо, находясь в изоляции; 2) отмениться, быть отмененным в связи с локдауном и изоляцией».

wegcoronisieren – «исчезнуть из информационного пространства, из повседневной жизни из-за излишней концентрации на событиях, связанных с вирусом SARS-CoV-2»:

„Man sollte sich seinen Espresso oder sonstige Kaffeezubereitungen nicht *wegcoronisieren* lassen. Und damit bin ich hier in F. nicht allein“ (slashCAMforum. News-Commentare Forum. 07.05.2020. URL: <https://www.slashcam.de/forum/viewtopic.php?t=149161> (дата обращения: 15.08.2021)).

При наличии в языке синонимичных глагольных единиц с более «привычными», давно используемыми основами – исконно немецкими либо давно ассимилированными – они имели заметно большую употребительность, нежели лексема с основой „*coronisieren*“. Например, единицы *heruminfizieren* / *durchinfizieren* встречались чаще, чем *herumcoronisieren* – «распространять коронавирусную инфекцию»:

„Die Kinder sollen sich offenbar *durchinfizieren*“ (OWID)

„Schöder wollte auf die Dunkelziffer hinaus, auf die latenten Infektionen, deren Träger als Spreader völlig frei umherlaufen und schön

herumcoronisieren“ (Kommentare zur Nachricht „Was verstehen Sie unter infiziert? – Corona-Debatte im Sozialausschuss“. 14.11.2020. Du bist Halle. URL: <https://goo.su/6zd5> (дата обращения: 15.05.2021)).

durchcoronisieren – «полностью подчинить повседневную жизнь людей борьбе с коронавирусной инфекцией»:

„Völlig *durchcoronisiert* zeterten sie mal wieder mit ganz wenig Ahnung bei ganz viel Meinung über die Schüler, die mal besser in die Schule ...“ (diario-trollo. URL: <http://www.thomas-langens.de/diario/202004.html> (дата обращения: 27.01.2022)).

Относительно высокую частотность имеет глагольная единица *wegcoronisieren*, которая встретилась в 10 контекстах корпуса Google, тогда как единицы *herumcoronisieren* и *durchcoronisieren* встретились по одному разу.

То обстоятельство, что примеры глагольных единиц с производящими основами глаголов *coronieren*, *coronern*, *coronisieren* носят единичный характер, объясняется несколькими причинами [Юшкова, 2021: 244]:

1) Действием правила этимологической сочетаемости компонентов новообразования, согласно которому экзогенные компоненты менее активно сочетаются с эндогенными;

2) ограниченностью понятийного ряда действий и состояний, связанных с ситуацией заражения и заболевания коронавирусом;

3) недостаточной освоенностью глагола *coronern* немецким языком, вследствие чего его словообразовательный потенциал не может раскрыться.

Глагол *coronifizieren* не участвует в образовании глагольных единиц с приглагольными частицами. Основной причиной может служить невысокая употребительность этого глагола по сравнению с другими синонимами. Кроме того, при выборе производящей основы предпочтение оказывается синонимам с более кратким фонемным и морфемным составом.

Выводы по третьей главе

Таким образом, лингвистическая креативность в кризисные периоды истории общества мотивируется двумя основными причинами:

появлением новых денотатов и потребностью в новых экспрессивных средствах выражения, позволяющих выразить свое восприятие изменившейся действительности.

Важно обратить внимание на те случаи, когда глагольные единицы с разными превербами образуются от одной основы, как это произошло с основой –согопа-. Как подчеркивает И. Барц, обозначающее действие в таких случаях уточняется или интенсифицируется [Barz, 2008: 52], и это указывает как на распространенность обозначаемых действий в реальной действительности, так и на адаптацию соответствующих номинаций в лексической системе языка. Благодаря уточняющей функции превербальных компонентов – предложных и наречных частиц – обозначаемое действие получает необходимые уточняющие характеристики, рассматривается с разных сторон. Таким образом, появляется возможность обозначить те стороны какого-либо процесса или действия, которые имеют наибольшую значимость для носителей языка, в наибольшей степени определяют окружающую их действительность. Их значение отражает то, как носители немецкого языка воспринимают сложившуюся ситуацию.

Исследование показало, что, несмотря на активность суффиксального словопроизводства в образовании глагольных лексем с компонентом *Согопа* в немецком языке, модели образования глагольных единиц с приглагольными наречными и предложными частицами оказались наиболее востребованными. В образовании таких единиц принимают участие основы глаголов *coronieren*, *coronern*, *coronisieren* и превербы *ab-*, *an-*, *aus-*, *durch-*, *herum-* (*-rum*), *mit-*, *weg-*, *zurück-*. Более активно в образовании глагольных единиц участвует глагол *coronieren*: глагольные единицы с его участием имеют также большую употребительность, нежели остальные. Все выявленные глагольные единицы имеют разговорную окраску, низкую частотность и функционируют исключительно в неформальной коммуникации. Все примеры были обнаружены в онлайн-источниках с определенной спецификой – блогах, форумах, социальных сетях, комментариях к статьям и новостным сообщениям в онлайн-изданиях.

Подводя итог, подчеркнем еще раз, что, находясь в непрерывном контакте с лингвистической ситуацией, социокультурный контекст способен оказывать на нее значительное влияние. Любые серьезные изменения в жизни общества, новые впечатления и опыт заставляют людей выходить из «зоны комфорта», стимулируя их инновационную активность, в том числе, лингвистическую.

Библиография к третьей главе

1. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание [Электронный ресурс] // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие / отв. ред. М.Н. Володина. – Москва: Изд-во МГУ, 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/01.htm> (дата обращения: 12.11.2023).

2. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – Москва: Междунар. отношения, 1979. – 254 с.

3. Москвитин Е.В. Немецкие неологизмы в период пандемии коронавируса SARS-COV-2 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskie-neologizmy-v-period-pandemii-koronavirusa-sars-cov-2> (дата обращения: 25.05.2025).

4. Нефедова Л.А. Активные процессы в лексике немецкого языка 2020-2021 гг. // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2021. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnye-protsessy-v-leksike-nemetskogo-yazyka-2020-2021-gg> (дата обращения: 25.05.2025).

5. Никитина О.А., Гудкова О.А. Контаминация как проявление игрового словотворчества в дискурсе о пандемии COVID-19 (на материале новообразований немецкого языка) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 4 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontaminatsiya-kak-proyavlenie-igrovogo-slovotvorchestva-v-diskurse-o-pandemii-covid-19-na-materiale-novoobrazovaniy-nemetskogo> (дата обращения: 25.05.2025).

6. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / Под ред. М.Д. Степановой. – М.: «Русский язык», 1979. – 536 с.

7. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. – Москва: КомКнига, 2007. – 374 с.

8. Темиргазина З.Ф., Лучик М. Семиотика «пандемического» дискурса: «новояз» эпохи карантина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 6(1). – С. 30–38. DOI 10.20339/PhS.6-20.030.

9. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – Москва, 1996. – 221 с.

10. Шаповал В.М., Рочняк Е.В., Бабаев Б.С. Глобальные вызовы современности и их влияние на экономику стран и народов мира [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – №4 (76). URL: <https://eee-region.ru/article/7655/> (дата обращения: 24.09.2024).

11. Юшкова Л.А. «Chronisch coronisch»: неологизмы с компонентом -CORONA- в немецкой адъективной лексике периода пандемии COVID-19 // Язык и культура. – 2022а. – № 59. – С. 110–129.

12. Юшкова Л.А. Новые глагольные лексемы словообразовательного гнезда с вершиной “Corona” в немецкой лексике периода пандемии: структурно-семантический анализ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 4. – С. 238–248.

13. Юшкова Л.А. Словообразовательный потенциал существительного CORONA в немецкой субстантивной лексике периода пандемии COVID-19 // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2022b. – № 2. – С. 85–98.

14. Юшкова Л.А. Тенденции в словообразовании разговорной глагольной лексики современного немецкого языка: образование глагольных единиц с частицами предложного характера: монография. – Ижевск: УдГУ, 2016. – 238 с.

15. Balnat V. Unter Beobachtung: Corona-Wortschatz im Deutschen und Französischen [Электронный ресурс] // Nouveaux Cahiers d'Allemand: Revue de linguistique et de didactique, Association des

Nouveaux Cahiers d'Allemand. – 2020; 38 (2). URL: <https://goo.su/6lfj> (дата обращения: 10.08.2021).

16. Bär J.A. Deutsch im Jahr 2000. Eine sprachhistorische Sprachortbestimmung // Thema Deutsch. Band 1. Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall? – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: DUDENverlag, 2000. – S. 9–34.

17. Barz I. Englisches in der deutschen Wortbildung // Wortbildung heute. Tendenzen und Kontraste in der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen: Narr, 2008. – S. 39–60.

18. Barz, I. Nomination durch Wortbildung. – Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1988. – 233 S.

19. Belosevic M. Neues Angstvokabular im Coronadiskurs. Sprache und Corona. Trier Center for Language und Communication Patterns [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/72aF> (дата обращения: 27.07.2021).

20. Dorschel R., Allmendinger J. Über die sozialen Fesseln unserer Sprache [Электронный ресурс] // Neues vom heutigen Deutsch. Empirisch – methodisch – theoretisch (Jahrbuch des Instituts für deutsche Sprache 2018). – Berlin: de Gruyter, 2019. – S. 313–324.

21. Entwicklungstendenzen in der Gegenwartssprache. Fleischer W., Huth H., Langner H., Meier H., Michel G. und a. – Leipzig, 1988. – S. 48, 170–185.

22. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu verarbeitete Auflage / W. Fleischer, I. Barz. Tübingen: Walter de Gruyter, 2012. – 484 S.

23. Kaczmarek H. Coronavirus(-Pandemie) in Sprache und Denken. Ein Exkurs anhand der deutschen online-Nachrichtenmeldungen // Linguistische Treffen in Wrocław. – 2021. – Vol. 19. 2021 (I). – S. 107–118. DOI: <https://doi.org/10.23817/lingtreff.19-7>.

24. Klosa-Kückelhaus A. Bilder und Metaphern im Wortschatz rund um die Coronapandemie [Электронный ресурс] // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). 2020. URL: <https://goo.su/6mDR>. (дата обращения: 10.08.2020).

25. Klosa-Kückelhaus A. Das Coronavirus, seine Varianten und ihre Namen [Электронный ресурс] // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). 2021. URL: <https://goo.su/6MDp> (дата обращения: 10.08.2020).

26. Krug A. Mit den Augen Susan Sontags: Metaphern im Umgang mit COVID-19 [Through the eyes of Susan Sontag: Metaphors for Covid-19] [Электронный ресурс] // Zeitschrift für Ethik und Moralphilosophie. – 2021. – S. 1–17. URL: <https://goo.su/6pYv> (дата обращения: 10.08.2021). DOI:10.1007/s42048-021-00098-4.

27. Lobin H. Sind Pandemien Lokomotiven der Sprachgeschichte? [Электронный ресурс] // Spectrum.de 25.05.2020. URL: <https://goo.su/6meU> (дата обращения: 10.03.2021).

28. Lohde M. Wortbildung des modernen Deutschen. Ein Lehr- und Übungsbuch. – Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH, 2006. – 350 S.

29. Möhrs Ch. Ein Wortnetz entspinnt sich um Corona [Электронный ресурс] // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). 2020a. URL: <https://goo.su/6Mr7> (дата обращения: 10.08.2021).

30. Möhrs Ch. Historische Krise – Corona-Gewinner – Wumms: eine Corona-Geschichte zu Wörtern, die die Wirtschaft bewegt [Электронный ресурс] // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). 2020b. URL: https://www.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/moehrs_wirtschaft.pdf (дата обращения: 10.08.2021).

31. Möhrs Ch. Sprache, Emojis und Corona – im Wandel der Zeit [Электронный ресурс] // Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). 2021. URL: <https://goo.su/6mdS> (дата обращения: 10.08.2021).

32. Motsch, W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen / W. Motsch. – 2. Auflage. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004. – S. 1–158.

33. Moulin C. Linguistische Kreativität in Pandemiezeiten – eine sprachhistorische Annäherung // Aptum. Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur. – 2020. – 16 (02/03). – S. 268–273.

34. MundMische. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mundmische.de/bedeutung/45284-Lockdowner> (дата обращения: 10.08.2021).

35. OWID: Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie (April 2020-heute) // Neologismenwörterbuch. Online Wortschatz-Informationssystem [Электронный ресурс] Deutsch. Mannheim, Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (дата обращения: 12.08.2021).

36. So blicken die Deutschen auf das Jahr 2024 [Электронный ресурс] // Stiftung der Zukunftsfragen. URL: <https://www.stiftungfuerzukunftsfragen.de/so-blicken-die-deutschen-auf-das-jahr-2024> (дата обращения: 04.05.2024).

37. Sprichst du Coronisch? In 20. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo-gl.ru/zcFWt.L> (дата обращения: 10.08.2021).

38. Stiebels B. Lexikalische Argumente und Adjunkte. Zum semantischen Beitrag von verbalen Präfixen und Partikeln. Berlin: Akademie-Verlag, 1996. – 322 S.

39. Storrer A. Sprachverfall durch internetbasierte Kommunikation? Linguistische Erklärungsansätze – empirische Befunde // Sprachverfall? Dynamik – Wandeln – Variation (Jahrbuch des Instituts für deutsche Sprache 2013). – Berlin / New York, 2014. – S. 171–196.

40. Umfrage zu den wichtigsten Problemen in Deutschland 2019-2024 [Электронный ресурс] // Henrich Ph. Statista 2024. URL: <https://de.statista.com/> (дата обращения: 04.05.2024).

41. Weinert M. Krisensprache – Sprachkrise – Krisenkommunikation: Sprache in Zeiten der COVID-19 Pandemie. – Tectum Wissenschaftsverlag, 2021. – 578 S.

42. Wiktionary. Das freie Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <https://de.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Hauptseite> (дата обращения: 04.05.2024).

43. Zifonun G. Anglizismen in der Coronakrise [Электронный ресурс]. Aktuelle Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise. Mannheim: Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (IDS). 2020. URL: <https:goo.su/6MdQ> (дата обращения:10.08.2021).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЭВРИСЕМИЯ НЕМЕЦКИХ РАЗГОВОРНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ С НАРЕЧНЫМИ ЧАСТИЦАМИ

Особый лексический пласт для лексикографической практики представляют глагольные единицы с обобщенным значением, которые образованы от «семантически синкретичных» слов, чье «<...> содержание нельзя отделить от конкретной ситуации общения» [Яцкевич, 2016: 92]. Среди глагольных единиц к таким лексемам мы относим *voranmachen*, *vorbeikönnen*, *losbekommen*, *losmachen*, *hineinkriegen*, *hineintun* и многие другие разговорные глагольные лексемы, образованные от широкозначных глаголов и используемые во множестве разных контекстов за счет актуализации отдельных оттенков значения.

4.1. Эврисемия как частный случай выражения неопределенности в языке

Вопросы, связанные со статусом и функционированием глаголов с широкой семантикой, вызывают стабильный интерес у отечественных и зарубежных лингвистов. Интерес к проблеме эврисемии (широкозначности) объясняется своеобразием этого явления, его парадоксальностью, когда единица, фактически лишенная конкретных сем, способна обозначать широкий круг явлений и объектов.

В отечественной лингвистике эврисемия, как правило, рассматривается как самостоятельное лексико-семантическое явление, основными свойствами которого являются: 1) синкретизм в изолированном употреблении и 2) конкретизация в контексте. Под эврисемичным словом понимается лексема с максимально обобщенным и в высшей степени неопределенным значением, «появляющимся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающим известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [Амосова, 1959: 63].

В европейской лингвистике (в том числе, германистике) явления, подпадающие под определение широкозначности, рассматриваются в контексте языковой неопределенности („Unbestimmtheit“, „Vagheit“). Неопределенность является распространенным феноменом [Блинова, Белов, 2020: 779] и свойственна большинству языковых единиц и выражений. Большинство слов «полностью не отражают сложности соответствующих им понятий, а значит, представляют собой некоторые усреднения или обобщения, для которых неопределенность естественна» [Братцева, 2017: 21–31].

Исследователи, занимавшиеся вопросами семантической неопределенности, признают, что в ее основе лежит механизм абстракции [Fischer, 1970; Pinkal, 1991, 1996; Petermann, 2014]. Обращаясь к исследованиям З. Фрейда и Б. Рассела, К. Петерман приходит к выводу, что, поскольку язык моделирует окружающую действительность, абстрактность является его неотъемлемым свойством, как у любой модели [Petermann, 2014: 47]²². В результате акта абстраги-

²² То, что значение лексических единиц в большое или меньшей степени абстрактно и подвергается трансформации при реализации в конкретном контексте, подтверждается множеством исследований в области семантики и прагматики. Как отмечает М.А. Кронгауз, «слово в языке может иметь лишь определенный потенциал, позволяющий приобретать ту или иную референциальную характеристику» [Кронгауз, 2001: 128–129]. Функциональная прагматика описывает механизмы модификации значения слова при его употреблении в речи. Интерес представляют, в частности, работы Д. Уилсон, профессора лингвистики Университетского колледжа в Лондоне, которая выделяет следующие механизмы абстракции, модифицирующие значение знака в процессе его употребления в речи:

1. Расширение значения (broadening), которое включает два процесса: аппроксимацию, когда расширение распространяется внутри одной концептуальной сферы, и метафорическое расширение, при котором значение охватывает разные концептуальные области. Аппроксимация может выражаться в полисемии метонимического типа (школа – социальный институт; здание; процесс учебы)) либо в переносе прямого наименования на объекты, обладающие тем же качеством, но выраженным в большей или меньшей степени, например, rote Fahne – rote Nase (механизм изменения значения, который Ф. Реканати называет «модуляцией») [Цит. по: Blutner, 2018: 5–8]. 2. Ограничение (конкретизация) значения (narrowing);

рования, при котором отбираются наиболее релевантные признаки, связанные с обозначаемым отрезком действительности в сознании всех представителей одного языкового сообщества, конкретные компоненты содержания утрачиваются. Отсутствие прямого соответствия между отображаемыми в языке явлениями и явлениями реальными становится причиной языковой неоднозначности, которая затрагивает все языковые уровни, в том числе, лексический.

Еще одна причина языковой неопределенности, на которую указывают исследователи, заключается в том, что сущности реального мира имеют, несмотря на свою уникальность, общие признаки, что приводит к взаимопересечению понятийных групп и неопределенности их границ («референциальная нечеткость» [Блинова, Белов, 2020: 796]). По мнению Б. Рассела, невозможность провести границу между конкретными сущностями связана с несовершенством органов чувственного восприятия человека, недостаточной детализацией при восприятии соответствующих реальных объектов [Pettermann, 2014: 49].

Таким образом, в данной работе мы придерживаемся трактовки эврисемии как проявления лингвокогнитивного феномена языковой неопределенности, которая, в свою очередь, обусловлена, во-первых, нечеткостью референциальных связей между фактами языка и отдельными областями действительности, а, во-вторых, абстрактным характером любого естественного языка.

4.2. Уровни широкозначности

Традиционное понимание эврисемичного слова как лексемы с «максимально обобщенным и в высшей степени неопределенным значением», предъявляет довольно строгие требования к конкретному элементу, претендующему на статус широкозначного. Максимальная обобщенность содержания усматривается, в первую оче-

При конкретизации происходит экспликация «закодированной», подразумеваемой части содержания (прагматического компонента) слова, например: *Alle Professoren trinken.* – *Alle Professoren trinken Alkohol* [Ibid.].

редь, в полностью или частично грамматикализованных словах, прошедших все стадии десемантизации, и не только полностью лишённых каких-либо дифференцирующих сем, но и «родовой архисемы» [Гак, 1998: 325]. Именно такие слова составляют ядро эврисемичной лексики конкретного языка. Среди немецких глаголов такими свойствами обладают, в первую очередь, глаголы *haben*, *sein*, *werden*, *lassen* [Аверина, 2009; Шустова, 2015a, 2015b; Lang, 2024 и другие], а также модальные глаголы, которые также «<...> актуализируют производную грамматическую семантику и на этом основании являются грамматическими прецедентными единицами» [Егорова, 2017].

Если же рассматривать эврисемию как частный случай выражения свойственной не только языку, но и мышлению человека неопределённости, то логично будет предположить, что степень обобщения, которую могут выражать языковые единицы, не одинакова, и наряду со словами с максимально неопределённым значением существуют слова с меньшей, но, тем не менее, существенной степенью десемантизации, которая обеспечивает наличие у них других свойств, характерных для широкозначных единиц.

Выделение лексем, обладающих разной степенью широкозначности соотносится с концепцией категоризации, предложенной Э. Рош. Согласно этой концепции, при категоризации действительности существенным является разграничение уровней родовидовой иерархии и выделение категорий более высокого, «суперординатного» уровня, категорий «субординатного» уровня и «базовых» – срединных – категорий, элементы которых имеют наибольшее значение и занимают центральное место в сознании носителей языка [Rosch, 1978: 27–48]. Исходя из представлений о наличии разных уровней широкозначности, максимально десемантизированные, в высшей степени абстрактные лексемы будут составлять категорию наиболее высокого (суперординатного) уровня. К единицам данного уровня говорящий прибегает тогда, когда использование лексемы базового или субординатного уровня может привести к неправильному пониманию, либо из-за «высокой степени заданности ее рефе-

рента в ситуации общения» [Кобозева, 2000: 103]. Слова, относящиеся к базовым категориям, «содержат такое количество информации об объекте или явлении, которого оказывается достаточно для большинства ситуаций, в которых человек с ними встречается» [Кобозева, 2000: 102].

Анализируемые в данной работе глагольные единицы относятся к базовому уровню широкозначности. За счет добавления превербального наречия понятийная область (референтная база), заданная мотивирующим широкозначным глаголом, сужается. Максимально обобщенное значение производящей глагольной основы несколько конкретизируется, однако значение новой лексемы остается абстрактным и реферирует к достаточно большому количеству действий, относящихся к одному понятийному классу. По отношению к ним глагольная единица является гиперонимом, а по отношению к производящему глаголу – гипонимом.

Таким образом, в предпринятом нами исследовании понятие «эврисемия» распространяется также на единицы среднего (базового) уровня, к которым относятся глагольные единицы с широкозначной производящей основой. Они имеют ряд гипонимов, которые конкретизируют обозначаемое ими действие, например, *hereinkriegen* – *hereinziehen*, *hereinführen*, *hereintragen*, но при этом, в свою очередь, являются гипонимами по отношению к мотивирующей глагольной лексеме, обозначающей действия и процессы более высокого уровня абстракции (*kriegen* – *hereinkriegen*).

4.3. Критерии широкозначности

Принадлежность исследуемых лексем к классу широкозначных единиц подтверждается их соответствием критериям широкозначности, которые формулируются нами на основании изучения работ А.М. Аралова (1979, 1985, 1992), М.Я. Блоха (1985), В.Я. Плоткина (1982, 1985), В.И. Кудиновой (1994), Е.Д. Мариновой (1995), И.В. Шапошниковой (1999), В.Г. Шабеева (2015), П.С. Федюк (2009), Л.К. Семиной (2018), и ряда других исследований.

А.М. Аралов, помимо высокой степени семантической обобщенности, выделял два аспекта широкозначности: денотативная диффузность слова, а также абстрактность и расплывчатость его содержания. Во-первых, для широкого значения характерна «... передача понятия, соотносимого с явлениями относительно разобщенными, отдаленными друг от друга в экстралингвистическом плане», а во-вторых, широкозначным словам свойственен «... широкий диапазон общего значения слова, то есть значительность различий между его лексико-семантическими вариантами, которая, в частности, выявляется в возрастающей абстрагированности последних <...> вплоть до образования омонимов» [Аралов, 1979: 6–8; Аралов, 1992: 23–31].

В.И. Кудинова использует методику выявления широкозначных глаголов в немецком языке, которая основана на двух основных критериях: 1) высокая степень абстрагирования семантики таких единиц, 2) существенное расширение их комбинаторики. Далее также отмечаются такие существенные свойства широкозначных глаголов, как: 3) способность соотноситься с неограниченным кругом явлений, объектов или понятий, 4) конкретизация на синтагматическом уровне при реализации в определенных структурных типах предложений, а также, 5) способность функционировать в составе стандартных глагольно-именных сочетаний (последний критерий специфичен для группы широкозначных немецких глаголов, которые составили объект реферируемого исследования) [Кудинова, 1994: 4–5].

Под широким значением Е.Д. Маринова понимает «... прямое значение, содержащее максимальную степень абстракции, отвлечения, выражающее единое обобщенное понятие, которое получает внешнюю конкретизацию через контекст или речевую ситуацию». Помимо максимальной степени абстракции и необходимости конкретизации широкого значения через контекст Е.Д. Маринова указывает на низкую лексическую избирательность таких единиц, обуславливающую их широкую сочетаемость [Маринова, 1995: 9]. Анализируя специфику английских глаголов, Е.Д. Маринова обращает особое

внимание на следующие факторы: во-первых, «широкозначные слова синсемантичны, неперменным условием их функционирования является обязательная сочетаемость справа», а во-вторых, для них характерен прямой способ номинации [там же: 14].

И.В. Шапошникова предлагает следующие критерии для идентификации эврисемии: 1) соотносимость каждой широкозначной единицы с исходным (базовым) концептом в когнитивной парадигме, представленной категорией эврисемии; 2) высокая степень синтаксической детерминированности семантики широкозначных единиц, которая находит своё отражение в симметрии между семантико-синтаксическими валентностями глаголов и представленными в них аспектами концептосферы человека; 3) повышенный объем семантико-синтаксических валентностей широкозначных единиц, при сохранении возможности выработки объединяющей их ёмкой формулировки значения; 4) высокая частотность в языке, которая обусловлена высокой функциональной нагрузкой этих единиц в лексико-грамматическом поле языка; 5) семантическая «простота», неосложненность семантики дополнительными специфическими семами [Шапошникова, 1999:].

В.К. Колобаев перечисляет следующие критерии широкозначности: 1) синкретизм; 2) полиденотативность; 3) синсемантизм; 4) десемантизация; 5) полифункциональность; 6) необходимость контекста для конкретизации значения [Цит. по: Шабаев, 2015: 122].

К числу существенных критериев широкозначности П.С. Федюк относит: предельную обобщенность значения, синкретизм, относительно высокую частотность употреблений единицы, её полиденотативность и семантическую генерализацию [Федюк, 2009: 200–205].

Таким образом, наиболее существенными признаками эврисемии признаются следующие:

1. *Высокая степень семантической абстракции и полиденотативность.* Отвлеченность, абстрактность семантики отмечается всеми исследователями данного явления [Кудинова, 1994. С. 4; Маринова, 1995: 9 и др.]. Суть лексической абстракции заключается в том, что абстрактное слово соотносится не непосредственно с кон-

кретной вещью, которую оно называет, а с целым классом вещей [Реформатский, 1996: 12]. В качестве ориентира при установлении факта абстракции можно принять минимум два признака: это, во-первых, невозможность однозначно соотнести абстрактную лексику с некоторым отрезком действительности, который она отображает, а во-вторых, «информативная недостаточность» таких единиц, их «смысловая неполнота и неоднозначность», которые компенсируются в тексте [Пупынина, 2011: 142]. Семантическая абстрактность когнитивно соотносится с их «концептуальной неопределенностью», «размытостью концептуального содержания» [Семина, 2014: 25]. У широкозначных глаголов она проявляется чаще всего в виде указаний на отношение к какому-либо неопределенному действию или лицу (у модальных глаголов) или на действие или процесс «вообще», не имеющее конкретных признаков (у глаголов *machen*, *tun*, *haben* и других), то есть, по определению Л.К. Семиной, в виде «семантических пустот» [там же: 26].

2. *Значительное расширение сочетаемостных возможностей широкозначной лексики.* Это свойство формируется как следствие расширения ее концептуального содержания.

3. *Необходимость конкретизации значения в контексте* – это свойство особо подчеркивается во всех работах, посвященных изучению единиц с неопределенным содержанием [Pinkal, 2016; Семина, 2014 и другие].

4. *Синсемантичность*, которая варьируется от утраты значительной части лексического значения до полной десемантизации и грамматикализации единицы.

Десемантизация, как наиболее «категоричный» критерий, применим к случаям максимальной широкозначности – «суперординатного» уровня. Если же признавать, что абстрактность и широкозначность могут проявляться в разной степени, то в отношении принадлежащих базовому уровню лексем речь может идти только об отсутствии определенного количества дифференциальных сем, необходимых для дальнейшей, более точной идентификации объекта, явления, действия и т. д., но не о полной десемантизации.

Поэтому с учетом существования разных степеней эврисемии в качестве важнейших критериев широкозначности следует указать наличие родовидовых отношений между глагольными единицами с уточняющими превербами и их мотивирующими прототипами и референтную соотнесенность с максимально широко обозначенным действием или процессом, состоянием или отношением. Учитывая это, Л.К. Семина выделяет четыре основных системных критерия широкозначной семантики [Семина, 2018: 137–150]:

1) Гиперо-гипонимический критерий, в соответствии с которым широкозначные лексемы находятся в отношениях гипо-, гиперонимической корреляции как друг с другом, так и с более узкозначными лексемами.

2) Референтный критерий, который определяет референтную базу широкозначных лексем суперординатного уровня как максимально широкий класс сущностей (по отношению к антропонимам – это класс всех, живущих на земле), и менее широкий класс для эврисемичных лексем среднего уровня.

3) Концептуальный критерий, фиксирующий наличие «семантических пустот» и «размывание» концептуального содержания широкозначных слов, вплоть до сведения его к одному, максимально широкому и неопределенному признаку.

4) Идентификационный критерий относится к способности широкозначных лексем интерпретировать содержание лексем нижестоящего уровня категоризации.

4.4. Характеристика эврисемичных глагольных лексем с превербами-наречиями, как единиц с неопределенным содержанием

Сфера функционирования исследуемых глагольных единиц ограничена разговорной речью. Это соответствует тому факту, что неопределенность, размытость семантики характерна в целом для разговорных лексем, значительная часть которых насыщена скрытыми потенциальными смыслами. Расплывчатость содержания таких лексем

компенсируется лингвистическим и социокультурным контекстом. Как подчеркивает В.Д. Девкин, «разговорное слово намного больше, чем любое другое, зависит от употребления» [Девкин, 2005: 169], поэтому одной из важных задач коллоквиальной лексикографии при описании слова с широким значением является способность «<...> передать речевое, неповторимо одномоментное в условных операциях отторжения слова от контекста и ситуации для сведения этой зависимости к минимуму, достаточному для раскрытия семантики» [Там же].

Семантическая природа эврисемичных глагольных единиц с превербальными наречными частицами довольно сложна и своеобразна. Неопределенность их содержания обусловлена, в первую очередь, широкозначным базисом, тогда как приглагольный компонент выполняет функцию конкретизатора и семантического ядра лексемы. Однако, несмотря на то, что значение мотивирующей основы сужается за счет конкретизирующих сем, привносимых приглагольным компонентом, зона референции, обозначаемая глагольной единицей, остается достаточно широкой.

Десемантизация мотивирующих основ глагольных единиц приводит к тому, что в процессе дальнейшего словообразования они участвуют в статусе частотных компонентов. С точки зрения словообразовательного потенциала такие основы могут быть охарактеризованы как «эндогенные полнозначные основы, обладающие широкой семантикой, что обуславливает их серийное использование в словообразовании» [Юшкова, 2016: 55]. Именно серийность использования, словообразовательная активность и высокая степень абстракции сближают эти единицы со служебными словообразовательными морфемами. Степень отвлеченности семантики частотных компонентов в составе глагольных единиц может несколько усиливаться по сравнению с семантической абстракцией, которая характерна для этих единиц изначально. Это связано с возможностью целостного метафорического переосмысления всей глагольной единицы. Например, глагольные лексемы с приглагольным наречием *hin-* и основами модальных глаголов *können*, *müssen* и *wollen*,

относящиеся к понятийной области «модальность действия», помимо основного значения «иметь возможность (желание) направиться куда-либо» регулярно реализуют метафорическое значение «адресовать кому-либо что-либо» (о чувствах, эмоциях, намерениях и т. п.) [Юшкова, 2020]:

(1) „Die Musik hilft uns, Dampf abzulassen – und Gefühle auszu-leben, mit denen du sonst nirgendwo *hinkannst*“ (Die Zeit, 25.07.1986, Nr. 31).

(2) „Aber er trägt auch Dinge an die Öffentlichkeit, die dort nicht unbedingt *hinmüssen*“ (Berliner Zeitung, 21.09.2005).

Важная причина неопределенности содержания исследуемых единиц заключается в том, что не только производящие глаголы, но и сами превербальные наречные частицы имеют достаточно широкое значение. Если рассматривать семантическую структуру значений преверба как сетевую систему, аналогично описанию семантической системы предлога [Кронгауз, 2001: 214], то в ней наряду с прямыми значениями пространственного характера выявляются метафоризированные, абстрактные значения. Все вместе значения приглагольного компонента соотносятся в некоторой максимально абстрагированной инвариантной части [Там же]. Метафорическое тождество между категорией пространства и другими понятийными областями приводит к тому, что все производные ЛСВ приглагольных наречных частиц более или менее явно обусловлены существованием этого прототипического пространственного инварианта.

Еще один фактор, который приводит к неопределенности значения исследуемых единиц, обусловлен спецификой словообразовательной модели как когнитивного феномена, что находит свое выражение в комбинаторике производной единицы. Анализируемые конструкции можно рассматривать как результат смысловой и языковой компрессии или контракции, например: *ummachen* используется вместо „um den Arm (Hals, Kopf, Baum) machen“. Анализируя явление контракции, М.В. Никитин пишет, что при этом возникают «гиперсемантизированные конструкции», которые отличаются референционной неопределенностью и нуждаются в поддержке более

широкого контекста [Никитин, 1996: 574]. М. Пинкаль объясняет неопределенность семантики глагольных единиц (таких как *mitwollen*, *abtun* и других) нереализованностью обязательных аргументов и характеризует их как факты эллиптической многозначности (*eliptische Mehrdeutigkeit*) [Pinkal, 2016: 77].

Таким образом, неопределенность и широкозначность глагольных единиц с превербальными наречными частицами объясняются 1) использованием производящих основ десемантизированных глаголов, 2) широкозначностью приглагольных компонентов и 3) спецификой словообразовательной модели, которой свойственна эллиптичность и гиперсемантизированность.

4.5. Проблема лексикографирования эврисемичных глагольных единиц

Несимметричность словарных описаний широкозначных разговорных глагольных единиц с наречными компонентами и вариантов их контекстуальных употреблений заставляет задуматься о несовершенстве лексикографической кодификации тех случаев, которые являются результатом семантической неопределенности, свойственной значительному числу разговорных глагольных единиц. В связи с высокой употребительностью эти лексемы обычно всегда фиксируются словарями, однако их значение, как правило, формулируется максимально широко и не дискретизируется.

Проблемы дискретизации значений широкозначных слов обусловлены референциальной неопределенностью, то есть тем, что отдельные отрезки действительности не имеют четкого разграничения и структурирования. По этому поводу М.В. Никитин пишет следующее: <...> в некоторых пунктах сама структура человеческой практики в силу ее недостаточной, незавершенной дискретизации на данном участке не дает семасиологу оснований однозначно ответить на вопрос, следует ли вычленить особое значение у многозначного слова или объединить два словоупотребления одним значением» [Никитин, 1996: 210].

Вполне обоснованным представляется достаточно распространенное в современной литературе утверждение о сосуществовании в семантической структуре одного слова эврисемии и многозначности [Аралов, 1979; Димова, 1972]. В.И. Кудинова, анализируя немецкие глаголы, рассматривает в качестве лексико-семантического варианта широкозначного слова «значение глагольной единицы в одном из ее типовых контекстных употреблений» [Кудинова, 1994: 7].

Однако существует и противоположное мнение о принципиальной несовместимости многозначности и широкозначности. Так, М.А. Боровик считает, что широкозначная единица всегда однозначна, причем значение такой единицы выражает «единое, предельно обобщенное понятие», которое представляет собой инвариант по отношению к его частным употреблениям, реализующимся в контекстах [Цит. по: Шабаев, 2015]. При таком подходе проблема словарного описания значения слова с неопределенным содержанием заключается, главным образом, в том, что чаще всего оно трактуется максимально отвлеченно.

С одной стороны, это позволяет избежать излишней детализации значения, соотнести его с широкой семантической областью, предусмотрев таким образом возможность многочисленных вариантов контекстуальных реализаций. Это справедливо, поскольку лексико-семантическое значение слова не включает в себя референциальные признаки, свойственные его актуальным значениям, которые не являются системными лексико-семантическими вариантами слова. Как отмечает М.А. Кронгауз, «слово в языке может иметь лишь определенный потенциал, позволяющий приобретать ту или иную референциальную характеристику» [Кронгауз, 2001: 128–129]. Таким образом, при описании значения широкозначной лексемы в словарях референциальные признаки не учитываются.

С другой стороны, при таком подходе могут быть упущены некоторые инвариантные узуальные значения²³, которые регулярно

²³ Под узуальным значением понимается «<...> абстракция от, в принципе, бесконечного ряда актуальных значений слова в речи, инвариант

воспроизводятся в ряде типичных контекстов и нуждаются в лексикографической кодификации. Во-вторых, такой подход часто не дает полного представления о степени широкозначности, которая на практике оказывается выше, чем можно судить, исходя из приведенных в словарях значений. Например, в словаре DWDS приводится только одно значение фамильярно-разговорной глагольной единицы *hinkriegen* – «осуществить, выполнить что-либо» (DWDS). В словарь DUDEN кроме указанного значения включено еще одно, более конкретное, значение – «уладить, привести в порядок» (DUDEN). Большинство употреблений оправдывает такое широкое толкование глагольной единицы:

„Es bringt zwar Spaß, die Drehbücher zu lesen und den Dialogen zuzuhören, aber es ist ein ganz schönes Stück Arbeit, das so *hinzukriegen*, dass es unterhaltsam ist“ (*hinkriegen* – здесь: «написать, сочинить (о творческой работе, произведениях)») (Berliner Zeitung, 17.01.2005).

„Für den Doppelhaushalt 2005/2006 will die Finanzverwaltung im zweiten Jahr sogar "einen ausgeglichenen Haushalt *hinkriegen*" (*hinkriegen* – здесь: «составить, сформировать (бюджет)») (Berliner Zeitung, 13.09.2004 // DWDS).

„Beim Film macht es viel Mühe, Entstellungen so überzeugend *hinzukriegen*" (*hinkriegen* – здесь: «создать, выстроить кадр или сцену в фильме») (Berliner Zeitung, 21.07.2005).

Тем не менее, при таком широком толковании теряются существенные смы, обуславливающие некоторые употребления этой глагольной единицы, как в единичных, так и в привычных сочетаниях, например, einen Kompromiss *hinkriegen*: „Wenn Europas Politiker eines immer *hinkriegen*, dann ist das ein Kompromiss“ (Berliner Zeitung, 14.12.2005).

Глагольная единица *heraustun* имеет словарную дефиницию „(aus dem Inneren) nach außen legen, setzen, stellen“ (DUDEN; DWDS). Применение референциального и синтагматического критериев по-

актуальных значений, все различия между которыми могут быть объяснены действием экстралингвистических факторов» [Кобозева, 2000: 158].

зволило выделить узуальное значение «вывести кого-либо из состава, исключить из команды»:

„Nachdem der General sich unter Zurücklassung eines erheblichen Scherbenhaufens hochmütig in die Einsamkeit zurückgezogen hatte, sahen sich einige weniger glanzvolle Sozialisten vor die Aufgabe gestellt, die infiltrierten Kommunisten in mühevoller Kleinarbeit wieder aus der Verwaltung *herauszutun*“ (Die Zeit, 30.05.1957, Nr. 22 // DWDS).

Кроме того, в сочетании с возвратным местоимением в качестве объекта в винительном падеже ядерная сема глагольной единицы *heraustun* «выход наружу» переосмысливается, имплицитно мысль о выделении из общего ряда. Таким образом у возвратного глагола *sich heraustun*, который не зафиксирован в словарях немецкого языка, формируется значение «выделяться, обращать на себя внимание»:

„Bis jetzt haben sich schon die Favoriten herausgetan, eine Mannschaft hängt hinten nach und konnte noch gar keinen Punkt holen“ [Fischer, 2021].

Проведенный контекстуальный анализ выявил обусловленные контекстом узуальные значения у ряда немецких глагольных единиц с приглагольными наречными частицами, которые не отмечены, в частности, ни в «Универсальном толковом словаре современного немецкого языка» серии DUDEN, ни в «Электронном словаре современного немецкого языка» (DWDS).

Так, например, значение глагольной единицы ***herunterwollen*** формулируется в указанных словарях в самом общем виде как „herunterkommen, -gehen, -fahren o. Ä. wollen“ (DUDEN, DWDS). Узуальное значение «“соскочить“, перестать принимать наркотики, алкоголь и т. п.» в словарях не отмечается, но сформированность такого лексико-семантического варианта объективно подтверждается как денотативно-сигнификативной соотнесенностью данного употребления с отдельной понятийной сферой, так и синтагматическими особенностями: глагольная единица *herunterwollen* в данном употреблении используется как коллокант в сочетаниях с лексемами из лексико-семантической группы «вещества, формирующие зави-

симость», как правило, в роли предложного объекта (von Drogen, auf 20 % Alkoholinhalt, auf ein vernünftiges Maß an Alkohol):

„Wenn nun viele Junkies vom Heroin *herunterwollen*, es aber nicht schaffen, „clean“ zu werden, dann müsse man ihnen mit der Kunstdroge Methadon – in der Bundesrepublik von der Firma Hoechst unter dem Markennamen L-Polamidon produziert – den Ausstieg ermöglichen“ (Die Zeit, 26.08.1988, Nr. 35 // DWDS).

Значения глагольной единицы *herunterbekommen*, указанные в словарях DUDEN и DWDS, – «1) суметь принести, доставить что-либо сверху вниз; 2) суметь отделить что-либо от чего-либо» – имеют довольно общую интерпретацию и нуждаются в семантическом ограничении и конкретизации при каждом употреблении. Большинство таких контекстуальных значений, как, например, «снимать с головы (головной убор и т. п.)» (пример 3) относятся к понятийной области, которую полностью покрывает приведенное в словарях значение «суметь принести, доставить что-либо сверху вниз».

Однако представляется целесообразным считать значения, представленные в примерах (1) и (2), отдельными лексико-семантическими вариантами, во-первых, потому что они регулярно воспроизводятся в речи, а во-вторых, поскольку метафорический перенос, на основании которого эти значения были сформированы, меняет зону их референции и транспонирует их в иную, абстрактную понятийную сферу:

(1) „Jeder, den wir von dieser Warteliste *herunterbekommen*, ist ein Erfolg“, sagte Bahrs Sprecher in Berlin (Die Zeit, 02.03.2012 (online) // DWDS). «Каждый человек, которого мы можем исключить из списка очередников, это успех» (*herunterbekommen* – здесь: убирать из списка).

(2) „Erst wenn wir unsere Gesamtlohnkosten – und da sehe ich den Schwerpunkt bei den Lohnnebenkosten deutlich *herunterbekommen*, werden Arbeitsvorgänge wieder sinnvoll und bezahlbar, die heute nicht mehr ausgeführt werden“ (Die Zeit, 30.08.1996, Nr. 36 // DWDS). «Только если нам удастся сократить наши общие расходы на заработную плату – и я делаю акцент на дополнительных расходах – те

рабочие процессы, которые сейчас больше не осуществляются, снова будут иметь смысл и станут оплачиваться» (*herunterbekommen* – здесь: снижать, сокращать расходы).

(3) „In Kinderkreisen hält sich seit Jahren hartnäckig der Witz von dem Jungen, der sich leichtsinnigerweise einen Topf auf den Kopf gestülpt hat und ihn erst wieder *herunterbekommt*, als ihm eine mitleidige Frau einen Groschen schenkt“ (Die Zeit, 27.11.1964, Nr. 48 // DWDS). «Среди детей уже много лет бытует шутка о мальчике, который легкомысленно надел на голову горшок, и смог снять его только после того, как сердобольная женщина подарила ему монетку» (*herunterbekommen* – здесь: снимать с головы).

В то же время, словарями (DUDEN, DWDS) фиксируется конкретизированный лексико-семантический вариант единицы *herunterbekommen* – «суметь проглотить», который можно рассматривать как отдельный конечный результат процесса лексикализации данной единицы, когда из всего спектра потенциально возможных значений выбирается одно конкретное:

„Auch an diesem Abend *bekommt* sie nur ein wenig Kartoffelbrei *herunter*, das saftige Kalbsfleisch, das sie früher so gern mochte, rührt sie nicht an“ (Bild, 10.11.2005 // DWDS). «Сегодня вечером она снова съест лишь немного картофельного пюре, к сочной говядине, которую так любила раньше, она даже не притронется».

Отмечены были также случаи, когда незафиксированным осталось более широкое значение глагольной единицы, как, например, в случае с лексемой *drinstehen*. Словари отмечают два значения этого слова: «1) быть написанным, указанным где-либо; 2) быть в купсе (da stehe ich nicht so drin – об этом я ничего не знаю)»:

„Wenn es etwa um einen Bonus geht, sollte exakt drinstehen, ab wann es diesen gibt und wie hoch er ist“ (Die Zeit, 27.02.2016 // DWDS).

Однако более широкое значение этой единицы: «находиться где-либо, внутри чего-либо (помещения, емкости, в границах определенной территории)» в словарях не зафиксировано. Степень семантического усложнения в этом случае минимальна, речь идет о пол-

ной прямой мотивированности производной лексемы [Юшкова, 2018: 111]:

„Es ist sehr schwer für eine Mannschaft, wenn der Gegner – wie wir – so kompakt hinten *drinsteht* und mit so viel Leidenschaft verteidigt“ (Der Tagesspiegel, 05.12.2004 // DWDS).

В ходе контекстуального анализа было также установлено, что некоторые употребления глагольной единицы *drinstehen* могут быть сведены к узуальному метафорическому значению «находиться в какой-либо ситуации или состоянии»:

„Wer mitten im Tod *drinsteht*, bekommt auch ein anderes Verständnis zum Leben“, sagt der Kirchenamtman“ (Berliner Zeitung, 17.08.1994 // DWDS).

Результаты исследования подтверждают, что разговорные глагольные единицы немецкого языка в высокой степени подвержены обусловленным контекстом семантическим трансформациям по типу метафоры или метонимии. Семантические преобразования могут ограничиваться областью пространственных представлений. Конкретные представления о положении или перемещении в пространстве переосмысливаются как абстрактные представления о процессах в других понятийных областях. Это явление можно проиллюстрировать на примере контекстуальных реализаций широкозначной глагольной лексемы *dalassen*.

Основное значение единицы *dalassen* – «оставлять в определенном месте» – может быть конкретизировано за счет сем «в чем-либо распоряжении» (пример 1). Пример 2 демонстрирует возможность употребления единицы *dalassen* в значении «потратить (о деньгах)». В примере 3 на первый план выступает сема «непреднамеренности», характерная для глагола *lassen* в значении «забывать». Пример 4 иллюстрирует возможность употребления глагольной единицы *dalassen* в значении «оставить без поддержки, покинуть кого-либо». В примере 5 актуализируются семы «покидать», «оставлять без поддержки»:

(1) „Radtke las, dass der Vater, den er *dagelassen* hatte, zweimal versuchte, sich das Leben zu nehmen“ (Die Zeit, 10.01.2008, Nr. 03 //

DWDS). «Радтке прочитал, что отец, которого он покинул, дважды пытался покончить жизнь самоубийством».

(2) „Viel Geld können sie nicht *dalassen*, zwei Kneipen sind offen und ein Eiscafé“ (Berliner Zeitung, 27.06.2003 // DWDS). «Много денег Вы не потратите, открыты два бара и одно кафе-мороженое».

(3) „Der Vermieter hat einen Kaktus dagelassen und ein Stück Seife im Bad“ (Berliner Zeitung, 30.12.1995 // DWDS). «Предыдущий жилец оставил кактус и кусок мыла в ванной».

(4) „Mein Freund behauptete, der Hamster könne zwei Tage allein sein, wenn man ihm Wasser und Futter *dalasse*“ (Berliner Zeitung, 05.06.2004 // DWDS). «Мой друг утверждал, что хомячок может два дня прожить один, если оставить ему воду и корм».

(5) „Die Möbel haben sie uns gleich *dagelassen*“, sagt Rinaudo“ (Die Zeit, 06.03.2014, Nr. 11 // DWDS). «Но мебель они нам оставили, говорит Ринаудо».

Можно отметить, что глагольные единицы, образованные от основ глаголов с широким значением, имеют больше расхождений в дефинициях в разных словарях в том случае, когда предпринимаются попытки дифференциации их узуальных значений. Например, из 6 значений, которые приведены в Словаре разговорной лексики Х. Кюппера у глагольной единицы `*durchkriegen*`, в электронном словаре DWDS сохранилось только три: «1) прорубить, перепилить (DWDS); 2) выходить больного; 3) настоять на чем-либо, привести к успеху, протолкнуть (закон, план и т.п.)». Словарь DUDEN online в статье, посвященной лексеме `*durchkriegen*`, отсылает к синонимичной лексеме `*durchbekommen*`, объем значения которой также очень значительный, а словарная статья включает, кроме перечисленных выше значений, также значения «просунуть, вытащить», «помогать в нужде, содержать кого-то», «промотать деньги», «помочь справиться с трудной ситуацией (экзамен и т. п.)», «преодолеть сопротивление». Значения «прочитать книгу до конца», «довести дело до конца» приводятся только в словаре Кюппера (Küpper, 1997).

Некоторые из перечисленных значений имеют много нетривиальных общих сем («справиться с трудной ситуацией», «довести

что-либо до конца», «привести к успеху»), поэтому в некоторых случаях их достаточно сложно дифференцировать. Учитывая это обстоятельство, целесообразно объединить их в один лексико-семантический вариант «привести к успеху, протолкнуть, продвигнуть». Анализ употреблений этой единицы в текстах статей газеты Die Zeit, представленных в корпусе DWDS, показал, что именно этот вариант значения отличается наибольшей частотностью:

„Weil ich ein Stehaufmännchen bin, wenn ich ein Thema nicht *durchkriege* in der Politik, dann komme ich wieder an anderer Stelle, das habe ich in den vergangenen Jahren bewiesen“ (Die Zeit, 27.10.2012 // DWDS).

„Dass die Gewerkschaft für alle Leute eines Schiffes einen Tarifvertrag schließe, ohne dort ein einziges Mitglied zu haben, und dass sie die Gewerkschaftsbeiträge dann noch von den Schiffseignern kassiere, das würden wir in Deutschland vor Gericht nicht durchkriegen“ ...“ (Die Zeit, 24.09.2009 // DWDS).

„Wenn wir das durchkriegen, so wie beim Fußball, sind wir alle einen Schritt weiter“ (Die Zeit, 13.10.2013 // DWDS).

„Blatter soll erst mal froh sein, wenn er die Reform durchkriegt“ (Die Zeit, 06.02.2013 // DWDS).

„Allerdings haben wir unsere ganzen Forderungen nicht so durchgekriegt, wie wir uns das vorgestellt haben“ (Die Zeit, 11.07.2008 // DWDS).

„Auch wenn er sein Projekt durchkriegen sollte – sein Ansehen hat bereits jetzt böse Schrammen erhalten“ (Die Zeit, 03.12.1993 // DWDS).

Напротив, в своем основном значении «нарушить целостность объекта каким-либо способом (прорубить, перепилить и т. п.)» эта лексема встречается редко:

„Dieser verdammte Stacheldraht“. Da habe ich sie nicht *drübergekriegt*, da habe ich sie nicht durchgekriegt“ (Die Zeit, 22.12.2009// DWDS) (*drüberkriegen* – здесь: порвать).

В ходе анализа достаточно часто приходилось сталкиваться со случаями употреблений той или иной единицы, которые при не-

достаточной частотности имеют выраженную референцию к определенной группе действий и потенциально могут быть выделены в самостоятельный лексико-семантический вариант. Нужны дальнейшие наблюдения, которые могли бы зафиксировать возможное увеличение частоты реализации таких значений и подтвердить их статус отдельных ЛСВ.

Можно говорить, например, о формирующемся новом значении лексемы **durchhaben**. По данным DUDEN online: *durchhaben* – «1. проработать, прочитать от начала до конца; 2. разделить на две части (разрезать, распилить); 3. пронести, продвинуть что-либо между чем-либо (тж. перен)» (пример 1). В ряде контекстов отмечается реализация незафиксированного значения «выдерживать (какую-либо нагрузку)» (пример 2):

(1) „Es dauert vier bis fünf Jahre, bis Sie einen solchen Wandel in einem Konzern durchhaben“ (Die Zeit, 23.05.2013// DWDS).

(2) „Bedeutet das, von unseren Kontrahenten ist „Tempo 90 auf Autobahnen“ schon geplant, wenn sie Tempo 130 erst einmal *durchhaben*“? (Die Zeit, 01.04.2022 // DWDS).

Очевидно, что учесть все возможные варианты употребления широкозначных глагольных единиц в словарной статье не всегда возможно (а также не всегда целесообразно). Первоочередной задачей является максимально точная формулировка основного, инвариантного значения глагольной лексемы. Как правило, основное значение: а) отличается наибольшей абстрактностью либо б) относится к конкретной предметной области (пропустить кого-либо мимо себя). Второе обстоятельство объясняется тем, что человеческое мышление в процессе словообразовательной категоризации движется от эмпирического в сторону логико-понятийного уровня [Абросимова, 2015: 23].

При фиксировании дальнейших значений глагольных лексем надо учитывать тот факт, что производные значения, как правило, относятся к абстрактной сфере, нередко они бывают довольно многочисленны и отличаются малосущественными оттенками. Это осложняет процедуру их выявления и описания. При этом они обусловлены

существованием конкретного основного значения, выступающего по отношению к ним, как семантический инвариант. Для облегчения задачи, стоящей перед лексикографом, можно в особо сложных случаях рекомендовать использовать указание на метафорическую или, чаще, метонимическую связь основного и производных значений.

4.6. Принципы и методы выявления узуальных значений в семантической структуре широкозначных глагольных единиц

Трудности дискретизации значений широкозначных слов в словарях обусловлены тем, что отдельные отрезки действительности не имеют четкого разграничения и структурирования, поскольку «<...> в некоторых пунктах сама структура человеческой практики в силу ее недостаточной, незавершенной дискретизации на данном участке не дает семасиологу оснований однозначно ответить на вопрос, следует ли вычленить особое значение у многозначного слова или объединить два словоупотребления одним значением» [Никитин, 1996: 210]. Однако практика показывает, что среди множества актуальных (ситуативных) контекстуальных значений исследуемых глагольных единиц встречаются регулярные, систематические употребления, которые могут быть сведены к общему узуальному лексико-семантическому варианту. Такие варианты значений нуждаются в лексикографической фиксации, но на данный момент не отмечены словарями немецкого языка, в том числе, такими авторитетными лексикографическими источниками, как «Универсальный толковый словарь современного немецкого языка» серии DUDEN (электронная версия), и «Электронный словарь современного немецкого языка» (DWDS-Wörterbuch).

Признавая необходимость фиксации отдельных узуальных значений в структуре широкозначных глагольных единиц, следует определить правила их выявления и отграничения. Определенные решения можно найти, обратившись к теории прототипов, получившей распространение в конце XX века и базирующейся на исследованиях Э. Рош. В рамках этой теории широкое значение опи-

сывается как «набор свойств прототипического денотата», который является «типичным, эталонным представителем класса или категории сущностей, обозначаемых этим словом» [Кобозева, 2000: 160]. Свойства прототипического денотата будут общими для множества контекстуальных употреблений слова, но каждое из этих употреблений может отклоняться от структуры прототипа по тому или иному признаку: такие употребления не составляют отдельных узуальных значений [Lakoff, 1987: 160–161]. Однако, если А и В два разных узуальных значения слова, то их одновременное употребление в одном контексте невозможно [Кобозева, 2000: 160–162], так как это нарушает понятийную основу высказывания вследствие синтаксического совмещения слов, обозначающих объекты из разных понятийных областей.

Широкозначные глагольные единицы допускают множество вариантов употребления, которые отличаются от основного значения тем или иным актуализированным признаком, но в большинстве случаев их варианты могут быть помещены в один контекст без нарушения понятийной целостности высказывания. Ощущение каламбура, как правило, возникает тогда, когда сталкиваются прямое и метафорическое значения слова (например, “*Er geht ins Geschäft und zum Himmel hin*”). Следовательно, метафорические значения широкозначных глагольных единиц при условии их повторяемости следует рассматривать как отдельные узуальные значения.

И.М. Кобозева анализирует и другие факторы, которые следует учитывать, чтобы решить спорный вопрос о наличии или отсутствии разных значений у слова и принять окончательное решение о выделении в гомогенной структуре широкозначного слова самостоятельного лексико-семантического варианта [там же: 158–167]. Среди них наиболее значимыми для выявления отдельных значений у широкозначных слов мы считаем: 1) фактор различия виртуальных денотатов и сигнификатов словоупотреблений, 2) фактор семантической сочетаемости. Суть первого фактора заключается в том, что, употребления разных узуальных значений слова, «<...> сильно различаются по своим денотатам и сигнификатам (сохраняя

при этом существенную общую часть означаемого)» [Там же: 162]. Фактор семантической сочетаемости предполагает, что регулярные контекстуальные сочетания исследуемой единицы с лексемами, относящимися к какой-либо определенной семантической группе, чаще всего служат подтверждением наличия в структуре этой единицы отдельного узуального значения.

Для выявления пробелов в словарных описаниях значений исследуемых глагольных единиц и с целью дискретизации отдельных лексико-семантических вариантов применяются следующие формальные методы: дистрибутивный, валентностный, трансформационный, субституционный, и переводный. Учитывая важность фактора семантической сочетаемости, наиболее значимым для подтверждения необходимости выделения узуального значения в семантике исследуемой единицы представляется дистрибутивный или синтагматический метод. При этом речь не идет о том, что необходимо учитывать все особенности дистрибуции лексемы, так как возможность лексемы сочетаться с единицами, относящимися к разным семантическим классам, не может служить однозначным основанием для выделения каждой подобной репрезентации в отдельный семантический вариант. Однако следует учитывать регулярные, повторяющиеся сочетания лексемы с единицами, относящимися к разным понятийным областям. Выявление и анализ регулярных коллокаций позволяет выделять отдельные сферы употреблений исследуемых лексем и дифференцировать их узуальные значения на основании сем, которые актуализируются только в данных конкретных контекстуальных употреблениях.

Например, регулярные сочетания глагольной единицы *hineintun* в качестве коллоканта с единицами из лексико-семантической группы «Деньги» (*Geld, Zinsen, eine Milliarde Euro* и т. п.) дает основания выделять в однородной структуре этой широкозначной лексемы узуальное значение «вкладывать (денежные средства)», связанное с конкретной группой однородных употреблений:

„Wem nichts einfällt, hat auch schon mal einfach Geld *hineingetan*“ (Berliner Zeitung, 22.12.1995 // DWDS).

„Er wird die 120 Mark Miete *hineintun* und ihr das Ganze heute Abend ins Zimmer legen“ (Horster, Hans-Ulrich [d.i. Rhein, Eduard]: Ein Herz spielt falsch, Köln: Lingen 1991 [1950], S. 63 // DWDS).

Не отрицая важности формально-операционных приемов для установления значимых для дискретизации различий в значениях широкозначных лексем, мы, вслед за М.В. Никитиным, считаем, что «конечным критерием при решении семасиологических проблем являются те структуры концептуальных единиц, которые складываются в сознании как непосредственное отражение структуры человеческой деятельности» [Никитин, 1996: 222]. Таким образом, формальным критериям отводилась верификационная, вспомогательная роль по отношению к содержательным интерпретациям значения, отражающим то, как структурирована действительность в человеческом сознании [Там же: 222–224].

Разговорная лексема *hereinkriegen* обладает широким объемом значения в своем основном варианте – «получать что-либо извне». В приведенных ниже примерах указанное основное генерализованное значение глагольной единицы ограничивается в зависимости от конкретного контекста следующим образом:

„Hier kann das Kind immer hin noch robben, krabbeln, sich drehen und an den Holzstäben aufrichten, es kann den Boden ertasten, Spielzeug durch die Stäbe stecken und wieder *hereinkriegen* versuchen“ (*heireinkriegen* – здесь: «втягивать обратно через прутья решетки») (Die Zeit, 04.04.2002, Nr. 15 / URL:

http://www.zeit.de/2002/15/Toben_macht_schlau). «Здесь ребенок может ползать, крутиться, вставать, держась за деревянные прутья, ощупывать пол, просовывать игрушки сквозь прутья и пытаться втянуть их обратно».

„Sie war nur – nach einem langen Urlaub an der Seite eines reichen Herrn – zu dick geworden, um als Photomodell noch so viel Geld wie vorher *hereinzukriegen*“ (*heireinkriegen* – здесь: «получать, зарабатывать деньги») (Die Zeit, 22.12.1972, Nr. 51 / URL: <http://www.zeit.de/1972/51/hubert-fichte-interviewt-in-st-pauli>). «Вот только она стала – после длительного отпуска, проведенного вместе

с одним богатым мужчиной – слишком толстой, чтобы зарабатывать в качестве фотомодели столько же денег, как раньше».

Es galt in erster Linie, das *hereinzukriegen*, was der Magen forderte ... (*hereinkriegen* – здесь: «съесть, проглотить») (Süddeutsche Zeitung, 20.10.1994 // DWDS URL:

<https://www.DWDS.de/wb/hereinkriegen>). «Прежде всего, надо было съесть то, что требовал желудок».

При этом словарь DUDEN указывает на наличие у данной лексемы вполне конкретных значений, которые возникают в результате сужения основного значения: «1) получить в виде поставки что-либо (товар и т. п.); 2) «получить обратно вложенные, потраченные деньги»; 3) «принимать, смотреть (передачу)» (DUDEN).

Очевидно, что лексема *hereinkriegen* и в дальнейшем будет также подвергаться семантическим ограничениям, ведущим к появлению специализированных вариантов значения, не зафиксированных на сегодняшний день в словарях.

4.7. Анализ семантики эврисемичных разговорных глагольных единиц (на примере глагольных единиц с наречным компонентом *hin-*)

Для решения проблемы описания референциально неопределенного значения глагольных единиц был использован также метод, предложенный Манфредом Бирвишем. М. Бирвиш исходит из того, что семантические структуры и окружающий мир находятся в непосредственных отношениях, а «семантическая теория должна обеспечивать средства для соотнесения предложений с конкретными объектами и ситуациями», делая акцент на проблеме интерпретации семантических компонентов, которые соотносятся с мыслительной деятельностью человека [Bierwisch, 1981]. М. Бирвиш вводит понятия «концептуальный сдвиг» (Konzeptverschiebung) и «концептуальная семья» (Konzeptfamilie). Под «концептуальными сдвигами» понимаются отдельные семантические интерпретации одного и того же языкового выражения в речи, которые относятся к другим по-

ятийным областям и приводят к появлению концептуально дифференцированных вариантов значения слова. Поскольку эти варианты семантически связаны между собой, они составляют «концептуальную семью» [Birwisch, 1983: 81–83]. Центр «концептуальной семьи» образует основной или ядерный вариант. Основной вариант может быть связан с остальными вариантами метафорической / метонимической связью (как, например, основной вариант лексемы *Schule* – «общественный институт» связан с вариантами «процесс обучения», «здание», «общественный принцип») [Ibid.]. Лексемы, которые по своему основному значению относятся к одной и той же понятийной области, имеют аналогичные «концептуальные семьи», так что для группы понятийно родственных единиц можно сконструировать общую концептуальную схему. Методика М. Бирвиша была успешно использована Г. Штрауссом при разработке «Словаря „актуальных слов“» (*Das Lexikon der „Brisanten Wörter“*) [Strauss, 1991].

В более раннем исследовании [Юшкова, 2020], методика М. Бирвиша была применена для анализа контекстуальных вариантов немецких разговорных глагольных единиц с компонентом *hin-*, которые образованы от основ модальных глаголов и относятся к среднему уровню широкозначности.

Данные глагольные единицы реферируют к понятийному полю «модальность действия».

Их инвариантное значение, составляющее основу значения каждой лексемы, формулируется как «движение, совершаемое в направлении к определенной цели». Конкретизирующие семы характеризуют модальность совершаемого действия. В толковых словарях немецкого языка для каждой глагольной единицы приведен только один недискретный лексико-семантический вариант, сформулированный максимально широко. Исключение составляет лексема *hindürfen*, у которой отмечен еще один вариант значения – «иметь разрешение быть размещенным где-либо»:

hinkönnen – *hingehen*, *hinkommen*, *hinfahren* usw. *können* (DUDEN),

hinmüssen – hingehen, hinkommen, hinfahren usw. müssen (Ibid.),

hinwollen – hingehen, hinkommen, hinfahren usw. wollen (Ibid.),

hinmögen – hingehen, kommen, -fahren usw. mögen (Ibid.),

hinsollen – hingehen, hinkommen, hinfahren usw. sollen (Ibid.),

hindürfen – 1. hingehen, hinkommen, hinfahren usw. dürfen;
2. hingebracht, -gesetzt, -gestellt usw. werden dürfen (Ibid.).

hinlassen – hingehen, -kommen, -fahren usw. lassen; erlauben hinzugehen, -zukommen usw. (Ibid.).

В процессе контекстуального анализа были выявлены узуальные семантические варианты, относящиеся к другим понятийным областям («концептуальные сдвиги») и в совокупности составляющие их «концептуальные семьи». Всего было изучено 593 контекстуальных варианта употребления, полученных с использованием данных Национального электронного корпуса письменных текстов немецкого языка Берлинско-Бранденбургской академии наук (DWDS-Corpus). В результате референциальные значения глагольных лексем с *hin-*, образованных от основ модальных глаголов, были обобщены и сведены к нескольким узуальным вариантам, общим для всех или нескольких лексем этой группы. Дискретное описание значения каждой глагольной единицы в отдельности представлено ниже [Юшкова, 2020: 971–973].

hinkönnen

1. Основной вариант – «иметь возможность двигаться в определенном направлении» (прямое значение): „Lokomotivführer müssen die glücklichsten Menschen auf der ganzen Welt sein, weil sie überall hinkönnen, um alle Städte und alle Länder zu sehen" [Die Zeit, 23.01.2014, Nr. 05].

2. «Иметь возможность двигаться в определенном направлении» (метафорическое значение – к должности, возрасту и т. п.): „Ich hoffe, die Regierung wird uns dann zeigen, wo wir hinkönnen“ (Die Zeit, 07.04.2011, Nr. 15). „Meine Generation ist ja mit dem Gedanken aufgewachsen, dass wir überall hinkönnen", sagt Schmücker“ (Die Zeit, 02.07.2017 (online)).

3. «Иметь возможность быть размещенным где-либо» (как правило, о неодушевленных объектах, также перен. о людях – «найти пристанище, приют, убежище»): „Ich möchte, dass der Schulhof größer wird, weil dann ein Stall und Wiesen dort hinkönnen“ (Berliner Zeitung, 27.08.2005). Die Flüchtlinge müssen zuerst einmal wissen, wo sie hinkönnen“ (Berliner Zeitung, 26.07.1995).

4. «Адресовать кому-либо что-либо, обращаться к кому-либо (с чувствами, эмоциями и т.п.)»: „Die Musik hilft uns, Dampf abzulassen – und Gefühle auszuleben, mit denen du sonst nirgendwo hinkannst“ (Die Zeit, 25.07.1986, Nr. 31).

hinmüssen

1. Основной вариант – «иметь необходимость двигаться в определенном направлении» (прямое значение): „Und nun wissen Touristen auch, wo sie hinmüssen, wenn sie ins Zentrum wollen“, sagt Platzeck“ (Die Zeit, 10.07.2017, Nr. 28).

2. «Иметь необходимость двигаться в определенном направлении» (метафорическое значение): „In den Konzerten müssen sie schreien, weil die eingestrahlte Energie irgendwo hinmuss“ (Zeit Magazin, 03.08.2017, Nr. 32). „Toni Kroos, von der UEFA als "Man of the Match" ausgezeichnet, sagte: "Wir sind noch nicht da, wo wir hinmüssen, wenn wir das Turnier gewinnen wollen““ (Die Zeit, 13.06.2016 (online)).

3. «Быть размещенным где-либо» (о предметах, также часто перен. о людях): „Bei meiner ersten war ich ziemlich aufgeregt: 300 Leute statt 30 wie in der Schule, Ausweiskontrollen am Eingang, klare Ansagen, wo die Handys und Taschen hinmüssen“ (Die Zeit, 18.10.2015 (online)). „Ein Stilbruch ist nur das geflammte Holzparkett, da hätte Linoleum hingemusst“ (Berliner Zeitung, 12.10.2002). „Reicht es für die Grünen aber nicht, dann wissen Westerwelle und Jürgen Möllemann jetzt, wo sie im neuen Kanzleramt hinmüssen“ (Der Tagesspiegel, 04.07.2001).

4. «Быть адресованным кому-либо (о чувствах, эмоциях и т. п.)»: „Aber er trägt auch Dinge an die Öffentlichkeit, die dort nicht unbedingt hinmüssen“ (Berliner Zeitung, 21.09.2005).

hinwollen

1. Основной вариант – «хотеть двигаться в определенном направлении» (прямое значение): „Weil Tokio nach Abenteuer klingt und sie so gerne mal da hinwollen“, sagt Bill“ (Berliner Zeitung, 28.10.2005). „Das sei halt wie eine Party, wo man nicht hinwill, weil die bestimmt langweilig wird“ (Die Zeit, 17.04.2008, Nr. 17).

2. «Хотеть двигаться в определенном направлении» (метафорическое значение): „Spätestens vor der nächsten Bundestagswahl wird die Partei erklären müssen, wo sie nun hinwill“ (Berliner Zeitung, 21.01.2005). „Paul McCartney ist dort angekommen, wo er immer hinwollte; nach George Harrisons Tod verkörpert er allein die Beatles“ (Berliner Zeitung, 07.06.2004).

3. «Добиваться чего-либо, стремиться к чему-либо, преследовать цель (хотеть достичь)»: „Nach fünf Monaten ohne Job ist Götz da, wo er unbedingt wieder hinwollte: in der ersten Liga“ [Berliner Zeitung, 13.03.2003]. „Sie sind längst dort, wo viele der Studenten noch hinwollen – im diplomatischen Dienst“ [Berliner Zeitung, 08.11.2001]. „Hoeneß nannte die Abmachung eine "charmante Option, die zeigt, wo Arne und der Klub hinwollen, nämlich zurück ins internationale Geschäft“ (Berliner Zeitung, 01.12.2004).

hinsollen

1. Основной вариант – «быть должным двигаться в определенном направлении» (прямое значение): „Meine Leute haben bei mir angerufen“, sagte Detlef Block „und gefragt, wo sie hinsollten, und das war Stunden vor der Knallerei in der Silvesternacht““ (Die Zeit, 05.01.1979, Nr. 02).

2. «Быть должным двигаться в определенном направлении» (метафорическое значение):“ Aber genauso wie dieser Sozialismus nicht dorthin führt, wo, wie ich glaube, die Menschheit hinsollte, glaube ich auch, daß der Kapitalismus nicht dorthin führt“ (Die Zeit, 19.03.1993, Nr. 12).

3. «Быть размещенным где-либо (о предметах, также перен. О людях)»: „Es dauert oft Wochen und Monate, bis Asylbewerber da ankommen, wo sie hinsollen“ (Die Zeit, 20.08.2015 (online)). „Trotzdem

fragt man sich, wo die Menschen hinsollen, wenn sie nicht mehr in Parks schlafen dürfen“ (Die Zeit, 30.06.2016, Nr. 28). „„Draußen im Garten liegt aufgeworfene Erde; die Terrasse, die da hinsollte“, sagt Jung, „das geht jetzt erst mal nicht mehr““ (Die Zeit, 05.02.2009, Nr. 07). „Frau Springmann kam mit einer Karre vorbei und fragte ihn, wo die Erde hinsoll“ (Die Zeit, 08.06.1979, Nr. 24). „Solange keine Entscheidung getroffen wird, wo das Denkmal hinsoll, kostet es Geld“ (Der Tagesspiegel, 23.02.2002).

hinmögen

1. Основной вариант – «хотеть двигаться в определенном направлении» (прямое, реже – метафорическое переносное значение): „Das Risiko, nicht mehr zwingend pünktlich dorthin geflogen zu werden, wo man eigentlich hinmöchte, ist gewachsen“ (Berliner Zeitung, 05.01.2004). „Antwort: Wo wir eigentlich hinmöchten, ist der Service UberPool“ (Die Zeit, 10.12.2015 (online)).

2. «Хотеть достичь чего-либо»: „Vor zehn Jahren war sie da, wo Ethel Vaughn noch hinmöchte“ (Die Zeit, 08.01.2015, Nr. 02).

hinlassen

1. Основной вариант – «отправлять кого-либо в определенном направлении»: „Schließlich haut sie mit der kleinen Tochter Anetschka (Éva Fehér) ab – nicht nach Hause, weil man sie dort ohne Pass nicht hinlässt“ (Der Tagesspiegel, 12.02.2001). „Ich weiß, dass meine Familie mich gerne hingelassen hätte“ (Die Zeit, 25.07.2016 (online)).

2. «Размещать, оставлять (в виде следа, отметки) в определенном месте»: „Mittlerweile weiß Gockel-Böhner sogar, welche Spuren ein Wildschwein beim Schaben am Baum hinlässt“ (Berliner Zeitung, 26.02.2003).

hindürfen

1. Основной вариант – «иметь разрешение двигаться в определенном направлении (прямое, редко – метафорическое переносное значение)»: „Manchmal sind hier auch Semesterpartys, aber ich weiß gar nicht, ob ich da überhaupt hindürfte“ (Die Zeit, 27.12.2012, Nr. 01). „Kurz vor dem Parteitag der CDU Anfang Dezember hat sie erkannt –

man könnte auch sagen, ihre Partei hat ihr klargemacht –, wo die CDU nicht hinwill, nicht hindarf: weiter nach links“ (Die Zeit, 21.11.2007, № 4).

В итоге у всех рассмотренных глагольных единиц были выявлены узуальные варианты значения [там же: 974]:

– *hinkönnen*, *hinmüssen*, *hinsollen* – значение «быть размещенным где-либо»,

– *hinlassen* – «оставлять (след, отметку) где-либо»,

– *hinwollen*, *hinmögen* – «стремиться к чему-либо»,

– *hinkönnen* – «обращаться к кому-либо с чем-либо (об эмоциях, мыслях, чувствах и т. п.)»,

– *hinmüssen* – «быть адресованным кому-либо (о чувствах, эмоциях и т. п.)».

В основе всех вариантов значений указанных глагольных единиц, как узуальных производных, так и актуальных, лежит пространственная сема направленности, обусловленная превербальным наречием *hin*-. Дополнительные семантические признаки, которые глагольные единицы получают при контекстуальной реализации, определяются лексико-семантическим значением мотивирующего глагола. Так, например, благодаря модальности желательности глагольная единица *hinwollen* регулярно реализует значение «стремиться к чему-либо, преследовать цель (хотеть достичь)».

Таким образом, выявление отклонений от общей концептуальной схемы в семантике лексем, репрезентирующих одно и то же понятие, служит основанием для выделения концептуально дифференцированных вариантов значения этих лексем. Практический анализ показал, что данная методика является достаточно эффективной для применения в практике лексикографирования глагольных единиц среднего уровня широкосзначности.

Выводы по четвертой главе

Семантическая неопределенность глагольных единиц с наречными компонентами, образованных от основ эврисемичных глаголов, объясняется их спецификой, а именно:

1) Широкозначностью производящей глагольной основы (модальных глаголов и глагола *lassen*, глаголов *tun*, *haben*, *sein*, *kriegen*, *bekommen*);

2) Неопределенностью и отвлеченностью семантики самих превербальных компонентов, основу которой составляет абстрактное пространственное значение, модифицируемое, в первую очередь, в соответствии с семантикой производящего глагола и значением словообразовательной модели;

3) Особым характером данной словообразовательной модели, которая способствует смысловой и языковой компрессии производных глагольных лексем.

Анализ словарных дефиниций показал, что значение подавляющего большинства таких глаголов, представленное в авторитетных словарях немецкой лексики, сформулировано максимально широко и дискретизируется редко. При их лексикографическом описании не в полной мере учитываются факты модификации значения в конкретных контекстах, которые возникают вследствие соотнесенности с конкретными объектами реального мира, относящимися к иным референциальным областям, и приобретают системный характер. С одной стороны, это объясняется стремлением описать семантику широкозначного слова максимально кратко и емко, сведя множество актуальных значений, по возможности, к одному семантическому инварианту. С другой стороны, размытость границ между сущностями окружающей человека действительности и невозможность их четкого разграничения делают процесс дискретизации отдельных лексико-семантических вариантов широкозначного слова крайне трудной задачей. Возможность выявления конкретных узуальных значений в его семантической структуре (а также их количество) зависит, в первую очередь, от того, насколько четко обозна-

чена в человеческом опыте и сознании соответствующая предметная область. Неопределенность содержания таких единиц и практически бесконечное количество их актуальных реализаций также являются серьезными факторами, усложняющими процесс описания семантики эврисемичных лексем.

Тем не менее, несмотря на всю сложность, установление и фиксация внутри общего концептуального поля содержательных доминант, которые передаются в языке в виде поддающихся дискретизации узуальных значений широкозначных слов, представляется крайне важной задачей.

Для того, чтобы принять окончательное решение о выделении в гомогенной структуре широкозначного слова самостоятельного лексико-семантического варианта, могут быть использованы формальные правила выявления узуальных значений, среди которых наиболее эффективными признаются референциальный и синтагматический (дистрибутивный) критерии. Как правило, требуется тщательный и длительный анализ множества контекстуальных употреблений широкозначного слова с целью уточнения и систематизации его однородных актуальных значений, которые в дальнейшем могут быть сведены к отдельным узуальным инвариантам.

Большое значение имеет анализ сочетаемости широкозначного слова, поскольку регулярные сочетания исследуемой единицы с лексемами, относящимися к какой-либо определенной семантической группе, чаще всего служат подтверждением наличия в структуре эврисемичной лексики конкретного узуального значения.

Библиография к четвертой главе

1. Абросимова Л.С. Словообразовательная категоризация в языковой картине мира (на материале отсоматической лексики английского языка): дисс. ... доктора филологических наук. – Ростов-на-Дону, 2015. – 425 с.

2. Аверина А.В. О грамматизации глаголов в конструкциях с семантикой предположения в немецком языке // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – № 3. – 2009. – С. 27–30. URL: <http://elibrary.ru/download/30772073.pdf> (дата обращения 12.03.2015).

3. Амосова Н.Н. О некоторых типовых конструкциях в английском языке. Вестник ЛГУ. – № 8. – 1959. – 58–69 с.

4. Аралов А.М. К вопросу о соотношении широкого и узкого значения слова: на материале глагола *run* в английском языке и глаголов *laufen*, *rennen* в немецком языке. Дисс. ... канд.филол.наук. – Москва, 1979. – С. 6–8.

5. Аралов А.М. О проблеме отбора месте широкозначных слов в структуре частей речи // Социолингвистические и лингвистические аспекты в изучении иностранных языков. – М.: Изд-во Рос. Ун-та дружбы народов, 1992. – С. 23–31.

6. Бирвиш М. Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. – 1981. – № 10. – С. 177–198 URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=38635> (дата обращения: 16.08.2020).

7. Блинова О.В., Белов, С.А. Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11. – Вып. 4. – с. 774–812.

8. Блох М.Я., Аралов А.М. Аспекты значения слова // Семантика и функционирование английского глагола. Межвуз. сб. науч. тр. – Горький: ГГПИИЯ, 1985. – С. 15–29.

9. Братцева А.Л. О семантической неопределенности специальных лексических единиц // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Языкзнание и литературоведение. – № 6 (777). – 2017. – С. 21–31.

10. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

11. Девкин В.Д. Немецкая лексикография. – М.: Высшая школа, 2005. – 670 с.

12. Димова С. О полифункциональности слова с широким значением (на материале английского существительного way): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. – с. 670.

13. Егорова О.М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2017. – 21 с.

14. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

15. Кронгауз, М.А. Семантика. М: Рос. гос. гуманит.ун-т, 2001. – 399 с.

16. Кудинова В.И. Широкозначные глаголы в современном немецком языке. Автореф. дисс. ... к.филол.н. – М., 1994. – С. 4–5.

17. Маринова Е.Д. Синтаксис и семантика некоторых широкозначных глаголов динамического состояния в английском языке: Опыт диахронического исследования. – Иркутск, 1995. – 19 с.

18. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – 758 с.

19. Плоткин В.Я., Гросул Л. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях / редкол.: В. Н. Ярцева (отв. ред.) и др. Кишинев, 1982. – С. 81–86.

20. Плоткин В.Я. Широкозначность как особый тип семантики слова // Номинация и контекст. – Кемерово: КемГУ, 1985. – С. 94–99.

21. Пупынина Е.В. Абстрактные существительные как лингвистическая проблема (на материале английского языка) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2011. – № 18 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abstraktnye-suschestvitelnye-kak-lingvisticheskaya-problema-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 15.03.2025).

22. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 124 с.

23. Семина И.А. Когнитивно-функциональные основания теории субстантивной широкозначности. Автореф. дисс. ... д.-ра филол. наук. – М., 2014. – 47 с.

24. Семина И.А. К определению субстантивной широкозначности (на материале предметных существительных современного французского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 5 (795). – С. 137–150.

25. Федюк П.С. Специфика определения критериев широкозначности лексических единиц // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 101. – С. 200–205.

26. Шабает В. Г. Эврисемиа: проблемы лексики и грамматики (на материале английского языка) / В. Г. Шабает // Наука и образование: современные тренды. – 2015. – № 2(8). – С. 100–126.

27. Шапошникова И.В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингвоэтническом аспекте. Дисс. ... д. филол.н. – Иркутск: ИГЛУ, 1999. – 243 с.

28. Шустова С.В. О грамматикализации глаголов (на материале немецкого языка) // Филологические заметки. – 2015а. – № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-grammatikalizatsii-glagolov-na-materiale-nemetskogo-yazyka> (дата обращения: 10.01.2025).

29. Шустова С.В. Функционально-грамматический каузатив lassen в аспекте грамматикализации. В Евразийский вестник гуманитарных исследований. – 2015b. – № 1. – С. 111–114.

30. Юшкова Л.А. Тенденции в словообразовании разговорной глагольной лексики современного немецкого языка: образование глагольных единиц с частицами предложного характера. Монография. – Ижевск: Издательский центр «УдГУ», 2016. – 240 с.

31. Юшкова Л.А. Типы морфосемантической мотивированности разговорных глагольных лексем немецкого языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 1 (54). – С. 109–114.

32. Юшкова Л.А. Недостаточность дискретизации значений эврисемичных лексем при лексикографировании (на примере немец-

ких разговорных глагольных единиц с компонентом hin-) // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия: История и филология. – 2020. – Т. 30. – Вып. 6. – С. 968–975.

33. Яцкевич Л.Г. Семантический синкретизм как источник ситуативной метонимии и словообразовательной когерентности диалектных лексем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2016. – № 1 (1). – С. 91–97.

34. Bierwisch M. Semantische und konzeptuelle Repräsentation lexikalischer Einheiten // Untersuchungen zur Semantik (=Studia Grammatica XXII). – Berlin, 1983. – S. 61–99.

35. Blutner R. Lexikalische Pragmatik // Metzler-Handbuch Pragmatik / F: Liedtke, A. Tucher (Eds.). – Stuttgart: J.B. Metzler, 2018. – S. 3–12.

36. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS): Projekt der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. URL: <http://DWDS.de/> (дата обращения: 15.03.2025).

37. DUDEN. Universalwörterbuch. URL: <http://www.DUDEN.de/> (дата обращения: 15.03.2025).

38. Fischer J. Kurz vor der Winterpause: Eindeutige Tendenzen in der U15-Kreisliga [Электронный ресурс] // anpfiff.info. URL: <https://www.anpfiff.info/sites/cms/artikel.aspx?SK=5&Btr=84712&Rub=571> (дата обращения: 16.06.2021).

39. Küpper, H. PONS. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – Klett, Stuttgart, 1997. – 438 S.

40. Lakoff G. Woman, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. The University of Chicago Press, Chicago, 1987. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/9c85/d2dd7e6d924a1078fb93cac9baaa8a850d3e.pdf> (дата обращения: 11.01.2023).

41. Lang E. Einführung // Kopula-Prädikativ-Konstruktionen als Syntax / Semantik Schnittstelle / Lang E., Geist L. (Hrsg.). ZAS Papers in Linguistics. – Bd. 14. – 2024. – S. 4–6. URL: <https://zaspil.leibniz-zas.de/article/view/1/592> (дата обращения: 11.01.2025).

42. Petermann K. Verbale und nonverbale Vagheit in englisch- und deutschsprachigen Interviews. – Berlin: Frank & Timme, 2014.

43. Pinkal M. Vagheit und Ambiguität (Vagueness and Ambiguity). Semantik / Semantics. – Berlin/New York, 1991. – S. 250–269.

44. Pinkal M. Vagueness, Ambiguity and Underspecification. Proceedings from the Conference on Semantics and Linguistic Theory. Rutgers University (SALT). Ithaca, Cornell University, 1996. – S. 185–201.

45. Pinkal M. Logik und Lexikon: Die Semantik des Unbestimmten. Walter de Gruyter GmbH & Co KG. – 2016.

46. Rosch E. Principles of Categorization. Cognition and categorization. – Lawrence Elbaum Associates. – 1978. – P. 27–48.

47. Strauss G. Semantische Regeln für lexikalische Einheiten und ihre konzeptualisierung im Wörterbuch // Wortbedeutungen und ihre Darstellung im Wörterbuch / Harras G., Haß U., Strauß G. (Hrsg.). – Berlin [u.a.]: de Gruyter, 1991. – S. 97–124.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если рассматривать глагольные единицы в контексте языкового развития, то они представляют собой феномены переходного характера, наглядно демонстрирующие действие динамических тенденций в языке. Задача синхронного словообразования заключается в том, чтобы зафиксировать эти переходные явления и попытаться как можно более внимательно проанализировать и описать особенности их структуры, семантики и функционирования, выявляя, таким образом, их словообразовательный потенциал и возможные перспективы развития. Определенный вклад в решение этих задач вносит исследование, результаты которого отражены в данной монографии.

В первой главе был сделан общий обзор подходов к определению понятия «разговорный язык», причем особое внимание было уделено концепции разговорного языка как многомерной системы, которая находится на пересечении разных измерений, что на лексическом уровне выражается в наличии разговорных слов (в том числе, глагольных единиц), которые могут и должны быть охарактеризованы в разных аспектах – диахроническом, диатопическом (территориальном), социально-профессиональном, этико-стилистическом, прагматическом (ситуативном) и некоторых других (например, эстетическом, возрастном и гендерном).

Во второй главе была поставлена задача выявления и подробного описания продуктивных моделей образования разговорных глагольных единиц с приглагольными наречными частицами пространственной семантики. Как количественный подсчет образованных по разным моделям глагольных единиц с наречными частицами, так и анализ условий реализации этих моделей подтвердили факт их продуктивности. Исследование показало, что количественная продуктивность структурно-семантических вариантов модели образования немецких разговорных глагольных единиц с наречными частицами варьируется от незначительной до высокой. Наиболее

продуктивными в количественном отношении являются модели с наречными частицами *herum-* / *rum-*.

Анализ качественного аспекта продуктивности показал, что влияние правил, ограничивающих реализацию модели в общелитературной лексике, значительно ослабляется в сфере разговорного словообразования. Чаще всего нарушаются правила семантической сочетаемости, в результате чего страдает внешняя логика соединения компонентов готовой единицы (*heraustrommeln*). Нарушение правил стилистической валентности также не становится значимым препятствием для образования разговорных глагольных единиц: встречается как сочетание нейтрального мотивирующего глагола с разговорно-окрашенным наречным компонентом (*drumrumreden*), так и сочетание нейтрального преверба с основой стилистически-окрашенного мотивирующего глагола (*dazubuttern*).

В третьей главе была предпринята попытка проанализировать, какое влияние оказывают лингвистические и нелингвистические факторы на немецкое словообразование в кризисные периоды существования общества. К исследованию была привлечена новая лексика периода «коронавирусной пандемии». В ходе исследования были выявлены глагольные лексемы, не отмеченные лексикографическими ресурсами, включая электронный Словарь новой лексики (*Neulogismenwörterbuch*) Института немецкого языка имени Лейбница, а именно его раздел „*Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*“. Значение некоторых зафиксированных в указанном словаре глаголов было уточнено, благодаря тщательному контекстуальному анализу.

Проведенный анализ наглядно подтвердил, что формирование разговорной глагольной лексики немецкого языка происходит под влиянием актуальных общеязыковых тенденций. Важную роль среди них играет языковая экономия, а также тенденция к обобщению, абстрагированию и идиоматизации. Несомненно, ведущей тенденцией в словообразовании разговорной глагольной лексики немецкого языка с использованием приглагольных частиц остается стремление к эмоциональной выразительности в сочетании с крат-

костью, точностью и образностью наименования действия или процесса. Глагольные единицы с превербами-частицами в полной мере, как структурно, так и семантически, удовлетворяют указанным лингвистическим потребностям, что и способствует увеличению их частотности и продуктивности моделей их образования в современной немецкой разговорной лексике.

В четвертой главе была проанализирована особая группа глагольных единиц – глагольные лексемы, образованные от широкозначных глаголов, в результате чего в структуре некоторых рассмотренных широкозначных глагольных единиц были выявлены отдельные узусальные значения, не зафиксированные лексикографически. Используемая методика анализа может внести вклад в разработку алгоритма лексикографического описания эврисемичных слов с целью максимально точного фиксирования фонда немецкой разговорной глагольной лексики.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Библиография к Введению	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ. НЕМЕЦКИЙ РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК КАК ОСОБАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ЯЗЫКА.....	10
1.1. „Umgangssprache“ vs. „gesprochene Sprache“	10
1.2. Разговорный язык как адаптивный вариант между литературным языком и диалектами.....	13
1.3. Разговорный язык как многомерная система.....	16
1.4. Разговорный язык и литературный стандарт	23
1.5. Специфика лексикографического описания разговорных единиц	25
Выводы по первой главе:.....	34
Библиография к первой главе	36
ГЛАВА ВТОРАЯ. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕМЕЦКИХ РАЗГОВОРНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ С ПРИГЛАГОЛЬНЫМИ НАРЕЧНЫМИ ЧАСТИЦАМИ	41
2.1. Аспекты и факторы продуктивности моделей образования немецких разговорных глагольных единиц с наречными частицами.....	41
2.2. Модели образования разговорных глагольных единиц с приглагольными наречными частицами.....	49
Выводы по второй главе.....	99
Библиография ко второй главе	103
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ДИНАМИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОСТИ.....	106
3.1. Экстралингвистические факторы общей динамики языка	106
3.2. Реализация общезыковых тенденций на уровне словообразования (на материале немецкой неологической лексики периода пандемии)	111

3.3. Структурно-семантические особенности разговорных глагольных лексем в немецкой лексике периода пандемии	124
3.3.1. Аффиксальные глаголы с компонентом <i>Corona</i>	125
3.3.2. Глагольные единицы с приглагольными частицами с компонентом <i>Corona</i>	128
Выводы по третьей главе.....	132
Библиография к третьей главе	134
 ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ЭВРИСЕМИЯ НЕМЕЦКИХ РАЗГОВОРНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ С НАРЕЧНЫМИ ЧАСТИЦАМИ....	
4.1. Эврисемиа как частный случай выражения неопределенности в языке	140
4.2. Уровни широкозначности.....	142
4.3. Критерии широкозначности	144
4.4. Характеристика эврисемичных глагольных лексем с превербами-наречиями, как единиц с неопределенным содержанием.....	148
4.5. Проблема лексикографирования эврисемичных глагольных единиц	151
4.6. Принципы и методы выявления узусных значений в семантической структуре широкозначных глагольных единиц	161
4.7. Анализ семантики эврисемичных разговорных глагольных единиц (на примере глагольных единиц с наречным компонентом <i>hin-</i>)	165
Выводы по четвертой главе.....	172
Библиография к четвертой главе	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	179

Научное издание

Юшкова Людмила Анатольевна

**Динамика глагольных единиц с наречными частицами
в разговорной лексике современного немецкого языка
(словообразовательный аспект)**

Монография

*Авторская редакция
Компьютерная верстка: Т.В. Опарина*

Подписано в печать 19.06.2025. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 10,63. Уч. изд. л. 9.95.
Тираж 500 экз. Заказ № 1024.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021 Тел.
+ 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18

ISBN 978-5-4312-1269-7

9 785431 212697